ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

КНИГА ДЕВЯТАЯ

КАЛЛИОПА

БИБЛИОТЕКА «СКИТ ОТШЕЛЬНИКА»

The Histories

Herodotus
of Halicarnassus

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ
В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Перевод и примечания

Г.А.Стратановского

Под общей редакцией

С.Л.Утченко

Редактор перевода

Н.А.Мещерский

Издательство «НАУКА»

Историческое отделение

ГОРА «ОЛИМП»

2017

Редакционная коллегия серии
«Памятники исторической мысли»

П.М.Баткин (учёный секретарь), **Б.Г.Вебер**, **М.Я.Гефтер**, **А.А.Губер** (председатель), **А.В.Гулыга**, **В.М.Далин**, **А.И.Данилов**, **И.С.Кан**, **М.В.Нечкина**, **С.А.Токарев**, **С.О.Шмидт**, **Е.М.Штаерман**.

Секретарь серии:
Е.М.Михина

Ответственный редактор
С.Л.Утченко

От редакционной коллегии

Настоящим изданием открывается новая академическая серия, в которой будут представлены труды, сыгравшие существенную роль в развитии исторической мысли.

Перевод «Истории» Геродота был подготовлен для «Литературных памятников», а затем перешел «по наследству» в нашу серию. Мы принимаем его с большой признательностью, так как получили возможность начать наши издания с «отца истории» и с труда, лежащего еще на трудноразличимой грани между мифом и историческим повествованием.

В дальнейшем, однако, мы не предполагаем придерживаться строгой хронологической последовательности. Так, за Геродотом последует сочинение, которое сразу перенесет нас вперед через два тысячелетия – в эпоху Ренессанса: это «История Флоренции» Макиавелли. Готовятся к изданию исторические статьи из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, книга Петра Кропоткина «Великая французская революция 1789–1793 гг.», работа французского историка Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Далее на очереди «Идеи философии истории человечества» Гердера, философско-исторические труды Гегеля, «Письма об изучении истории» Боллингброка, «Первобытное

общество» Моргана, сочинения Саллюстия, Августина и Пселла. Таков наш план на ближайшее время.

Естественно, мы считаем необходимым и переиздание ставших библиографической редкостью некоторых марксистских работ, начиная с Франца Меринга и кончая первыми шагами советской исторической науки.

Подготавливая к изданию труды, отражающие движение западноевропейской и русской исторической мысли, мы надеемся в дальнейшем достойно представить в серии историческую мысль и народов других континентов.

В серии найдут место книги, уже известные читателю, но давно ставшие малодоступными или нуждающиеся в новых переводах, а также произведения, впервые переводимые на русский язык.

Подготовка текста, построение научного аппарата будут аналогичны тем, которые приняты и с успехом испытаны в серии «Литературные па- мятники». Однако принципы отбора произведений в нашей серии, естественно, иные.

Некогда историческое повествование было частью литературы в широком смысле слова (поэтому, кстати, сочинения Плутарха, Ксенофонта, Светония, на которые может претендовать наша серия, с неменьшим правом уже нашли себе место среди изданий серии «Литературные памятники»). Да и после того, как произошло четкое разделение разных сфер творчества и мысли, многие историки и философы, размышлявшие над проблемами истории, умели писать с поистине художественным блеском. Однако литературные достоинства могут послужить лишь дополнительным аргументом в пользу включения того или иного сочинения в нашу серию. Не исходим мы и из тех качеств, которые делают произведение, принадлежащее прошлому, ценным источником

исторических сведений. В названии «Памятники исторической мысли» акцент делается на последнем слове.

Наша серия призвана развернуть перед читателем многовековую панораму раздумий над соотношением прошлого, настоящего и будущего – над «связью времен», над движением истории. Не всегда это было теоретизирование в прямом значении слова: то, как люди ощущали историю и свою включенность в нее, могло найти выражение как в хронике или эпическом описании, так и в философском трактате или в публицистическом произведении на злобу дня. В том же свете, как необходимая часть исторической мысли, должна быть представлена в серии и профессиональная историческая наука, произведения, принадлежащие к её важнейшим школам и направлениям.

Нелегко, конечно, отделить историческую мысль от историографии в собственном смысле. Критерии такого отделения довольно условны. Очевидно всё же, что понятие «Историческая мысль» шире понятия «историческое исследование». Пытается ли тот или другой автор охватить ту или иную эпоху и даже всю историю человечества, или он занят изучением сравнительно частного, специального вопроса, его в этом случае отличает в первую очередь интерес к смыслу истории в целом.

С этих позиций только и может решаться вопрос о «современности» или «устарелости» того или иного произведения. Своеобразие и самостоятельность мышления автора, целостность и масштабность его миропонимания, связь рассматриваемых им проблем с теми, к которым и в наше время вновь обращается историческая мысль, являются здесь главными критериями.

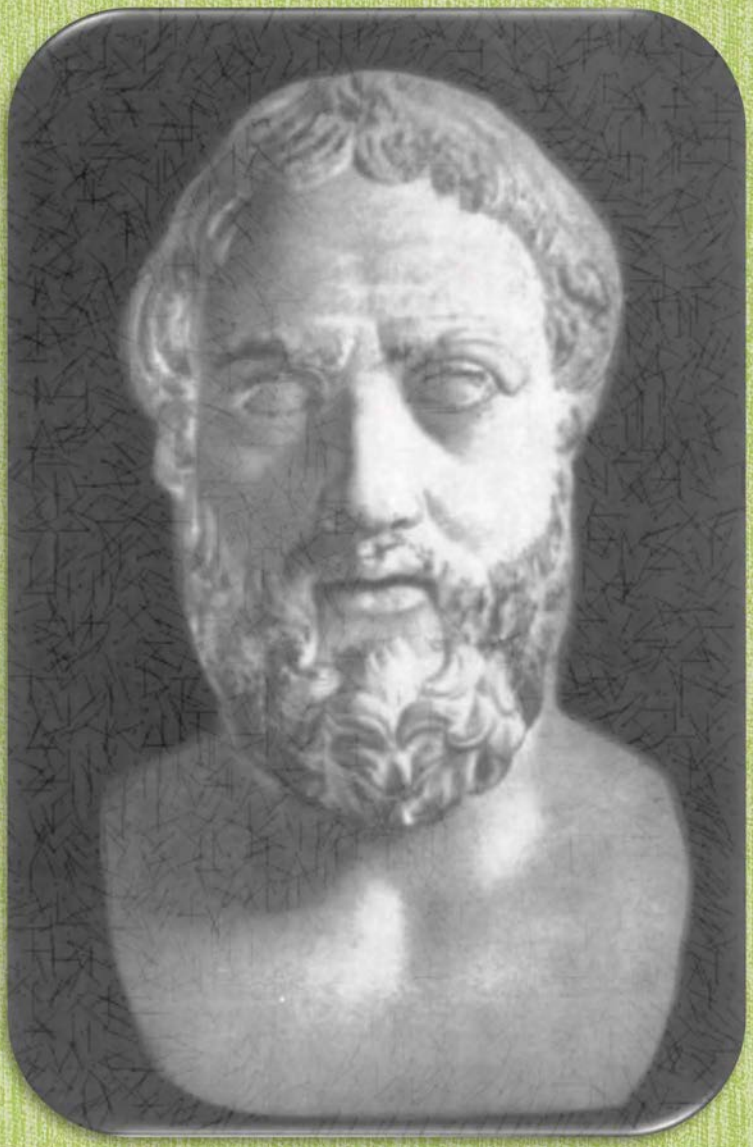
Очевидно, что задачи серии не могут не быть воспитательными, связанными с борьбой мировоззрений и в этом смысле остро современными. Именно потому и круг отбираемых трудов для серии

должен быть максимально объективен и широк. Собираясь и в будущем издавать классические сочинения, отбор которых надежно произведен историей, мы не хотели бы ограничиться только этими призванными вехами развития исторической мысли. Без Геродота нет историографии античности, без Августина нет всей тысячелетней христианской историографии; однако нечто сходное можно сказать и о некоторых сочинениях философов и историков конца XIX–первой половины XX в., подчас противоречивых и требующих весьма критических комментариев, но также необходимых тому, кто хочет самостоятельно судить по первоисточникам о современном положении в мировой исторической науке.

Таким образом, мы широко понимаем, как рамки нашей серии, так и её будущую читательскую аудиторию. Настоящий памятник исторической мысли – это нечто живое, не оставляющее нас безразличными, неустранимо присутствующее в памяти каждого человека, думающего в наши дни над проблемами истории. К этому-то читателю, независимо от его профессии, и обращена наша серия.

Первому тому нашей серии суждено увидеть свет уже после внезапной и горестной для всей советской исторической науки кончины председателя редколлегии «Памятников исторической мысли» Александра Андреевича Губера. Без усилий и поддержки Александра Андреевича серия вряд ли могла бы начать свое существование. Пусть настоящее издание останется связанным в сознании читателей с его именем.

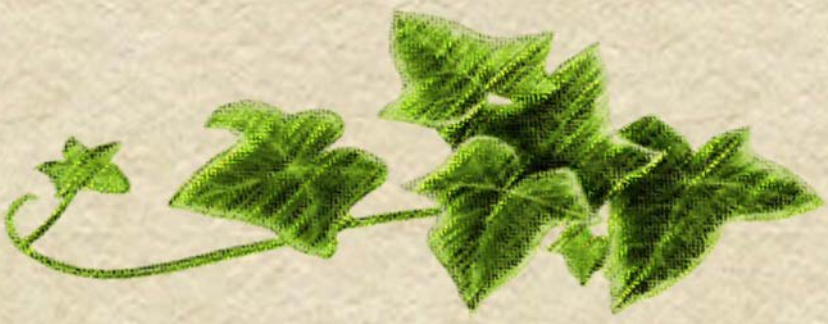
Редколлегия серии
«Памятники исторической мысли»



БЮСТ ГЕРОДОТА

МУЗЕЙ В НЕАПОЛЕ

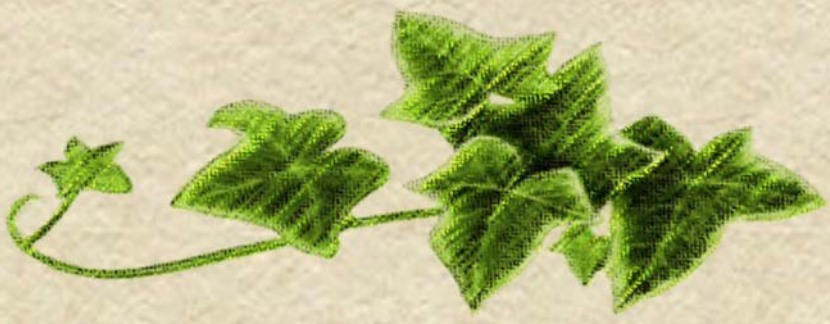
484 ДО Н.Э. – 426 ДО Н.Э.



ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Каллиопа — в греческой мифологии одна из девяти муз, дочь Зевса и Мнемосины. **Каллиопа — муза эпической поэзии.** Имя этой музы с греческого может быть переведено как "имеющая прекрасный голос". Она вызывает чувство жертвенности, побуждающее человека преодолеть свой эгоизм и страх перед судьбой. Каллиопа носит на челе золотую корону — знак того, что она главенствует над другими музами, благодаря своей способности приобщать человека к первым шагам на пути его освобождения. Каллиопа изображалась с вощеной дощечкой или свитком и грифельной палочкой в руках – стилосом.



КНИГА ДЕВЯТАЯ

КАЛЛИОПА

Каллиопа – муза эпической поэзии и красноречия.

Каллиопа — муза эпической поэзии. Имя этой музы с греческого может быть переведено как "имеющая прекрасный голос". По мнению Диодора, это имя возникло в тот момент, когда было произнесено "прекрасное слово" (кален опа). Она является старшей дочерью Зевса и Мнемосины.

Каллиопа – мать Орфея, муза героической поэзии и красноречия. Она вызывает чувство жертвенности, побуждающее человека преодолеть свой эгоизм и страх перед судьбой. Каллиопа носит на челе золотую корону — знак того, что она главенствует над другими музами, благодаря своей способности приобщать человека к первым шагам на пути его освобождения. Каллиопа изображалась с вощеной дощечкой или свитком и грифельной палочкой в руках – стилос, который представлял собой бронзовый стержень, заострённый конец которого использовался для нанесения текста на дощечку, покрытую воском. Противоположный конец делался плоским, чтобы стирать написанное.

Каллиопа дает творческим людям искусства власть над человеческими душами. Дионисий в своих элегиях считал поэзию «криком Каллиопы». Принципами героической поэзии являлись воспевание воинской отваги, достоинства воина, чистоты его души, рыцарство, благородство и бесконечную способность к самопожертвованию.

Одним из сыновей Каллиопы был Орфей. Его отец Аполлон подарил сыну лиру, а музы обучили игре на ней. Мастерство Орфея стало магическим:

завораживающая сила подчиняла себе не только людей, зверей и богов, но и неодушевленную природу. Скалы с деревьями начинали танцевать, а бушующие волны моря успокаивались.

В честь Каллиопы, по ее имени, назван музыкальный инструмент – паровой орган, который использует гудки локомотивов или пароходов. Звук у этого инструмента громкий и пронзительный, а регулировать можно только его высоту и длительность. Обычно инструмент состоит из 32 гудков, а с начала прошлого века каллиопы выпускались с автоматическим механизмом для звукоизвлечения. Подобная конструкция применяется в органе или механическом пианино.

Эллада подарила миру не только увлекательные мифы о богах и героях. Музы Древней Греции, эти образы дочерей Зевса, издавна ассоциировались с искусством, вдохновением, озарением, мечтой и светлыми моментами. Каждую из них наделяли особыми чертами и атрибутами, к ним обращались за благословением и открывали в честь муз храмы. Какими были эти девять муз и какой след они оставили в мировой культуре? Как считали греки, каждая из самых важных сфер жизни имеет свою покровительницу. А поскольку их матерью являлась Мнемосина, олицетворявшая память, «муза» переводится как «мыслящая». А местом обитания девяти муз непременно были горы (Геликон или Парнас) с прозрачными источниками и тенистыми лесами. Здесь они танцевали под звуки лиры бога Аполлона. Именно такой сюжет можно часто рассмотреть и на античных фресках, и на полотнах европейских художников, которых вдохновляла греческая мифология.

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!
И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя!
За мученья, за гибель –
Я знаю – всё равно принимаю тебя!

*** (А. Блок)***

Каллиопа, с голосом воинственных фей,
Муза героического содружества,
Мать Орфея, в её имени топот коней,
В её облике – отвага и мужество.

В её голосе звук бронзовых труб,
Что сопровождают шествие героев,
В её губах храбрость обветренных губ,
Её туника развевается как флаг воина.

В ней Валькирии неистовые,
Что вызволяли в битве воинов,
Когда те бились за идеалы чистые,
За детей,молодую жену и родину.

Каллиопа – могущественный ангел,
Поющий с небес и вздымающий знамя.
Она всегда с бойцами,веры взалкав,
Что Победа всегда будет за нами!

Старшую музу зовут Каллиопа. Это муза патриотизма, любви к Родине и жертвенности. Она вдохновляет воинов, заставляет сердцем слышать прекрасный голос Родины. Каллиопу часто изображают с короной или лавровым венком, что подчеркивает статус этой благородной девы. Когда муза начинала говорить о благородстве и чести, боги Олимпа замолкали, ибо нет ничего важнее этого. Своему сыну Орфею Каллиопа внушала, что каждое слово в стихотворении ли, в песне ли должно возвращать душу погибшего воина и нет задачи более почетной, чем эта.

Впервые музы упомянуты Гомером. В бессмертных «Илиаде» и «Одиссее» он обращается к музам с просьбой помочь ему в начале долгого пути. И до сих пор поэты и музыканты, ученые и художники ищут у них духовной опоры и вдохновения.

В одной из "Идилий" римского поэта Авсония находим следующую стихотворную характеристику муз:

«Клио прошлых времен дела вещает потомству,
Мельпомена трагический вопль исторгает печали,
Радует Талия шуткой, веселым словцом и беседой,
Сладкую песню поет с тростниковою флейтой Эвтерпа,
Терпсихора кифарой влечет, Бурей чувства владея,
С плектром в руке Эрато чарует словом, и жестом,
Песни времен героических в книге хранит Каллиопа,
Звезды небес изучает Урания, неба отвращенье,
Жестами все выражая, Полигимния славит героев.»

Сегодня все девять спутниц Аполлона – дочери Зевса и Мнемосины, хорошо знакомы нам по огромному числу картин и скульптур, их изображающих. Музам и в наши дни поэты, художники и другие мастера не стесняются посвящать свои произведения. Безусловно, их привлекает красочность образа, а, возможно, они надеются, что и в современном мире полезно заручиться поддержкой столь древних и прекрасных богинь.

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

Книга Девятая

КАЛЛИОПА

1. А Мардоний после возвращения Александра с ответом афинян выступил из Фессалии и пошел на Афины. Жителей тех местностей, где проходило войско, он заставлял следовать за собою. Фессалийские властители[1] между тем вовсе не раскаивались в своих прежних поступках, но теперь даже гораздо более настойчиво побуждали царя [напасть на Элладу]. Так, Форак из Ларисы, сопровождавший Ксеркса во время бегства из Эллады, теперь открыто разрешил Мардонию проход через свою страну в Элладу.

2. Когда же персидское войско прибыло в Беотию, фиванцы стали уговаривать Мардония не идти дальше: они советовали разбить здесь стан, так как, по их словам, в Элладе нет более подходящего места для военных действий, чем Беотия. Дальше ему не следует двигаться, но на месте пытаться без боя покорить всю Элладу[2]. Силой ведь одолеть эллинов было бы трудно целому свету, когда те единодушны, как это было до сих пор. "Если ты последуешь нашему совету, – говорили они, – то легко расстроишь все их враждебные замыслы. Пошли денежные подарки наиболее влиятельным людям в отдельных городах и этим ты внесешь раздор в Элладу. А затем с помощью твоих новых приверженцев без труда одолеешь врагов".

3. Так беотийцы советовали Мардонию, а тот не послушался их: он горел желанием вторично взять Афины, отчасти из безрассудного упрямства, а отчасти также потому, что решил сообщить царю весть о взятии Афин сигнальными огнями через острова[3], пока тот еще пребывал в Сардах. Однако, когда Мардоний вступил в Аттику, он не нашел там афинян. Большинство их, по слухам, вновь переправилось на кораблях на

Саламин, и он взял пустой город. А [первое] взятие города царем произошло за 10 месяцев до вторжения Мардония.

4. Из Афин Мардоний послал на Саламин геллеспонтийца Мурихида с таким же предложением, какое раньше передал афинянам македонянин Александр. Враждебное настроение афинян Мардоний, конечно, знал заранее, но все же вновь отправил посла в надежде, что захват военной силой и подчинение Аттики исцелит афинян от глупого упрямства. Вот почему Мардоний и отправил Мурихида на Саламин.

5. А Мурихид предстал перед советом [афинян] и изложил поручение Мардония. Один из советников, Ликид, высказался за то, что лучше было бы не отвергать предложения Мурихида, а представить его народному собранию. А подал такое мнение Ликид неизвестно, потому ли, что был подкуплен Мардонием, или оттого, что считал его действительно правильным. Афиняне же, услышав такой совет, пришли в негодование (советники – не менее, чем народ, с нетерпением ожидавший на улице) и тотчас обступили Ликида и побили его камнями. Геллеспонтийца же Мурихида они отпустили невредимым. На Саламине между тем поднялось смятение из-за Ликида; афинские женщины, узнав о происшествии, знаками подстрекая и забирая по пути с собой одна другую, явились к жилищу Ликида и побили камнями его жену и детей.

6. На Саламин же афиняне переправились вот как. В ожидании прибытия пелопоннесского войска афиняне оставались в Аттике. Но так как пелопоннесцы все время медлили с помощью, попусту проводя время, а Мардоний наступал и, как сообщали, стоял уже в Беотии, то афиняне перенесли свое имущество в безопасное место, а сами переправились на Саламин. А в Лакедемон афиняне отправили послов с упреками лакедемонянам за то, что те допустили

вторжение варваров в Аттику, не встретив врага в Беотии. Послы должны были, кроме того, напомнить им о щедрых посулах персидского царя афинянам (в случае их перехода к персам). Да к тому же еще объявить лакедемонянам: если те откажут в помощи, афиняне сами найдут средство спасения.

7. Лакедемоняне же как раз справляли тогда праздник, именно Гиакинфии, и для них важнее всего в то время было чествование божества (да и стена, воздвигаемая в Истме, была почти готова, и на ней даже ставили зубцы [башен])[4]. По прибытии в Лакедемон афинские послы вместе с мегарцами и платейцами явились к эфорам и сказали вот что: "Послали нас афиняне и велели передать вам, что царь мидян возвращает нам нашу землю и желает заключить с нами союз на условиях полного равенства [обеих сторон], без обмана и коварства. Он жалует нам кроме нашей земли еще и другую по нашему выбору. А мы не приняли его предложений из благоговейного страха перед эллинским Зевсом и потому, что измена Элладе для нас – отвратительное деяние. Мы отказались, хотя эллины обижали нас и покинули на произвол судьбы и хотя мы знали, что мир с царем нам выгоднее войны. Все же добровольно мы, конечно, не заключили мира с персами. И [поэтому] наш образ действий и намерения по отношению к эллинам честны и искренни. Вы же, напротив, были тогда в сильнейшей тревоге: как бы мы не помирились с персидским царем. А после того как вам стали ясны наши намерения (именно, что мы никогда не предадим Эллады) и так как стена на Истме была почти готова, тогда вы стали совершенно безразличны к афинянам. Договорившись с нами встретить персов в Беотии, вы покинули нас и допустили варваров в Аттику. Поэтому то афиняне в данный момент гневаются на вас: ведь вы поступили нечестно. Афиняне требуют теперь, чтобы вы без промедления послали войско и вместе с ними дали отпор врагу в

Аттике. Но так как мы уже [из-за вашей медлительности] опоздали вступить в Беотию, то на нашей земле самым подходящим полем битвы будет Фриасийская равнина''.

8. Выслушав эту речь, эфоры отложили ответ на следующий день, а потом – снова на день. И так они поступали 10 дней, откладывая ответ со дня на день. А в это время пелопоннесцы с великим усердием возводили стену на Истме и закончили работы. И я по крайней мере не могу привести никакой иной причины, почему спартанцы, когда Александр был в Афинах, всеми силами старались не допустить примирения афинян с персами, а потом совершенно перестали заботиться об этом, кроме той, что теперь они успели укрепить Истм и считали, что афиняне им уже более не нужны. А когда Александр прибыл в Аттику, стена [на Истме] была еще не готова, но работы, впрочем, велись усердно, так как спартанцы были охвачены ужасом перед [нашествием] персов.

9. Наконец спартанцы дали ответ и выступили, и вот при каких обстоятельствах. Накануне дня последнего приема афинских послов некто Хилей из Тегеи (человек, наиболее уважаемый из чужеземцев в Лакедемоне) узнал от эфоров содержание речи афинян и сказал им вот что: "Дело обстоит вот как, эфоры: если афиняне – не наши друзья, а, наоборот, союзники персидского царя, то ворота в Пелопоннес, несмотря на мощную стену поперек Истма, врагам открыты. Поэтому послушайтесь меня и уступите, пока афиняне еще не приняли какого-нибудь гибельного решения для Эллады''.

10. Так Хилей советовал спартанцам. А те взвесили его слова и тотчас же, ничего не сообщив послам трех городов, еще ночью выслали отряд в 500 спартанцев (причем к каждому спартанскому гоплиту приставили по семи илотов). Предводительствовать этим войском в походе они приказали Павсанию, сыну Клеомброта. Высшее

начальство по закону принадлежало, собственно, Плистарху, сыну Леонида. Но тот был еще ребенком, а Павсаний как его двоюродный брат являлся его опекуном (ведь Клеомброта, отца Павсания, сына Анаксандрида, уже не было в живых). После того как Клеомброт отвел домой войско, строившее стену на Истме, он вскоре скончался. Отвел же Клеомброт войско с Истма вот почему: во время гадания по жертвам о походе против персов солнце на небе померкло[5]. Павсаний же взял себе в товарищи Еврианакта, сына Дориея[6], также происходившего из царского рода.

11. Итак, войско во главе с Павсанием покинуло Спарту. А послы, еще ничего не зная об отправлении войска из Спарты, с наступлением дня пришли к эфорам, намереваясь также покинуть Лакедемон и вернуться домой. И вот, явившись к эфорам, послы повели такую речь: "Вы, лакедемоняне, остаетесь здесь, справляете Гиакинфии, веселитесь, предавая своих союзников! А афиняне, с которыми вы так недостойно обращаетесь, вынуждены будут теперь заключить мир с персидским царем, как только у них будет возможность для этого, так как у них больше нет союзников. Если же мы примиримся с персами, то, естественно, станем союзниками царя и тогда пойдем в поход вместе с персами, против кого они нас поведут. А чем все это кончится для вас, вы потом узнаете". В ответ на эту речь послов эфоры дали клятвенное заверение: их воины выступили в поход против чужеземцев (чужеземцами они называли варваров) и теперь, должно быть, прибыли уже к святилищу Ореста. Послы же не поняли их и спросили: "Что значат эти слова". И тогда они узнали всю правду и в полном изумлении немедленно отправились вслед за войском. Вместе с ними вышел также пятитысячный отряд тяжеловооруженных лакедемонских периэков[7].

12. Между тем спартанцы спешили к Истму. Аргосцы же, лишь только узнали о выступлении войска во главе с Павсанием из Спарты, послали глашатаем в Аттику лучшего скорохода, какого могли найти, так как они раньше добровольно обещали Мардонию задержать выступление спартанцев. Прибыв в Афины, скороход передал Мардонию вот что: "Мардоний! Послали меня аргосцы с вестью: спартанское ополчение покинуло Спарту и аргосцы не в силах помешать их выступлению. Поэтому постарайся хорошо обдумать положение".

13. После этого скороход поспешил назад, а Мардоний, получив такую весть, не имел больше охоты оставаться в Аттике. Однако он пока не трогался с места, желая проведать намерения афинян: он не опустошал и не разорял Аттики, так как все еще не терял надежды на мир с афинянами. Когда же Мардонию не удалось склонить афинян на свою сторону и он понял [истинное] положение дел, то отступил, пока войско Павсания еще не прибыло на Истм, предав огню Афины. Все, что еще уцелело [в городе] от стен, жилых домов и храмов, он велел разрушить и обратить во прах[8]. Отступил Мардоний вот по какой причине. Аттическая земля была неудобна для действий персидской конницы, и, потерпи он здесь поражение, отступать пришлось бы через ущелье, где персов могла бы задержать даже горсть врагов. Поэтому то Мардоний и решил возвратиться в Фивы и дать битву у дружественного города и на земле, удобной для действий конницы[9].

14. Итак, Мардоний начал отступление[10]. В пути пришла к нему весть о том, что 1000 лакедемонян – головной отряд эллинского войска – уже стоит в Мегерах. Узнав об этом, Мардоний стал обдумывать, как бы ему прежде всего захватить этот отряд. Итак, он повернул назад и повел войско в Мегары. Конница же

двинулась вперед и опустошила Мегариду. Эта была самая дальняя страна на западе Европы, до которой дошло это персидское войско.

15. После этого Мардоний получил [новую] весть, что эллины собрались на Истме. На обратном пути он шел через Декелею, потому что беотархи[11]послали за соседями – жителями Асопа, чтобы те показали путь войску в Сфендалу и оттуда в Танагру. В Танагре Мардоний остановился на ночлег и затем на следующий день направился в Скол и теперь находился уже на Фиванской земле. Там он приказал вырубить [плодовые] деревья на полях фиванцев, хотя те держали сторону персов[12]. Мардоний сделал это, впрочем, без всякого злого умысла против них: ему было настоятельно необходимо построить полевое защитное укрепление для войска, чтобы иметь убежище на случай поражения. [Укрепленный] стан, построенный Мардонием, простирался, начиная от Эрифр, мимо Гисий, вплоть до Платейской области вдоль реки Асопа. Впрочем, Мардоний укрепил стан не на всем протяжении, а только приблизительно на 10 стадий по обеим сторонам [полевого] укрепления[13]. В то время когда варвары занимались этими работами, Аттагин, сын Фринона, фиванец, устроил у себя роскошный пир и пригласил самого Мардония и с ним пятьдесят знатнейших персов. Приглашенные персы явились. Пиршество происходило в Фивах.

16. То, что случилось дальше, я узнал от Ферсандра из Орхомена, одного из самых уважаемых людей в городе. А Ферсандр рассказывал, что Аттагин позвал его самого на пир и кроме него еще пятьдесят фиванцев. Аттагин разместил каждого из гостей не на отдельном ложе, но перса с фиванцем [попарно] на одном ложе. После обеда за вином сосед его по ложу на эллинском языке спросил, откуда он. Ферсандр же ответил, что он из Орхомена. Тогда перс сказал: “Так как ты – мой сотрапезник и мы вместе совершили

возлияние, то в память моего дружеского расположения я желаю открыть тебе кое-что, что поможет тебе в будущем принять полезное решение. Видишь ли пирующих здесь персов и войско, которое оставлено нами в стане там на реке? От всех этих людей (ты скоро это увидишь) останется какая-нибудь горсть воинов''. Слова эти перс произнес с горькими слезами. А Ферсандр в изумлении от такой речи спросил тогда: "Не следует ли сообщить обо всем этом Мардонию и подчиненным ему военачальникам?''. А перс отвечал: "Друг! Не может человек отвратить то, что должно совершиться по божественной воле. Ведь обычно тому, кто говорит правду, никто не верит. Многие персы прекрасно знают свою участь, но мы вынуждены подчиняться силе. Самая тяжелая мука на свете для человека – многое понимать и не иметь силы [бороться с судьбой]''. Это мне рассказал Ферсандр из Орхомена и добавил, что еще перед битвой при Платеях он рассказывал об этом многим другим людям.

17. Когда Мардоний стоял в Беотии, все остальные эллинские племена – союзники персов в той области – прислали свои отряды [на помощь]. Они все уже раньше принимали участие во вторжении в Аттику, кроме одних фокийцев. И фокийцы также, конечно, держали сторону персов, правда, не по доброй воле, а по принуждению. Через несколько дней по прибытии персов в Фивы пришла и 1000 фокийских гоплитов во главе с Гармокидом, одним из самых уважаемых граждан Фокиды. Когда же фокийцы также явились в Фивы, Мардоний послал всадников с приказом фокийцам расположиться на равнине отдельно. Фокийцы повиновались, и вдруг перед ними появилась вся персидская конница. После этого среди эллинов в персидском стане прошел слух, что Мардоний хочет перебить [фокийцев]; и этот слух дошел до фокийцев. Тогда-то их военачальник Гармокид обратился к фокийцам с речью и, воодушевляя

их, сказал вот что: "Как я полагаю, нас оклеветали фессалийцы. Пусть теперь каждый проявит свою доблесть! Лучше ведь пасть в борьбе, храбро защищая свою жизнь, чем сдаться врагам на милость и погибнуть позорной смертью. Дайте врагам почувствовать, что они варвары, коварно замыслившие гибель эллинам".

18. Так он говорил, а [персидские] всадники окружили фокийцев со всех сторон и стали нападать, угрожая смять их конями. И вот уже луки [персов] были натянуты, чтобы пустить стрелы (и некоторые, вероятно, даже выстрелили). А фокийцы выстроились кругом, фронтом против врага, сомкнув свои ряды как можно теснее. Тогда всадники повернули коней и ускакали назад. Я не могу, впрочем, сказать определенно: действительно ли всадники прискакали по наущению фессалийцев, чтобы перебить фокийцев, а затем только из страха потерпеть урон от готовых к защите фокийских гоплитов, они по приказу Мардония повернули назад. Или, быть может, Мардонию захотелось испытать их мужество. Когда же всадники возвратились, Мардоний послал глашатая и приказал ему сказать фокийцам вот что: "Не страшитесь, фокийцы! Вы проявили себя доблестными мужами, а не такими, как я слышал о вас. Теперь же, не щадя своих сил, помогайте нам в этой войне. А за ваши услуги и я, и царь щедро отплатим вам". Так обстояло дело с фокийцами.

19. Лакедемоняне же, прибыв на Истм, разбили стан. Когда остальные пелопоннесцы, поскольку они избрали "лучшую долю", прослышали об этом (а некоторые даже видели выступление спартанцев в поход), то не захотели отставать от лакедемонян. И вот, после того как при жертвоприношении на Истме выпали благоприятные знамения, все войско эллинов выступило и прибыло в Элевсин. И там эллины также принесли жертвы и, после того как

выпали опять счастливые знамения, двинулись дальше. Афиняне же переправились с Саламина и присоединились к [эллинскому] войску в Элевсине. По прибытии в Эрифры, что в Беотии, эллины узнали, что варвары разбили стан у реки Асопа. Получив сведения об этом, они расположились против врагов в боевом порядке на предгорьях Киферона[14].

20. Так как эллины не спускались на равнину, то Мардоний двинул против них всю конницу во главе с Масистием, прославленным [воином] у персов (эллины называют его Макистием). Он ехал на нисейском коне с золотой уздечкой и прочими богатыми украшениями. Подскакав близко к эллинам, [персидские] всадники стали нападать отдельными отрядами[15]. При этом они причиняли эллинам тяжкий урон и обзывали их бабами.

21. Как раз в самом опасном месте всего поля битвы стояли мегарцы и подвергались сильнейшему натиску вражеской конницы. И вот теснимые конницей мегарцы послали глашатая к эллинским военачальникам. Глашатай прибыл [к военачальникам] и сказал им вот что: "Так говорят мегарцы: «Союзники! Мы не можем одни выдерживать натиск персидской конницы на том месте, где вы нас сначала поставили. До сих пор мы все же сражались неукротимо и доблестно, хотя враги и теснят нас. Теперь же, если вы не пришлете на смену других, знайте, что нам придется покинуть наше место в боевом строю»". Так говорил глашатай. А Павсаний стал спрашивать эллинов, не найдется ли охотников заменить мегарцев. Так как остальные эллины не пожелали, то согласились афиняне, а именно отборный отряд в 300 человек во главе с Олимпиодором, сыном Лампона[16].

22. Эти воины приняли на себя [защиту опасного места] и выстроились перед собравшимся у Эрифр остальным эллинским

войском, взяв себе [для прикрытия] стрелков из лука. После долгой борьбы битва окончилась вот как: при атаке отрядов конницы конь Масистия, скакавшего впереди, был поражен стрелой в бок. От боли он взвился на дыбы и сбросил Масистия. Афиняне тотчас же накинулись на поверженного врага. Коня его они поймали, а самого Масистия прикончили, несмотря на отчаянное сопротивление. Сначала афиняне, правда, не могли справиться с ним, так как он был вооружен вот как: на теле у Масистия был чешуйчатый золотой панцирь, а поверх надет пурпуровый хитон[17]. Удары по панцирю не причиняли Масистию вреда, пока какой-то воин, заметив причину безуспешных попыток, не поразил его в глаз. Так-то упал и погиб Масистий. Другие же всадники, по-видимому, не заметили этого несчастья: они ведь не видели ни как он упал с коня, ни его гибели и даже при отходе, когда делали поворот, ничего не заметили. Однако не успели они остановить коней, как сразу же обратили внимание на отсутствие начальника. Узнав о несчастье, вся конница по данному знаку поскакала назад, чтобы спасти хоть тело павшего [для погребения].

23. Когда афиняне увидели, что их атакуют уже не отдельные отряды всадников, а сразу вся масса конницы, то вызвали на помощь остальное войско. Между тем, пока вся [остальная] эллинская пехота спешила на помощь, у тела Масистия завязался жаркий бой. Пока 300 афинских воинов бились одни, они несли большие потери и вынуждены были оставить тело. А когда подошло на помощь все войско, то персидская конница не смогла уже выдержать натиск и спасти тело; кроме того, персы потеряли у тела Масистия много своих людей. Отъехав стадии на две, персы остановились и держали совет, что им делать дальше. Так как у них не было начальника, то решили скакать назад к Мардонию.

24. Когда конница возвратилась в [свой] стан, все войско погрузилось в глубокую скорбь по Масистию и больше всех – сам Мардоний. В знак печали персы остригли волосы и даже гривы коней и [шерсть на] вьючных животных и подняли громкие вопли по покойнику. Вся Беотия оглашалась звучанием скорбных воплей о гибели самого уважаемого человека у персов после Мардония и их царя.

25. Так варвары, по своему обычаю, воздавали почести павшему Масистию. А эллины, выдержав натиск конницы и вынудив ее отступить, стали гораздо отважней. Они сперва положили тело Масистия на повозку и возили его между рядами воинов. А на покойника стоило посмотреть из-за его статности и красоты: поэтому то они и возили тело. Затем эллины решили спуститься вниз к Платеям, потому что местность [у Платей] казалась гораздо удобнее эрифрейской для стана, особенно из-за лучшего снабжения водой. В эту то местность и к текущему там источнику Гаргафии они и решили идти и там расположиться станом в боевом порядке. И вот, взяв оружие, они двинулись вдоль предгорья Киферона, мимо Гисий, в Платейскую область. Там, близ источника Гаргафии и святилища героя Андрократа[18], по невысоким холмам и на равнине они [расположились станом], выстроившись по племенам.

26. Здесь при распределении мест в строю начался многословный спор у тегейцев с афинянами. И те, и другие требовали себе места на одном крыле, ссылаясь при этом на древние и новые примеры. Тегейцы говорили так: “Все союзники уже с давних пор предоставляли нам это почетное место в боевом строю во всех общих походах пелопоннесцев и в древности, и в новые время, с той поры как Гераклиды после кончины Еврисфея пожелали возвратиться

в Пелопоннес. Тогда-то мы и завоевали это почетное право благодаря вот какому подвигу. Когда мы выступили к Истму вместе с ахейцами и ионянами, которые тогда еще жили в Пелопоннесе, и разбили стан напротив возвращавшихся [в Пелопоннес] Гераклидов, тогда, как гласит предание, Гилл сделал пелопоннесцам [такое] предложение: «Нет нужды одному войску вступать с другим в решительный бой, но следует, выбрав самого доблестного [воина] из пелопоннесского войска, выставить его на единоборство со мной, Гиллом, на определенных условиях». Пелопоннесцы согласились и под клятвой заключили следующее соглашение: если Гилл одолеет пелопоннесского вождя, тогда Гераклиды должны вернуться на родину отцов; если же он будет побежден, то Гераклиды уйдут назад и уведут свое войско и затем сто лет не будут делать новых попыток возвращения в Пелопоннес. И вот из всего союзного войска был избран доброволец Эхем, сын Аеропа, внук Фегея, наш полководец и царь, и он умертвил Гилла в единоборстве. Этим подвигом мы стяжали себе у тогдашних пелопоннесцев великие почести и преимущества, которыми пользуемся еще и поныне, и среди них право всегда предводительствовать при общем походе на одном из крыльев. С вами, лакедемоняне, мы не спорим. Вы можете выбирать, каким крылом хотите начальствовать. А во главе другого крыла подобает стоять нам, как и в прежнее время. Но и, помимо этой древней заслуги, мы достойнее афинян занимать это почетное место в строю. Много ведь у нас было счастливых сражений с вами, спартанцы, много и с другими. Поэтому то справедливо нам, а не афинянам стоять на другом крыле. Ведь афиняне не совершили таких подвигов, как мы, ни в древности, ни теперь".

27. Так говорили тегейцы. Афиняне же в ответ сказали вот что: "Мы знаем, конечно, что собрались здесь на борьбу с варварами,

а не для словесных прений. Но так как тегейцы завели речь о том, чтобы обе стороны перечислили здесь все свои подвиги в древности и в новое время, то и нам приходится рассказывать, какими подвигами мы как доблестные воины приобрели право занимать первое место перед аркадцами. Во-первых, Гераклидов, вождя которых, по словам тегейцев, они умертвили на Истме, этих то Гераклидов, которых после их бегства от микенского рабства сначала изгоняли все эллины, к кому бы они ни обращались, только мы одни приютили, смирив дерзость Еврисфея и одолев вместе с ними тогдашних властителей Пелопоннеса. Далее, когда аргосцы во главе с Полиником пошли походом на Фивы и там, окончив свои дни, лежали без погребения, то мы начали войну с кадмейцами, спасли тела аргосцев, чем мы можем похвалиться, и предали погребению в Элевсине, на нашей земле[19]. Славное деяние совершили мы также в борьбе с амазонками, которые некогда с реки Фермодонта вторглись в Аттическую землю, да и в битвах под Троей мы не уступали ни одному городу. Впрочем, об этом не будем вспоминать, потому что тогдашние храбрецы ныне могут быть трусами, а тогдашние трусы – теперь стали победителями. Поэтому довольно о делах стародавних. Но если мы даже ничего другого не совершили, хотя за нами много славных подвигов, так же, как и у любого другого эллинского племени, то все же из-за Марафонской победы нам подобает эта честь, да и не только эта! Мы бились тогда с персами совершенно одни, одолели и разбили сорок шесть племен[20]. Неужели же мы недостойны получить почетное место в боевом строю ради этого единственного подвига? Но так как в настоящем положении не время спорить о месте в строю, то мы готовы, лакедемоняне, подчиниться вашим приказаниям. Ставьте нас где и против кого вы найдете более подходящим! Мы будем всюду стараться выказать доблесть, где бы вы нас ни поставили. Ведите

нас, а мы последуем за вами". Так отвечали афиняне, а все войско лакедемонян единодушным криком заявило, что афиняне достойнее аркадцев занимать место на крыле. Так-то афиняне заняли крыло, одолев [в споре] тегейцев.

28. Затем прибывшие позже эллины и первоначальное войско стали выстраиваться в боевом порядке вот таким образом. На правом крыле стояло 10 000 лакедемонян, 5000 из них были спартиаты; прикрытием им служило 35 000 легковооруженных илотов, по 7 илотов около каждого спартанца. Рядом с собою спартанцы поставили тегейцев из-за почета и доблести, а их было 1500 гоплитов. За тегейцами следовали коринфяне – 5000 человек. А подле них коринфяне потребовали у Павсания место 300 потидейцам, явившимся из Паллены. К ним примыкало 600 аркадцев из. Орхомена, а к этим последним 300 сикионцев. Потом шло 800 эпидаврийцев. Рядом с ними была поставлена 1000 трезенцев, а подле трезенцев 200 лепреатов; рядом с ними – 400 микенцев и тиринфян, а к ним примыкала 1000 флиунтцев. Около этих последних стояло 300 гермионян. К гермионянам же примыкало 600 эретрийцев и стирейцев. За ними шло 400 халкидян, а за этими последними 500 амбракиотов. После них следовало 800 левкадцев и анакториев. К ним примыкало 200 палейцев из Кефаллении. А за ними было выстроено 500 эгинцев; около них же построилось 300 мегарцев. К этим последним примыкало 600 платейцев. В конце и в начале стояло 800 афинян, занимая левое крыло. Во главе их был Аристид, сын Лисимаха.

29. Все эти воины, кроме 7 илотов, приставленных к каждому спартанцу, были гоплитами. Общее количество воинов было 38 700 человек. Столько было всех собравшихся против варваров гоплитов. Число же легковооруженных было вот какое. В спартанском войске их

было 35 000 человек (потому именно, что при каждом спартанце было по 7 легковооруженных илотов), и почти каждый из них был снаряжен для войны. Легковооруженные воины остальных лакедемонян и эллинов, считая приблизительно по одному на каждого воина, составляли 34 500 человек. Число же всех легковооруженных воинов было 69 500 человек.

30. Общее количество всех собравшихся в Платеи эллинских воинов вместе с гоплитами и легковооруженными боеспособными воинами было 108 200 человек. А вместе с явившимися потом упомянутыми феспийцами получилось полных 110 000 человек[21]. В стане эллинов было уцелевших феспийцев 1800 человек. Однако у них не было тяжелого вооружения. Они были построены станом у реки Асопа.

31. Между тем варварское войско Мардония, кончив оплакивать Масистия и узнав, что эллины находятся в Платеях, также пришло к Асопу, который протекает в той местности. По прибытии туда Мардоний стал выстраивать войско против эллинов в следующем порядке. Против лакедемонян он выставил персов, и так как персы далеко превосходили лакедемонян численностью, то он построил больше рядов [в глубину и ширину], так что их боевая линия простиралась еще и до тегейцев. Расставил же он воинов вот как: он отобрал всех самых сильных людей и поставил их против лакедемонян, а более слабых – против тегейцев. А сделал он это по совету и указанию фиванцев. Рядом с персами Мардоний выстроил мидян, которые стояли против коринфян, потидейцев, орхоменцев и сикионцев. А подле мидян он поставил бактрийцев. Эти стояли против эпидаврийцев, трезенцев, лепреатов, тиринфян, микенцев и флиунтцев. За бактрийцами стояли индийцы против гермионян, эретрийцев, стирейцев и халкидян. Рядом с индийцами он построил

саков. Они занимали место против ампракиотов, анакториев, левкадцев, палейцев и эгинцев. Рядом же с саками против афинян, платейцев и мегарцев он поставил беотийцев, локров, малийцев, фессалийцев и тысячу фокийцев (так как не все фокийцы держали сторону персов). Часть из них, оттесненная персами на Парнас, поддерживала эллинов и оттуда производила вылазки, нанося всяческий урон войску Мардония и его союзникам эллинам. Так же македонян и фессалийские племена Мардоний поставил против афинян[22].

32. Я перечислил здесь самые главные, наиболее известные и значительные народности из тех, которые Мардоний выставил [против эллинов]. Были среди них также отдельные воины и из других народностей: фригийцев, фракийцев, мисийцев, пеонов[23]и прочих, в том числе эфиопов и египтян, именно так называемых гермотибиев и каласириев, вооруженных саблями (они одни только в Египте и занимаются военным делом)[24]. Их то Мардоний, когда еще был в Фалере, велел высадить с кораблей, где они служили в морской пехоте. Ведь в сухопутном войске, которое пришло в Афины во главе с Ксерксом, египтян вовсе не было. Число варварских воинов, как уже было сказано раньше, составило 300000 человек. Количество же эллинских союзников Мардония никто не знает, так как подсчета не производилось. Но все же, как можно предполагать, их было около 50 000 человек. Это была пехота, выстроенная Мардонием. Конница же была выстроена отдельно.

33. Когда все построение по народностям и отрядам было закончено, на следующий день стали приносить жертвы, и притом даже обе стороны[25]. У эллинов приносил жертвы Тисамен, сын Антиоха. Он находился в эллинском войске как жрец прорицатель. Происходил он из Элиды из рода Иамидов и получил от лакедемонян

гражданские права. Когда Тисамен вопрошал оракул в Дельфах о потомстве, Пифия изрекла в ответ, что он одержит победу в пяти величайших состязаниях. Тисамен неправильно истолковал изречение и стал усердно заниматься гимническим искусством, чтобы победить в гимнических состязаниях. Он одержал победу в Олимпии даже в пятиборье, за исключением лишь одного рода состязаний, где его противником был Иероним с Андроса. А лакедемоняне узнали, что изречение оракула Тисамену указывает не на гимнические состязания, а на ареевы брани, и пытались деньгами соблазнить его стать их полководцем на войне вместе с царями из дома Гераклидов. Тисамен же, видя, что лакедемоняне очень дорожат его дружбой, повысил цену. Он сообщил спартанцам, что примет их предложение, только если они сделают его полноправным гражданином, а иначе – ни за какие деньги. Сначала спартанцы возмутились таким требованием и совершенно отказались от своего предложения. В конце концов же все-таки великий страх перед этой персидской войной заставил их уступить и согласиться на его требование. Когда же Тисамен убедился, что спартанцы переменили свое решение, то объявил, что даже и этого ему недостаточно: они обязаны еще и его брата Гегия сделать спартанцем на тех же условиях, как и его самого.

34. В этом случае Тисамен следовал примеру Мелампода, если только можно сравнивать требование царского престола с требованием гражданских прав. Когда аргосские женщины впали в исступление, то аргосцы пригласили Мелампода прийти к ним из Пилоса и за вознаграждение исцелить женщин от недуга. Тогда Мелампод потребовал в награду себе полцарства. Аргосцы отказали и возвратились; когда же исступление охватило еще больше женщин, то они согласились на его требование и снова пришли предложить ему престол. А он, видя перемену их решения, потребовал еще

больше и сказал, что согласится лишь в том случае, если они еще и его брату Бианту дадут третью часть царства. Тогда аргосцам в их беде пришлось согласиться и на это.

35. Так и спартанцы пошли на все условия Тисамена: ведь он был им крайне необходим. Когда они приняли и эти [последние] условия, то, став спартанцем, Тисамен из Элиды вместе с ними как жрец прорицатель одержал победу в пяти великих битвах. Впрочем, он и его брат были единственными людьми, которые сделались спартанскими гражданами. А пять битв были вот какие: первая – битва при Платеях[26], вторая – при Тегее с тегейцами и аргосцами, затем – при Дипее со всеми аркадцами, кроме мантинейцев; далее – при Ифоме[27] с мессенцами, а последняя при Танагре с афинянами и аргосцами[28]. Это была последняя из пяти битв, в которых он одержал победу.

36. Этот-то Тисамен и приносил тогда, как жрец прорицатель, жертвы для эллинского войска при Платеях во главе со спартанцами. Жертвы и предзнаменования выпали благоприятные для эллинов только в случае, если они будут обороняться, но неблагоприятные, если перейдут Асоп и начнут сражение.

37. Мардонию же, который желал вступить в бой, вышли несчастливые предзнаменования, но для оборонительных действий жертвы и ему благоприятствовали. Мардоний ведь тоже приносил жертвы по эллинскому обычаю с помощью Гегесистрата[29], жреца прорицателя из Элиды, самого знаменитого в роде Теллиадов. Этого то Гегесистрата спартанцы еще до Платейской битвы схватили и, бросив в оковы, хотели казнить за причиненное им великое зло. Попав в такую беду (дело шло о жизни и смерти, а перед смертью его ожидали еще страшные пытки), Гегесистрат пошел на невероятное дело. Он лежал [в темнице] в окованной железом [деревянной] колодке.

Случайно ему удалось завладеть принесенным кем-то в темницу ножом, и он тотчас замыслил самое смелое дело, какое когда либо, насколько нам известно, совершал человек. Гегесистрат отрезал себе ступню, чтобы вытащить остальную часть ноги из колодки. После этого он подкопал стену, так как выходы охранялись стражей, и бежал в Тегею. Ночью он шел, днем же скрывался в лесу и отдыхал, и на третью ночь благополучно добрался до Тегеи, хотя весь Лакедемон поднялся на поиски беглеца. Спартанцы были поражены отвагой узника: они видели только лежащий на земле обрубок ноги, но самого его не могли найти. Так-то Гегесистрату удалось спастись от лакедемонян и найти убежище в Тегее, которая тогда враждовала с лакедемонянами. Исцелившись от раны, Гегесистрат приделал себе деревянную ногу и с тех пор стал заклятым врагом лакедемонян. Однако эта вражда к спартанцам кончилась для него печально. Спартанцы схватили его в Закинфе[30], где он приносил жертвы как жрец прорицатель, и казнили.

38. Впрочем, смерть постигла Гегесистрата некоторое время спустя после Платейской битвы. А тогда Мардоний нанял Гегесистрата за немалое вознаграждение, и тот приносил жертвы как ревностный друг персов из ненависти к Спарте и из корысти. Между тем предзнаменования оказались неблагоприятными как для самих персов, так и для союзных с ними эллинов (у этих был свой жрец прорицатель – Гиппомах левкадец), а войско эллинов все усиливалось и становилось многочисленнее. Тогда Тимегенид, сын Герпия, фиванец, дал совет Мардонию занять проходы на Киферонe, чтобы сразу перехватить всех эллинов, которые каждый день туда прибывают.

39. Уже восемь дней стояли они друг против друга, когда фиванец дал этот совет Мардонию. А Мардоний понял выгоду

совета и послал ночью конницу к проходам на Киферонe, ведущим к Платеям (беотийцы называют эти проходы "Тремя вершинами", а афиняне – "Дубовыми вершинами")[31]. Посланный отряд всадников прибыл туда не напрасно: персам удалось захватить 500 повозок с продовольствием из Пелопоннеса для войска, как раз спускавшихся на равнину, вместе с людьми, которые сопровождали их. Овладев этой добычей, персы безжалостно перебили всех, не щадя ни животных, ни людей. Когда варвары вволю натешились резней, то, окружив уцелевших [людей и животных], погнали в стан Мардония.

40. После такого "деяния" прошло еще два дня, но ни одна из сторон не хотела начинать сражения: варвары доходили до Асопа, стараясь выманить эллинов, но ни те, ни другие не переходили реку. Только конница Мардония все время наседала, не давая покоя эллинам. Ведь фиванцы, всей душой преданные персам, хотели показать свое усердие в этой войне и все время до битвы вели персов за собой, указывая дорогу. А после начала сражения их место заняли персы и мидяне, которые всячески старались отличиться.

41. Итак, за эти десять дней ничего больше не случилось. На одиннадцатый же день, когда войска все еще стояли при Платеях друг против друга (эллины все время продолжали получать подкрепления, и Мардоний стал тяготиться бездействием), тогда-то Мардоний, сын Гобрия, и Артабаз, сын Фарнака (один из немногих персов, особенно уважаемых Ксерксом), стали держать совет. На совете они высказали вот какие мнения. Артабаз говорил, что необходимо как можно скорее выступить со всем войском и возвратиться в укрепленный город Фивы, где собрано много продовольствия и корма для вьючных животных. А затем, по его словам, можно спокойно кончить войну вот каким способом. У персов ведь много золота в монете и нечеканного, а также серебра и

[драгоценных] сосудов для питья. Все эти сокровища, ничего не жалея, нужно разослать эллинам, именно наиболее влиятельным людям в городах. Тогда эллины тотчас же предадут свою свободу, и персам вовсе не нужно будет вступать в опасную битву. Артабаз разделял мнение фиванцев, так как он, как и фиванцы, был лучше осведомлен о положении дел и оказался гораздо предусмотрительнее Мардония. Мардоний же держался более решительного и твердого взгляда, не желая идти ни на какие уступки: он считал, что персидское войско далеко превосходит эллинское и что поэтому следует как можно скорее вступить в бой, не допуская день ото дня дальнейшего усиления врага. На жертвы Гегесистрата, говорил он, не стоит обращать внимания и не добывать насильно благоприятных знамений, а, по персидскому обычаю, дать бой врагу.

42. Никто не осмелился ему возражать на эти слова, и мнение Мардония одержало верх. Ведь главным военачальником царь поставил Мардония, а не Артабаза. И вот, призвав к себе начальников отрядов и предводителей эллинов в его войске, Мардоний спросил: "Не знают ли они какого-нибудь изречения оракула о гибели, ожидающей персов в Элладе". Собравшиеся молчали, так как они действительно ничего не слышали об оракулах, а другие считали небезопасным упоминать о них. Тогда Мардоний сказал: "Если вы в самом деле ничего не знаете или не решаетесь говорить, то я скажу вам, так как мне то эти оракулы хорошо известны. Есть изречение оракула о том, что персам суждено прийти в Элладу и разграбить дельфийское святилище и затем погибнуть. А, зная это, мы не пойдем на Дельфы и не станем грабить святилища. Поэтому то нам и не угрожает гибель. Итак, пусть все, кто предан персам, радуются в надежде на грядущую победу". После этого Мардоний подтвердил приказ всем снарядиться и привести войско в боевую готовность, так как наутро начнется битва.

43. Впрочем, как я знаю, это изречение оракула, которое, по словам Мардония, касалось персов, относилось к иллирийцам и к походу энхелеев, а вовсе не к персам[32]. Напротив, эту битву имеют в виду вот какие стихи Бакида:

... у Фермодонтова тока, на злачных лугах Асопийских
Эллинов рать и вопли мужей, чужеземным наречьем гласящих,
Много погибнет тогда (даже сверх веления Рока)
Луки несущих мидян[33] в смертный час нареченный судьбою.

Это и другие подобные изречения Мусея, как мне известно, относятся к персам. Река же Фермодонт течет между Танагрой и Глисантом.

44. После того как Мардоний кончил расспросы об оракулах и отдал приказание, наступила ночь и персы выставили стражу. И вот глубокой ночью, когда в обоих станах воцарилась тишина, тем более что воины, видимо, спали, к афинской страже подскакал на коне Александр, сын Аминты, военачальник и македонский царь, и потребовал встречи с военачальниками, Большая часть стражи осталась на месте, а некоторые побежали к военачальникам сообщить о прибытии какого-то человека на коне из мидийского стана. Человек этот больше ничего не сказал, а только назвал начальников по имени, заявив, что желает говорить с ними.

45. Военачальники же, услышав это, тотчас последовали за стражами. Когда они прибыли туда, Александр сказал им вот что: "Афиняне! В доказательство моей преданности вам хочу сообщить вам вот что. Но вы не должны никому передавать эти мои слова, кроме Павсания, потому что иначе погубите меня. Никогда бы я не сказал вам этого, если бы искренне не заботился об участи всей Эллады. Ведь и сам я издревле по происхождению эллин и не желаю видеть свободную Элладу порабощенной. Так вот, я хочу сообщить

вам, что Мардоний и персидское войско не могут получить благоприятных предзнаменований. Ведь иначе Мардоний давно уже напал бы на вас. А теперь Мардоний решил пренебречь предзнаменованиями и на рассвете начать сражение. Ведь он очень опасается, как я думаю, вашего усиления. Итак, будьте готовы к битве! Если Мардоний станет откладывать нападение, то терпеливо ждите: ведь у персов осталось продовольствия всего на несколько дней. В случае же счастливого окончания войны подумайте также и об освобождении моей страны. Ведь я пошел на столь опасное дело из любви к Элладе, желая раскрыть вам замыслы Мардония, чтобы варвары не напали на вас неожиданно, еще не подготовленных. Я – Александр «македонянин»[34]. После этих слов он ускакал назад в стан к своему отряду.

46. Афинские же военачальники перешли на правое крыло и передали Павсанию слышанное ими от Александра. Известие это устрашило Павсания, и он ответил им вот что: "Если битва начнется на рассвете, то вам, афиняне, придется стать против персов, мы же займем место против беотийцев и других, стоящих против вас эллинов, и вот почему. Вы ведь знаете персов и их способ сражаться, так как вам пришлось уже биться с ними при Марафоне. Мы же совершенно не знаем этих людей: ведь никому из спартанцев не приходилось помериться силой с персами, тогда как беотийцев и фессалийцев мы хорошо знаем. Поэтому возьмите ваше оружие и переходите на это крыло, а мы пойдем на левое". На это афиняне ответили так: "Нам и самим уже пришло в голову, видя, что персы выстраиваются против вас, именно то, что вы теперь предлагаете нам. Мы опасались только, что наше предложение будет вам не по душе. А так как вы сами теперь добиваетесь этого, то мы охотно соглашаемся и готовы повиноваться".

47. Так это предложение приняли и те, и другие, и на заре они поменялись местами в строю. Однако беотийцы заметили перемещение и донесли Мардонию. Мардоний же, лишь только узнал об этом, сам тотчас же захотел переменить место и стал переводить персов против лакедемонян. Эту уловку увидел Павсаний и, поняв, что нельзя скрыть передвижения, снова перевел спартанцев на правое крыло. Тогда и Мардоний также возвратился на левое крыло.

48. После того как оба войска заняли первоначальное положение, Мардоний отправил глашатая к спартанцам с приказанием передать вот что: "Вот как, лакедемоняне! Вы слывете самыми доблестными людьми в здешних краях. Люди дивятся, что вы никогда не обращаетесь в бегство и не покидаете своего места в строю, пока не уничтожите врага или сами не погибнете. На деле же выходит, что все это неправда. Ведь еще до начала рукопашной схватки мы увидели, как вы бежали и оставили место в строю. Вы выставляете вперед афинян, а сами становитесь против наших слуг. Доблестные мужи так не поступают никогда: мы были гораздо лучшего мнения о вас. Мы ведь ожидали, что вы при вашей славе действительно вызовете на бой через глашатая только одних персов, к чему мы и были готовы. Однако мы видим, что об этом нет и речи и вы со страху скорее прячетесь от нас. Так вот, если вы первыми не сделали нам вызова, то теперь сделаем это мы. Почему бы нам не сразиться равночисленными отрядами: вы за эллинов, так как считаетесь самыми доблестными, а мы от имени чужеземцев. Если вам угодно, чтобы и остальное войско сражалось, то пусть оно сражается потом. Если же это вам не нужно и вы предпочитаете биться только с нами, то давайте решим это дело между собою. Кто из нас одержит победу, тот пусть и будет победителем со всем своим войском".

49. Так говорил глашатай и некоторое время ожидал. Когда же никакого ответа не последовало, он возвратился назад. Прибыв в стан персов, глашатай сообщил Мардонию, что с ним случилось. Мардоний же весьма обрадовался и, кичась уже воображаемой победой, двинул на эллинов свою конницу. Всадники прискакали и стали причинять большой урон всему эллинскому войску своими дротиками и стрелами: это были конные лучники, и потому к ним было нелегко подступиться. Всадники также замутили и засыпали источник Гаргафию, откуда черпало воду все эллинское войско[35]. Правда, у этого источника стояли только одни лакедемоняне, а место, где расположились остальные эллины, было дальше от него и скорее ближе к Асопу. А так как неприятель не допускал эллинов к Асопу, то таким образом приходилось ходить за водой к источнику. Черпать же воду из реки было невозможно из-за налетов конницы и обстрела лучников.

50. В таком тяжком положении (войско оставалось без воды, и неприятельская конница все время не давала покоя) военачальники эллинов собрались на правом крыле у Павсания обсудить это и другие дела. Однако при таких обстоятельствах их еще более удручала другая беда: именно, у войска не было больше продовольствия, так как обозная прислуга, отправленная в Пелопоннес за продовольствием, была отрезана персидской конницей и не могла пробраться в стан[36].

51. На совете военачальников было решено, если день пройдет без битвы, идти на Остров[37], который находится в 10 стадиях от Асопа и источника Гаргафии, где был тогда эллинский стан, перед городом платейцев. Остров же на суше возник от того, что река, его образующая, разветвляется на два рукава и таким образом стекает с Киферона на равнину, причем рукава отстоят друг от

друга стадии на три. Затем рукава снова сливаются в одну реку, которая называется Оероя. Оероя же, по словам местных жителей, была дочерью Асопа. В эту то местность эллины и решили перейти, для того чтобы у войска было вдоволь воды и чтобы вражеская конница не могла больше причинять вреда, как теперь, когда стояла напротив. Решено было двинуться во вторую стражу ночи, так чтобы персы не заметили выступления и не выслали конницы в погоню. А когда придут на место, омываемое дочерью Асопа Оероей, стекающей с Киферона, то еще ночью решили отрядить половину войска на Киферон за обозной прислугой, отправленной за продовольствием (она была отрезана на Кифероне)[38].

52. После этого весь тот день эллинам пришлось выдерживать непрерывные атаки конницы. Когда же под конец дня нападения конницы прекратились и затем настала ночь и пришла пора отправления, тогда большая часть войска поднялась станом и выступила, однако не в назначенное место. Ибо едва эллины двинулись, как на радостях, что ускользнули от вражеской конницы, побежали к городу платейцев, пока не добрались до святилища Геры. Святилище же находится непосредственно перед городом платейцев, в 20 стадиях от источника Гаргафии. Прибыв туда, они остановились перед святилищем и стали разбивать стан.

53. Между тем Павсаний, видя, что воины покидают стан, приказал и лакедемонянам взять оружие и присоединиться к остальным, так как он считал, что войско идет в назначенное место. Прочие начальники спартанских отрядов с готовностью подчинились приказу Павсания, только Амомфарет, сын Полиада, начальник отряда питанетов[39], объявил, что не станет бежать по своей воле от чужеземцев и не опозорит Спарту. С изумлением

смотрел Амомфарет на происходящее, так как не присутствовал ранее на совете. Павсаний же и Еврианакт были возмущены неподчинением Амомфарета, но еще досаднее был для них его отказ от того, что они не хотели покинуть на произвол судьбы отряд питанетов. Они опасались, что если по условию с остальными эллинами оставят Амомфарета на произвол судьбы, то он, покинутый, погибнет вместе со своим отрядом. Поэтому они велели лаконскому войску остановиться и пытались убедить его, что не следует так поступать.

54. Между тем, пока они уговаривали Амомфарета, который только один оставался на лакедемонском и тегейском крыле, афиняне действовали вот как. Они еще спокойно оставались на том месте, где стояли, зная характер лакедемонян, именно, что те думают одно, а говорят другое. Когда же войско двинулось, афиняне послали всадника посмотреть, готовятся ли спартанцы выступить или же вовсе не думают уходить, а также спросить Павсания, что им делать.

55. Когда глашатай прибыл к лакедемонянам, он увидел, что те все еще стоят на своем месте и их предводители в ссоре между собою. Ведь как раз во время прибытия глашатая Еврианакт и Павсаний пытались уговорить Амомфарета не подвергать опасности себя и своих людей, оставаясь на месте. Однако они никак не могли уговорить его, и дело у них дошло до ссоры. В пылу спора Амомфарет схватил камень обеими руками и бросил его к ногам Павсания. Этим камнем, заявил он, он подает голос за то, чтобы не бежать от чужеземцев (под "чужеземцами" он подразумевал варваров). Павсаний же назвал его "исступленным безумцем", потом, обратившись к афинскому глашатаю, ответил и на заданный тем вопрос: следует передать лишь то, что здесь происходит. Он

просил также афинян подойти ближе к ним и при отходе повторять маневры спартанцев.

56. Глашатай тогда возвратился к афинянам, а спартанцы продолжали спорить до зари. До этих пор Павсаний не двигался с места. Затем, полагая, что если остальные лакедемоняне уйдут, то и Амомфарет, наверное, не останется, как это и случилось в действительности, он дал сигнал к выступлению и двинулся со всем войском по холмам. Тегейцы также последовали за ним. Афиняне же, согласно приказу, пошли по другой дороге в противоположном направлении. В то время как лакедемоняне из страха перед неприятельской конницей двигались по холмам и склонам Киферона, афиняне свернули вниз на равнину.

57. Амомфарет же думал (по крайней мере вначале), что Павсаний никогда не осмелится оставить их на произвол судьбы, и поэтому упорно не двигался с места. Когда же Павсаний с войском ушел вперед, то Амомфарет решил, что тот действительно его покинул, и приказал своему отряду взять оружие и медленным шагом следовать за остальным войском. А Павсаний, отойдя почти на 100 стадий, стал поджидать отряд Амомфарета, остановившись в местности под названием Аргиопий около ручья Молоента, где стоит святилище элевсинской Деметры. Павсаний остановился там для того, чтобы вернуться и прийти на помощь Амомфарету с его отрядом, если тот не уйдет со своего места. Не успел отряд Амомфарета подойти к Павсанию, как вся конница варваров стремительно бросилась на спартанцев. Ведь персидские всадники выполняли свое обычное дело, и когда нашли место, где эллины стояли в прошлые дни, пустым, то поскакали дальше, пока, настигнув лакедемонян, не напали на них.

58. Мардоний же, когда услышал, что эллины за ночь успели уйти, и убедился, что на месте стоянки никого нет, велел призвать к себе Форака из Ларисы и его братьев Еврипила и Фрасидея и сказал им так: "Сыны Алева[40]! Что вы еще скажете после этого, видя эти опустелые места? Вы ведь все-таки соседи лакедемонян, а утверждали, что они в битве никогда не обращают тыла, но, напротив, в ратных делах – первые по доблести. А теперь вы видите, что лакедемоняне не только первыми покинули свое место в строю, но успели даже, как видим, за прошлую ночь все бежать отсюда. Они отличились как-то среди эллинов, очевидно, лишь потому, что другие эллины также ничтожные трусы, тогда как теперь им пришлось помериться силами с людьми, истинно доблестными. Я охотно прощаю вам вашу ошибку, так как вы еще не знаете персов и хвалили тех, о ком вы все-таки кое-что слышали. Впрочем, гораздо более, чем вам, я удивляюсь Артабазу, именно тому, что он испугался лакедемонян и в страхе мог дать самый трусливый совет, что нужно поднять стан и идти в город фиванцев, чтобы там нас осадили! Об этом совете еще услышит от меня царь. Но о нем пойдет речь в другой раз. Теперь же не следует допускать бегства лакедемонян. Мы должны преследовать их, пока не настигнем и не заставим рассчитаться за все беды, которые они причинили персам".

59. После этого Мардоний перешел Асоп и поспешно повел персов вслед за убегающими, как он думал, эллинами. Он устремился, однако, только на лакедемонян и тегейцев. Афинян же, которые свернули в долину, он не мог заметить за холмами. Тогда остальные начальники варварских отрядов, увидев, что персы двинулись преследовать эллинов, тотчас же дали сигнал к выступлению и со всех ног пустились преследовать врагов, однако нестройно и без

всякого порядка. Так, персы с криком и шумом бросились на эллинов, чтобы захватить их врасплох.

60. Павсаний же, лишь только началась атака конницы, послал всадника к афинянам с приказанием передать вот что: "Афиняне! Теперь, когда нам предстоит решительная борьба за то, быть ли Элладе свободной или порабощенной, мы, лакедемоняне, и вы, афиняне, покинуты союзниками на произвол судьбы, которые бежали прошлой ночью. Итак, теперь ясно, что надо делать: защищаться и помогать друг другу как только можем. Если бы конница сначала напала на вас, то нам и тегейцам, которые одни вместе с нами остались верными Элладе, нужно было бы помочь вам. Но так как теперь вся вражеская конница обратилась против нас, то вы по справедливости должны оказать помощь сильнее всего теснимой врагом части войска. Если же сверх ожидания окажется, что сами вы не в состоянии помочь, то окажите нам услугу, послав стрелков из лука [против конницы]. Мы знаем, что за время этой войны вы превзошли всех других храбростью. Поэтому, как мы надеемся, вы и теперь исполните эту просьбу".

61. Услышав это, афиняне со всем войском выступили на помощь. Однако уже по дороге на них напали выстроенные против них эллины из стана царя. Афиняне не могли помочь спартанцам, так как им самим пришлось выдерживать натиск противника. Так-то лакедемоняне и тегейцы остались одни и приготовились к битве с Мардонием и его войском. Вместе с легковооруженными воинами лакедемоняне насчитывали 50000 человек, а тегейцы 3000 (они вовсе не хотели отделяться от лакедемонян). Лакедемоняне стали тогда приносить жертвы, однако счастливые жертвы не выпадали, и за это время успело пасть много воинов и еще больше было ранено. Персы, сомкнув свои плетеные щиты, беспрерывно осыпали эллинов

градом стрел[41]. Спартанцы попали в тяжелое положение, а жертвы все выпадали неблагоприятные. Тогда Павсаний обратил взоры на святилище Геры у Платей и стал взывать к богине, умоляя ее не обмануть упований спартанцев.

62. В то время как он еще так молился богине, тегейцы первыми поднялись и двинулись на варваров. Сразу же после молитвы Павсания жертвы для лакедемонян выпали благоприятные. Тогда и лакедемоняне наконец также пошли на персов. Персы же перестали пускать стрелы и выступили навстречу. Сначала схватка завязалась около укрепления из плетеных щитов. Когда же укрепление пало, начался долгий и жаркий бой у самого святилища Деметры, пока дело не дошло до рукопашной. Ибо варвары хватались за длинные копья [гоплитов] и ломали их. Персы не уступали эллинам в отваге и телесной силе; у них не было только тяжелого вооружения и к тому же еще боевой опытности. Не могли они сравниться с противником также и боевым искусством. Персы устремлялись на спартанцев по одному или собирались кучей по 10 человек и больше и погибали[42].

63. В том месте, где стоял сам Мардоний, который сражался на белом коне во главе отряда из 1000 самых храбрых воинов, персы сильнее всего теснили лакедемонян. Пока Мардоний оставался в живых, персы стойко держались и, храбро защищаясь, умертвили много спартанцев. Когда же Мардоний пал и был перебит [весь] отборный отряд его телохранителей, самых отважных воинов, тогда-то остальные персы повернули назад и бежали с поля битвы от лакедемонян. Потерпели же персы поражение главным образом потому, что у них не было тяжелого вооружения и они должны были сражаться легковооруженными против гоплитов[43].

64. Так-то Мардоний искупил убиение Леонида, согласно предсказанию оракула спартанцам, и Павсаний, сын Клеомброта, внук Анаксандрида, одержал самую блестящую победу из всех известных нам. Я уже упомянул имена его более ранних предков вплоть до Леонида; ведь они у него с Леонидом одни и те же. Мардоний же пал от руки Аримнеста, влиятельного человека в Спарте. Впоследствии, уже после персидских войн, Аримнест во время Мессенской войны сражался при Стениклере[44]с 300 воинов против всего мессенского войска и пал вместе со всеми этими воинами.

65. Когда же при Платеях персы были разбиты лакедемонянами, то в беспорядке бежали в свой стан и за деревянное укрепление, которое они построили в Фиванской области. Меня удивляет, однако, как могло случиться, что в битве близ священной рощи Деметры ни один перс не вступил в священный участок или не умер там, тогда как около святилища на неосвященной земле пало очень много варваров. Впрочем, я предполагаю, если только допустимо делать предположение о божественном, что богиня сама не допустила их за то, что они предали огню ее святилище в Элевсине.

66. Так кончилась эта битва. Артабаз же, сын Фарнака, с самого начала был недоволен тем, что царь хотел оставить Мардония [в Элладе], а теперь также настойчиво отговаривал вступать в сражение, но тщетно. Артабаз был не согласен с распоряжениями Мардония и поступил вот как. Когда началась битва, исход которой Артабаз ясно предвидел, он отвел все свое войско по заранее обдуманному плану (а у него была немалая сила – около 40 000 человек). Затем Артабаз приказал всем идти столь же быстро, как и он сам, куда он их поведет. Отдав такой приказ, он повел войско как бы в бой. Когда же по дороге он узнал, что персы

уже бегут, то перестал держать походный порядок и быстро помчался оттуда, но, впрочем, не к деревянному укреплению и не в город Фивы, а в Фокиду, чтобы как можно скорее добраться до Геллеспонта.

67. В то время как войско Артабаза бежало таким путем, остальные эллины в войске царя неохотно сражались [с эллинами]. Только беотийцы долго бились с афинянами. Ведь приверженцы персов среди фиванцев показали себя далеко не трусами, а, напротив, храбрыми воинами, так что от руки афинян пало 300 самых знатных и доблестных граждан[45]. Когда же и беотийцы не могли больше сопротивляться, то бежали в Фивы, однако не туда, куда бежали персы и все остальные полчища их союзников (эти даже и не сражались ни с кем и вообще ничем не отличились).

68. Для меня очевидно, что вся мощь варваров держалась на персах, если уж до схватки с врагом все эти союзники бросились бежать при виде бегства персов. Таким образом, все варварское войско бежало, и только конница, главным образом беотийская, отважно билась с врагом, прикрывая отступление: не отрываясь от противника, она все время не допускала преследователей [подходить] к бегущим.

69. Итак, победители преследовали и убивали воинов Ксеркса. Между тем, как только началось бегство персов, весть о битве и о победе Павсания пришла к остальным эллинам, которые стояли у святилища Геры и не участвовали в битве. Тогда эллины в полном беспорядке устремились к святилищу Деметры, причем коринфяне и их соседи – по склонам [Киферона] и холмам дорогой, идущей прямо вверх, мегарцы же, флиунтцы и их соседи – через равнину по самой гладкой дороге. Когда же мегарцы и флиунтцы приблизились к неприятелю, на них бросились фиванские всадники, издали завидев

спешащих в беспорядке врагов. Всадники во главе с Асоподором, сыном Тимандра, стремительно ударили по врагу и уложили на месте не менее 600 человек, остальных же преследовали и оттеснили на Киферон. Так они бесславно погибли.

70. Персы же и остальные полчища бежали в деревянное укрепление и успели занять башни до прихода лакедемонян. Сверху они защищали укрепление как могли лучше. Когда подошли лакедемоняне, завязалась ожесточенная схватка за деревянное укрепление. Защитники стойко держались, пока не подошли афиняне, и даже получили значительный перевес над лакедемонянами, так как те не умели осаждать крепостей. Но после прихода афинян началась жестокая и продолжительная борьба за укрепление. В конце концов благодаря упорству и отваге афинянам все же удалось взойти на стену и сделать пролом. Первыми проникли в крепость тегейцы, и они то и разграбили шатер Мардония. Там, между прочим, они захватили конские ясли целиком из меди замечательно [искусной работы]. Эти ясли Мардония тегейцы посвятили в храм Афины Алеи. Остальную же добычу они снесли в то же место, что и прочие эллины. Варвары же после падения стены уже не держали боевого порядка и никто из них "не вспомнил бурной силы"[46]. Тысячи людей метались, загнанные страхом в узкое пространство, и эллины легко могли их перебить: так что из всего трехсоттысячного войска, не считая 40000, с которыми бежал Артабаз, не осталось в живых даже и 3000 человек. Лакедемонян же из Спарты пало в этой битве всего 91 человек, тегейцев 16, а афинян 52[47].

71. В войске варваров наиболее отличились пешие персидские воины и конница саков, а из отдельных бойцов – Мардоний. Среди эллинов же лакедемоняне превосходили доблестью тегейцев и афинян, хотя и эти также сражались отважно. Впрочем, я заключаю об

этом лишь потому (так как ведь и другие все одолели своих противников), что спартанцы напали и одержали верх над лучшей частью персидского войска. И самым доблестным из всех бойцов, по нашему мнению, безусловно был тот Аристодем, который только один из 300 воинов спасся при Фермопилах и за это подвергся позору и бесчестию. После него более всех отличились Посидоний, Филокион и спартанец Амомфарет. Впрочем, когда однажды в беседе зашла речь, кому из них отдать первенство, то присутствующие спартанцы полагали, что Аристодем бился, как исступленный, выйдя из рядов, и совершил великие подвиги потому лишь, что явно искал смерти из-за своей вины. Посидоний же, напротив, стал доблестным мужем не оттого, что искал смерти. Поэтому то он и доблестнее Аристодема. Впрочем, так они могли сказать из зависти. Все эти упомянутые мною воины из числа павших в этой битве, кроме Аристодема, который искал смерти по названной причине, получили великие почести.

72. Эти воины при Платеях стяжали себе неувядаемую славу. Калликрат же пал не в самой битве. Это был самый красивый воин в тогдашнем войске эллинов, и не только у лакедемонян, но и среди всех эллинов. Калликрат сидел на своем месте в строю, в то время, когда Павсаний приносил жертвы, и был ранен стрелой в бок. И вот, когда остальные уже вступили в бой, его унесли. Калликрат мучительно боролся со смертью и сказал Аримнесту из Платей: "Меня тревожит не то, что я должен умереть за Элладу, а то, что мне не довелось в рукопашной схватке с врагом совершить какой-либо достойный подвиг, к чему я так стремился".

73. Среди афинян, говорят, прославился Софан, сын Евтихида из селения Декелеи, именно из тех декелейцев, которые совершили некогда, по рассказам самих афинян, подвиг, спасительный для них на

вечные времена. Именно, когда встарь Тиндариды в поисках похищенной Елены с большой ратью вторглись в Аттическую землю и разорили селения, так как не знали, где скрыта Елена, тогда, по преданию, декелейцы (по другим же – сам Декел) с досады на буйное насилие Тесея и в страхе за всю Аттическую землю открыли все Тиндаридам и показали им дорогу в Афидны. А это селение предал Тиндаридам Титак, коренной житель этих мест. В награду за этот поступок декелейцы пользуются в Спарте (вплоть до сего дня) освобождением от налогов и правом на почетное место [во время праздников]. Даже еще во время войны, которая случилась много лет спустя после упомянутых событий у афинян с пелопоннесцами, лакедемоняне, опустошив остальную Аттику, пощадили Декелею[48].

74. Из этого то селения и происходил Софан, который отличился тогда в афинском войске. О нем существует двоякое предание. По одному рассказу, он носил на панцирном поясе прикрепленный медной цепью железный якорь. Якорь этот он всегда выбрасывал, подходя к неприятелю, чтобы нападающие враги не могли его сдвинуть с места в строю. Если же враги бежали, то он брал якорь и так преследовал их. Так гласит одно предание. По-другому же рассказу, который расходится с первым, Софан носил знак якоря на своем постоянно вертящемся, всегда подвижном щите, а вовсе не настоящий железный якорь на поясе.

75. Софан совершил еще один славный подвиг: во время осады афинянами Эгины он вызвал на поединок аргосца Еврибата, победителя в пятиборье, и убил его. Впоследствии самого отважного Софана постигла печальная судьба: в войне за золотые копи[49], будучи военачальником афинян вместе с Леагром, сыном Главкона, он пал при Дате от руки эдонян.

76. Когда эллины разбили варваров при Платеях, к ним добровольно явилась некая женщина, наложница перса Фарандата, сына Теаспия. Узнав о поражении персов и о победе эллинов, она вместе со своими служанками, надев множество золотых украшений и самые красивые одежды, которые у нее были, сошла с повозки и направилась пешком к лакедемонянам, бывшим в это время еще "на побоище свежем". Заметив, что всем руководит Павсаний (а имя его и род и раньше были ей хорошо известны, так как ей часто приходилось о нем слышать), женщина признала его за Павсания. Затем, обняв колени Павсания, она сказала вот что: "Царь Спарты! Избавь меня, просительницу, от плена и рабства. Ведь ты уже совершил многое, уничтожив этих людей, которые не почитают ни демонов, ни богов! Я – родом из Коса, дочь Гегеторида, сына Антагора. Силой похитили меня на Косе, и обладал мною этот перс". Павсаний же отвечал ей так: "Не бойся, женщина, так как просительнице [не причинят зла], если ты к тому же говоришь правду и ты действительно дочь Гегеторида из Коса, моего лучшего друга, гостеприимца в тех краях"[50]. Так он сказал и поручил ее попечению присутствовавших эфоров, а потом отослал на Эгину, куда она сама желала отправиться.

77. Тотчас после ухода этой женщины прибыли мантинейцы, когда с врагами все было уже кончено. Когда они узнали, что опоздали к битве, то весьма опечалились и объявили, что заслуживают наказания. Услышав о бегстве персов во главе с Артабазом, мантинейцы вызвались преследовать неприятелей до Фессалии. Однако лакедемоняне не позволили преследовать бегущих. Тогда мантинейцы возвратились назад в свою страну и изгнали своих военачальников. После мантинейцев пришли еще элейцы и так же, как мантинейцы, с огорчением вернулись домой. По возвращении они

также изгнали своих военачальников. О мантинейцах и элейцах сказано достаточно.

78. В войске эгинцев при Платеях был некто Лампон, сын Пифея, один из самых знатных людей на Эгине. Он обратился к Павсанию с нечестивейшим предложением. Торопливо подбежав к Павсанию, Лампон сказал вот что: "Сын Клеомброта! Ты совершил подвиг небывалый, столь велик он и славен. Божество помогло тебе как спасителю Эллады стяжать величайшую славу среди всех эллинов, о которых мы знаем. Теперь тебе остается довершить остальное, чтобы слава твоя возросла еще больше и чтобы варвары впредь не осмелились творить такие беззакония эллинам. Ведь Мардоний и Ксеркс велели отрубить голову павшему при Фермопилах Леониду и пригвоздить к столбу. Если ныне ты воздашь тем же Мардонию, то за это тебя превознесут хвалами не только спартанцы, но и прочие эллины. Ведь пригвоздив к столбу Мардония, ты отомстишь за своего дядю Леонида".

79. Такими словами Лампон думал угодить Павсанию, а тот ответил ему так: "Друг эгинец! Я ценю твою благосклонность и проницательность. Однако ты ошибся, дав свой добрый совет. Сперва ведь ты высоко превозносишь меня, мой родной город и мой подвиг, а затем низвергаешь меня во прах: ты советуешь мне осквернить покойника, и если я это сделаю, то моя слава, как ты думаешь, возрастет. А так поступать приличествует скорее варварам, чем эллинам, и за это то мы их и порицаем. Такой ценой я вовсе не желаю купить одобрения эгинцев и тех, кому подобные предложения по душе. С меня довольно и похвал лакедемонян за то, что я поступаю и говорю справедливо и честно. Что до Леонида, отомстить за которого ты призываешь, то он, мне думается, вполне отомщен. Он сам вместе со всеми остальными павшими при

Фермопилах почтен бесчисленным множеством душ убитых здесь врагов. А ты впредь не являйся ко мне с подобными предложениями и будь благодарен, что на сей раз это тебе сошло благополучно".

80. Услышав такой ответ, Лампон удалился, а Павсаний велел глашатаю объявить, чтобы никто не смел присваивать себе добычи, и приказал илотам снести сокровища в одно место. Илоты же рассеялись по персидскому стану и нашли шатры, убранные золотом и серебром, позолоченные и посеребренные ложа, золотые сосуды для смешения вина, чаши и другие питьевые сосуды. На повозках они отыскали мешки с золотыми и серебряными котлами. С павших врагов они снимали запястья, ожерелья и золотые мечи, а на пестрые вышитые одеяния варваров никто даже и не обращал внимания. Илоты похищали много драгоценностей и затем продавали эгинцам, но много добра им пришлось все-таки сдать, так как его невозможно было спрятать. Отсюда то и происходит великое богатство эгинцев, которые покупали у илотов золото [и платили за него], как будто это была медь.

81. Когда добыча была собрана, эллины отделили десятую часть дельфийскому богу. Из этой десятины был [сделан и] посвящен золотой треножник, который стоит в Дельфах на трехглавой медной змее непосредственно у алтаря[51]. И олимпийскому богу они отделили десятую часть добычи, из которой [сделали и] посвятили медную статую Зевса в 10 локтей высоты, а также и истмийскому богу, [отделив десятую часть], посвятили медную статую Посейдона в 7 локтей высоты. После этого распределили [между собой] всю остальную добычу: персидских наложниц, золото, серебро, прочие ценности и вьючных животных. Каждый получил то, что ему подобало. А сколько дали сверх этого воинам, особо отличившимся при Платеях,– об этом мне никто не мог ничего

сказать. Впрочем, как я думаю, им были даны [почетные дары]. Павсаний же получил всего вдесятеро больше: женщин, коней, талантов, верблюдов, а также и других ценностей.

82. Передают еще вот что: после бегства из Эллады Ксеркс оставил Мардонию свою домашнюю утварь. Когда же Павсаний увидел шатер Мардония с золотой и серебряной утварью и пестрыми коврами, он приказал хлебопекам и поварам приготовить такой же обед, как они обычно готовили Мардонию. Те принялись выполнять приказание. Зрелище пышно устланных мягкими коврами золотых и серебряных ложей, золотых и серебряных столов с роскошно приготовленным обедом и всего этого великолепия и роскоши яств привело Павсания в изумление. В шутку он приказал своим слугам приготовить так же и лаконский обед. Разница между обоими обедами оказалась большая, и Павсаний, засмеявшись, велел пригласить эллинских военачальников. Когда те собрались, Павсаний, указывая им на оба обеда, сказал: "Эллины! Я собрал вас, чтобы показать безрассудство этого предводителя мидян, который живет в такой роскоши и все-таки пришел к нам, чтобы отнять наши жалкие крохи". Это, как говорят, были слова Павсания эллинским военачальникам.

83. После этого платейцы находили еще много ящиков с золотом, серебром и другими драгоценностями. Впоследствии, когда платейцы собрали кости в одну кучу, на скелетах павших обнаружили вот что: нашли череп без единого шва, состоящий из одной кости; отыскали также челюсть, именно верхнюю, со сросшимися зубами: все резцы и коренные зубы состояли сплошь из одной кости. Кроме того, были найдены кости человека ростом в 50 локтей.

84. Тело Мардония на другой день после битвы исчезло. Кто его похитил, я точно сказать не могу. Я слышал, правда, про многих людей из разных городов, будто они предали земле прах Мардония, и знаю, что за это они получили богатые дары от сына Мардония Артонтеса. Но кто именно из них тайно похитил и похоронил тело Мардония – этого я точно узнать не мог. Ходит, впрочем, слух, что это был Дионисофан из Эфеса. Во всяком случае Мардоний был погребен тайно.

85. Эллины же после раздела платейской добычи приступили к погребению павших – каждый город своих. Лакедемоняне выкопали три могилы. В одной они похоронили иренов[52] (в их числе были Посидоний, Амомфарет, а также Филокион и Калликрат); в другой – всех остальных спартанцев, а в третьей – илотов. Так погребали [своих воинов] спартанцы. Тегейцы же хоронили своих воинов отдельно, но всех в одной могиле; также и афиняне – своих воинов вместе, то же и мегарцы и флиунтцы – своих воинов, изрубленных [вражескими] всадниками. Во всех этих могилах действительно были тела павших. Что же касается могил прочих эллинов, которые еще можно видеть у Платей, то это, как я узнал,– пустые курганы (эти курганы насыпали отдельные эллинские города, стыдясь перед потомством своего неучастия в битве). Есть там и так называемая могила эгинцев, которую даже спустя десять лет после битвы насыпал по их просьбе гостеприимец эгинцев Клеад, сын Автодика из Платей.

86. После погребения павших при Платеях эллины решили на совете тотчас же идти на Фивы и требовать выдачи сторонников персов, и прежде всего Тимегенида и Аттагина, главарей персидской партии. В случае же отказа фиванцев было постановлено не снимать осады города, пока не возьмут его. Так они решили и на

одиннадцатый день после битвы подошли к Фивам и осадили город, требуя выдачи этих людей. Фиванцы же отказались, и тогда эллины принялись опустошать их землю и штурмовать стену.

87. Так как опустошения продолжались, то на двадцатый день Тимегенид сказал фиванцам так: "Фиванцы! Поскольку эллины приняли решение не снимать осады, пока не возьмут Фивы или пока вы не выдадите нас, то пусть Беотийская земля из-за нас больше не страдает. Если их требование – только предлог, чтобы вымогать деньги, то давайте дадим деньги из государственной казны (ведь мы держали сторону персов вместе с общиной, а вовсе не одни). Если же эллины ведут осаду города, действительно желая захватить нас, то мы сами сумеем оправдаться перед ними". Фиванцы нашли эти слова совершенно правильными и полезными и тотчас же через глашатая сообщили Павсанию, что желают выдать этих людей.

88. Когда на таких условиях был заключен договор, то Аттагин бежал из города. Детей его привели к Павсанию, но тот объявил их невиновными, указав на то, что дети не причастны к дружбе отца с персами. Другие же [сторонники персов], выданные фиванцами, рассчитывали оправдаться и были уверены, что сумеют спастись от беды, [откупившись] деньгами. А Павсаний, когда они попали в его руки, подозревая такие замыслы, распустил союзное войско, а их велел отвести в Коринф и там казнить. Вот что произошло при Платеях и Фивах[53].

89. Между тем Артабаз, сын Фарнака, продолжал свое бегство из-под Платей и был уже далеко. Когда он пришел в Фессалию, то фессалийцы пригласили его в гости и спросили об остальном войске, так как они еще ничего не знали о Платейской битве. Артабаз же понял, что подвергается опасности погибнуть вместе с войском, если расскажет чистую правду о битве. Он полагал, что любой

теперь может на него напасть, узнай только, что там случилось. Рассуждая таким образом, он совершенно умолчал потом об этом фокийцам, а фессалийцам сказал вот что: "Я, фессалийцы, как видите, тороплюсь как можно скорее прибыть во Фракию, а спешу я потому, что послан с этим отрядом туда из нашего стана с поручением. Мардоний с войском идет за мной по пятам и скоро прибудет к вам. Примите его как гостя благосклонно и окажите внимание. Поступив так, вы со временем не раскаетесь". После этого он быстро повел войско через Фессалию и Македонию непосредственно во Фракию, прямым путем через внутреннюю часть страны, как человек, действительно спешащий. Затем он прибыл в Византию с большими потерями в людях, умерщвленных в пути фракийцами или павших от голода и изнеможения. Из Византия же Артабаз переправился [через пролив] на кораблях. Так он возвратился в Азию.

90. В день поражения персов при Платеях произошла как раз и битва при Микале в Ионии. В то время как эллинский флот под начальством лакедемонянина Левтихида стоял у Делоса, прибыли послы с Самоса: Лампон, сын Фрасикла, Афинагор, сын Архестратида, и Гегесистрат, сын Аристагора, отправленные втайне от персов и тирана Феоместора, сына Андродаманта, которого персы поставили тираном Самоса. Когда послы явились к военачальникам, то взял слово Гегесистрат. Он выступил с длинной речью и на разные лады объяснял, что лишь только ионяне увидят эллинский флот, то сразу же поднимут восстание против персов. К тому же варварский флот вовсе не ожидает появления врага. Если же эллины не решатся [напасть на варваров], то второго такого удачного случая они уже не встретят. Заклиная эллинов общими богами, Гегесистрат побуждал их спасти ионян от рабства и помочь им защититься от варваров. Эллинам, по его словам, это

легко сделать, так как корабли у варваров плохие и не подстать эллинским. Если же эллины опасаются хитрости или измены, то они готовы плыть заложниками вместе с ними на кораблях.

91. Так как самосский гость так настойчиво излагал свою просьбу, то Левтихид задал ему вопрос – хотел ли спартанец [этим вопросом] получить [счастливое] предзнаменование или же бог случайно его надоумил: "Как твое имя, гость из Самоса?". А тот отвечал: "Гегесистрат". Тогда Левтихид прервал его, не дав окончить речь, и сказал: "Я принимаю это [имя Гегесистрата] как счастливое предзнаменование. А ты теперь поклянись вместе со своими спутниками, что самосцы действительно будут нам верными союзниками, и возвращайся домой"[54].

92. От слов он перешел к делу: самосцы тотчас же принесли клятву на верность союзу с эллинами. Затем самосцы отплыли, а Гегесистрату Левтихид приказал плыть вместе с эллинским флотом, считая его имя счастливым предзнаменованием. Эллины же подождали еще день, а на следующий день получили счастливые знамения. Жрецом прорицателем был у них Деифон, сын Евения из Аполлонии, что лежит в Ионийском заливе. С отцом его случилось вот какое [удивительное] происшествие.

93. Есть в этой Аполлонии посвященное Солнцу стадо овец. Днем оно пасется у реки, которая течет с горы Лакмона через Аполлонийскую область и затем у гавани Орик впадает в море[55]. Ночью же стадо стерегут богатые и знатные граждане города. Выбирают из них каждого сторожем на год. Аполлонийцы ведь весьма дорожат этими овцами в силу какого-то прорицания. Ночуют эти овцы в какой-то пещере вдали от города. Здесь то этот Евений и был выбран стеречь овец. Как-то раз он проспал свою стражу, а волки забрались в пещеру и растерзали около 60 овец. Евений же

заметил потерю овец, но хранил молчание и никому не говорил об этом, так как думал подменить овец, купив других. Однако дело это не удалось скрыть от аполлонийцев. Они узнали [об этом], тотчас привели Евения в суд и приговорили за то, что проспал свою стражу, лишить его зрения. Затем сразу же после того, как Евений был ослеплен, овцы перестали ягниться, а земля – приносить плоды. В Додоне и в Дельфах, где аполлонийцы вопрошали оракул о причине такой напасти, они получили в ответ изречение: они виноваты в том, что несправедливо лишили зрения стража священных овец Евения (ведь это сами боги послали волков), и бедствия Аполлонии не прекратятся до тех пор, пока аполлонийцы не дадут удовлетворения, какое он сам потребует и назначит, за содеянное ему зло. А после этого сами боги наделят Евения даром, за который много людей будут его почитать блаженным.

94. Такие изречения оракула были даны аполлонийцам. А те держали ответ оракула втайне и поручили нескольким горожанам исполнить повеление бога. Выполнили же горожане это поручение вот каким образом. Они присели на скамью к Евению, когда тот сидел [на рынке], и, заговорив с ним о том о сем, под конец выразили сожаление о его беде. Когда беседа исподволь дошла до этого, посланцы спросили слепца, что он потребует от аполлонийцев, если те захотят дать ему удовлетворение за причиненное зло. Евений же, ничего не слышав об оракуле, назвал участки двоих горожан, считая их самыми лучшими в городе, и, кроме того, дом, как он думал, самый красивый в городе. Если ему дадут то и другое, добавил Евений, то впредь он не будет гневаться на них и сочтет этот дар достаточным удовлетворением. Так он сказал, а те, что сидели с ним, ответили: “Хорошо, Евений! Это удовлетворение дают тебе аполлонийцы по воле оракула за то, что они ослепили тебя”. А Евений, когда узнал все это дело, пришел в негодование за то, что

его так перехитрили. Аполлонийцы же купили у владельцев [землю и дом], выбранные им, и подарили ему. Через немного времени после этого Евению был ниспослан божественный дар пророчества, и он стал знаменитым прорицателем.

95. Сын этого то Евения Деифон (его привели с собой коринфяне) и прорицал теперь, [принося жертвы] для войска. Я слышал, впрочем, еще вот какой рассказ, будто этот Деифон выдавал себя за сына Евения и бродил по всей Элладе. Пользуясь [знаменитым] именем, он изрекал прорицания за плату.

96. Так как знамения [при жертвоприношении] выпали счастливые, то эллины отплыли с Делоса на Самос. Когда они были уже близ Калам в Самосской области, то бросили там якорь у святилища Геры и стали готовиться к бою. А персы, узнав о приближении эллинов, также вышли в море, но поплыли с остальными кораблями к материку (финикийские же корабли они отослали домой). Они решили не вступать в бой с эллинами, полагая, что их силы не равны эллинским. Отплыли же варвары к материку под защиту части сухопутного войска в Микале (эта часть войска по приказанию Ксеркса была оставлена сзади главных сил и стояла там для защиты Ионии). Численность этого войска составляла 60 000 человек. Во главе его стоял Тигран, превосходивший всех персов красотой и статностью. Под защиту этого войска и решили стать начальники флота, а именно, вытащить на берег корабли и там построить укрепление для защиты кораблей и собственной безопасности[56].

97. С этой то целью персы и вышли в море. Когда они, миновав святилище Владычиц, прибыли в область Гесона и Сколопоента, где стоит святилище Деметры Элевсинской (его воздвиг Филист. сын Пасикла, когда он вместе с Нелеем, сыном Кодра, основал Милет),

то вытащили корабли на берег. Затем варвары построили там укрепление [в виде вала] из камней и бревен кругом кораблей, вырубив фруктовые деревья и окружив вал острым частоколом, и приготовились как к победе, так и к поражению, ибо благоразумно рассчитывали на то и на другое.

98. А эллины, получив известие об отплытии варваров к материку, раздраженные их бегством, были в нерешительности, что им предпринять: возвращаться ли назад или плыть к Геллеспонту. Наконец решили: не делать ни того, ни другого, а плыть к материку. Итак, они заготовили [абордажные] сходни и все, что нужно для морской битвы, и поплыли к Микале. Подойдя к стану персов, эллины не заметили [в море] ни одного вражеского корабля, но увидели на берегу корабли за укрепленным валом, а вдоль побережья – огромное войско, выстроенное в боевом порядке. Тогда Левтихид, который плыл на своем корабле ближе всего к берегу, велел сначала глашатаю обратиться к ионянам с такими словами: "Ионяне! Кто из вас слышит меня, заметьте мои слова (персы ведь не понимают ничего из того, что я вам предлагаю). Когда начнется битва, пусть каждый из вас помнит прежде всего о своей свободе, а потом слушает наш боевой клич: «Гера!». А кто теперь меня не слышит, тому пусть передаст это слышавший меня". Этот призыв Левтихида был задуман с той же целью, как и обращение Фемистокла к ионянам при Артемисии: если варвары не услышат этих слов, тогда ионяне послушаются эллинов или же, если их передадут варварам, то те не будут доверять эллинам.

99. После этого призыва Левтихида эллины поступили вот как: причалив корабли, они высадились на берег и построились там в боевом порядке. Персы же, увидев, что эллины готовятся к битве и договорились с ионянами, сначала обезоружили самосцев, подозревая

их в сочувствии эллинам (ведь когда на Самос прибыли на кораблях варваров афинские пленники, оставшиеся в Аттике и захваченные воинами Ксеркса, то самосцы выкупили их и отправили всех в Афины, снабдив на дорогу запасом продовольствия. Этот то поступок самосцев, именно то, что они выкупили 500 человек врагов, и возбудил больше всего подозрение персов). Затем персы поручили милетянам прикрывать проходы, ведущие к вершинам Микале, якобы потому, что милетяне лучше всего знают местность. На самом же деле – чтобы удалить их из стана. Так персы старались принимать такие меры предосторожности против тех ионян, которых считали способными поднять восстание. Сами же персы сомкнули свои плетеные щиты как прикрытие против врага.

100. А эллины, закончив приготовления, двинулись на варваров. Когда же они пошли, то по всему войску внезапно распространился слух и был виден лежащий на взморье жезл глашатая. Стала распространяться из уст в уста молва [о том], что эллины одолели войско Мардония в Беотии. По многим признакам совершенно ясно видна тут божественная воля в земных делах, если тогда, хотя день Платейской битвы совпал с днем битвы при Микале, слух о победе распространился среди эллинов и дух войска от этого и его воинственный пыл поднялись еще выше.

101. Случайно совпало еще и другое, именно вот что: поблизости от обоих полей битвы находятся священные участки Деметры Элевсинской. И действительно, битва при Платеях разыгралась, как я уже сказал раньше, у самого храма Деметры, и при Микале теперь битва должна была произойти точно так же [у самого святилища Деметры]. А слух о победе эллинов во главе с Павсанием оказался совершенно правильным, потому что поражение

персов при Платеях случилось уже ранним утром, а битва при Микале – к вечеру. Вскоре после этого подтвердилось также, что обе битвы произошли в тот же день месяца. Однако, пока молва об этом не распространилась, эллины были в страхе, правда, не столько за себя, сколько за эллинов [на родине], как бы Мардоний не сокрушил Элладу. Теперь же, когда молва распространилась с быстротой молнии, эллины тем смелее и быстрее шли в бой. Так спешили эллины и варвары в бой, так как наградой [за победу] были острова и Геллеспонт[57].

102. Путь афинян и их соседей (до половины боевой линии) шел берегом и по ровной местности, а лакедемоняне и стоявшие за ними [в строю] воины должны были идти ущельем и горами. В то время как лакедемоняне еще обходили горы, афиняне и их соседи на правом крыле уже бились с врагом. Пока у персов стояло их прикрытие из плетеных щитов, они храбро защищались и не уступали неприятелям. Когда же афиняне и их соседи, придавая бодрости друг другу, стали нападать еще более яростно, чтобы самим решить дело, а не лакедемонянам, тогда сражение приняло уже другой оборот. Эллины прорвали плетеное прикрытие и всей массой стремительно бросились на персов, которые, правда, и теперь еще выдерживали натиск и довольно долго защищались, но под конец бежали в укрепление. Тогда афиняне, коринфяне, сикионцы и трезенцы (в таком порядке они стояли в строю), устремившись по пятам за врагом, ворвались в укрепление. А после взятия укрепления варвары уже больше не думали о сопротивлении и все, кроме персов, обратились в бегство. Персы же продолжали сопротивление маленькими отрядами против беспрерывного натиска эллинов. Два персидских военачальника также обратились в бегство, а два погибли. Бежали Артаинт и Ифамитра, предводители флота, а Мардонт и Тигран, начальники сухопутного войска, пали в битве.

103. Персы еще сражались, когда наконец появились лакедемоняне и их спутники [на левом крыле] и довершили победу. В этой битве пало также много эллинов, в особенности сикионцев. Пал и их предводитель Перилай. Самосский же отряд в мидийском войске, обезоруженный персами, лишь только заметил, что победа склоняется на сторону эллинов, делал все возможное, чтобы помочь эллинам. Остальные ионяне также последовали примеру самосцев: они изменили персам и напали на варваров,

104. Милетянам же персы поручили охрану проходов, чтобы на случай поражения (что и случилось в действительности) они могли бы найти убежище на высотах Микале под прикрытием и предводительством милетян. Для этой то охраны милетян и поставили на этот пост и отослали из стана, чтобы предотвратить восстание. Однако милетяне поступили как раз против приказаний: они повели отступающих персов другими дорогами (дороги эти приводили персов к врагам) и в конце концов стали открыто, как злейшие враги, умерщвлять персов.

105. В этой битве особенно отличились афиняне, а среди афинян – Гермолик, сын Евфена, весьма искусный в кулачном бою и борьбе. Этого Гермолика постигла впоследствии [печальная участь]: во время войны афинян с каристийцами он пал в битве при Кирне в каристийской земле и покоится в Гереcте. После же афинян больше всего отличились коринфяне, трезенцы и сикионцы.

106. Прикончив большую часть варваров в сражении или во время бегства, эллины предали затем огню все их корабли и укрепление. Потом они вытащили добычу на берег, причем нашли несколько [ящиков] военной казны персов. После сожжения крепости и кораблей эллины вышли в море. По прибытии на Самос эллины держали совет о переселении ионян [из их страны]: о том, в какую

именно часть занимаемой эллинами области следовало бы переселить их, так как Ионию нужно было оставить варварам. Они считали ведь совершенно невозможным все время защищать ионян, но тем не менее без такой защиты не было надежды на то, что ионяне смогут безнаказанно отпасть от персов. Поэтому высшие власти пелопоннесцев предложили изгнать эллинские племена, стоявшие на стороне персов, из их торговых портов, а землю их отдать ионянам. Афиняне же, напротив, вообще не хотели и слышать об оставлении Ионии и не желали даже позволить пелопоннесцам держать совет об афинских поселениях в Ионии. А так как афиняне были решительно против этого предложения, то пелопоннесцам пришлось все-таки уступить. Так-то были приняты в эллинский союз также самосцы, хиосцы и лесбосцы и прочие островитяне, сражавшиеся вместе с эллинами. Они должны были принести клятву в том, что будут верны и не изменят союзу. Взяв эту клятву, эллины отплыли в Геллеспонт.

107. Части варваров, хотя и незначительной, оттесненной на вершины Микале, все же удалось спастись и благополучно добраться до Сард. В пути Масист, сын Дария, который участвовал в злополучном сражении, стал осыпать Артаинта, главного начальника [в этой битве], горькими упреками. Между прочим, Масист говорил, что тот трусливее бабы [и виновен в поражении], так как плохо руководил битвой и заслуживает тягчайшей кары за то, что опозорил царский дом (у персов нет более страшного поношения, чем если кто скажет кому-нибудь, что тот трусливее женщины). Артаинт же долго терпеливо молчал и наконец, распалившись гневом, выхватил [персидский] меч, чтобы прикончить Масиста. А Ксенагор, сын Праксилая, галикарнассец, стоявший сзади Артаинта, заметил, что тот бросается на Масиста; схватив его поперек туловища, он поднял и затем бросил наземь. В это время

[подбежавшие] телохранители заслонили Масиста. Этим поступком Ксенагор заслужил великую благодарность как самого Масиста, так и Ксеркса: он ведь спас царского брата. За этот подвиг царь сделал Ксенагора правителем Киликии. Впрочем, кроме этого, больше с ними не случилось в пути никаких происшествий, и персы [благополучно] прибыли в Сарды[58].

108. А царь все еще пребывал в Сардах с того времени, как он, потерпев поражение в морской битве, бежал из Афин [в Азию]. Тогда то, будучи в Сардах, Ксеркс воспылал страстью к супруге Масиста, которая также находилась там. Хотя он и посылал к ней [вестников], но ее оказалось невозможно склонить [к измене]. Применить же насилие царь не хотел из уважения к брату Масисту. То же самое чувство [уважения] удерживало и эту женщину; она прекрасно знала, что ее не принудят силой. Так как у Ксеркса не было больше других средств [овладеть этой женщиной], то он устроил свадьбу своего сына Дария и дочери этой женщины и Масиста. Этим царь надеялся скорее достичь своей цели. Свадьба была совершена с обычными обрядами, и [после этого] Ксеркс возвратился в Сусы. По прибытии туда царь принял в свой дом [молодую] супругу Дария. Тогда он почувствовал охлаждение к супруге Масиста: теперь, изменив свои чувства, Ксеркс воспылал любовью к супруге Дария, дочери Масиста, которая ему и отдалась. Имя этой женщины было Артаинта.

109. Через несколько времени, однако, супружеская неверность [жены Дария] открылась вот каким путем. Аместрида, супруга Ксеркса, подарила царю пестрый, удивительной красоты плащ, который она сама выткала. Ксеркс с радостью надел его и пошел к Артаинте. Насладившись этой женщиной, царь сказал ей, что она может просить у него все, что хочет в награду за любовь: он готов

исполнить любую ее просьбу. Артаинта же отвечала Ксерксу (и это послужило причиной ее собственной гибели и гибели всего дома): "Дашь ли ты мне действительно все, что я ни попрошу?". Ксеркс, который менее всего ожидал от нее такой просьбы, обещал клятвенно. Когда же царь поклялся, Артаинта смело потребовала его плащ. Ксеркс стал тогда придумывать всевозможные отговорки, не желая отдавать плащ не по какой-либо иной причине, а только из страха перед Аместридой. А царица уже и раньше питала подозрения [в неверности], а теперь поймала бы его на месте преступления. Царь же стал предлагать Артаинте в дар города, несметное количество золота и войско, во главе которого будет стоять только она одна (у персов войско считается великолепным даром). Однако Ксеркс не мог убедить эту женщину, и ему пришлось подарить ей плащ. А та, весьма обрадовавшись подарку, стала носить и красоваться в нем.

110. Аместрида услышала, что плащ у Артаинты. Разузнав затем [подробно] о происшествии, царица обратила свой гнев не на эту женщину, так как предполагала виновницей и исполнительницей этого дела ее мать, а замыслила погубить супругу Масиста. Аместрида выждала время, когда ее супруг Ксеркс давал царский пир. Этот пир бывает раз в году в день рождения царя. По персидски этот пир называется "тикта", что на греческом языке значит "отличный"[59]. Только в этот день царь умащает свою голову и одаривает персов. Этот то день и выждала Аместрида и потребовала у Ксеркса отдать ей в подарок супругу Масиста. Ксеркс нашел это требование выдать жену брата недостойным и возмутительным, которая к тому же была совершенно невиновна в этом деле. Царь ведь хорошо понимал, зачем она обратилась к нему с такой просьбой.

111. Между тем царица стала настойчиво добиваться [исполнения своей просьбы], и царю пришлось (на царском пиру царю нельзя никому отказывать в просьбе) наконец, правда весьма неохотно, дать согласие. Затем, отдав эту женщину во власть Аместриды, Ксеркс поступил так. Позволив царице делать со своей жертвой все, что она хочет, он послал за братом и сказал ему вот что: "Масист! Ты – сын Дария и мой брат, да к тому же и доблестный муж. Так вот, отпусти свою супругу, с которой ты живешь, а я дам тебе в жены вместо нее мою дочь. Пусть она будет твоей супругой. Твою же теперешнюю супругу отпусти: мне не угодно, чтобы ты жил с нею". Масист же, пораженный такими словами Ксеркса, ответил так: "Владыка! Какие бесполезные речи заводишь ты со мною! Ты повелеваешь мне оставить супругу, от которой у меня есть сыновья и дочери (одну из них ты дал в жены даже собственному сыну), супругу, столь любезную моему сердцу, и взять в жены твою дочь? Нет, царь! Сколь ни велика для меня честь, которой ты меня удостоил, стать мужем твоей дочери, но все же я не сделаю ни того, ни другого. Не принуждай же меня силой, так как тебе это вовсе не нужно. Для твоей дочери найдется другой столь же достойный супруг. А мне позволь жить с моей супругой". Так отвечал Масист. Ксеркс же, распалившись гневом, сказал ему в ответ: "Хорошо же, Масист! Теперь моя воля такова: не выдам я за тебя своей дочери, но и со своей женой ты больше не будешь жить. Ты научишься принимать то, что тебе предлагают!". Услышав эти угрозы, Масист поспешно вышел со словами: "Владыка! Ты ведь меня еще не погубил!".

112. Между тем, пока Ксеркс вел этот разговор с братом, Аместрида послала телохранителей Ксеркса изувечить жену Масиста: она велела отрезать у несчастной груди и бросить псам,

а также нос, уши и губы, вырезать язык и отправить в таком виде домой.

113. Масист же, еще ничего не зная об этом, но предчувствуя недоброе, бегом бросился домой. Увидев свою жену [столь страшно] изувеченной, он тотчас же, посоветовавшись с сыновьями, отправился вместе с ними и некоторыми другими людьми в Бактры. Он хотел поднять восстание в Бактрийской области, чтобы лишить царя престола. Это, как я думаю, ему, пожалуй, и удалось бы, если бы он раньше прибыл к бактрийцам и сакам. Действительно, эти народности любили Масиста, и он был сатрапом Бактрии[60]. Ксеркс, однако, проведал замыслы Масиста и отправил в погоню за ним отряд, [который] настиг его в пути: Масист был убит вместе с сыновьями и приверженцами. Это мой рассказ о страсти Ксеркса и смерти Масиста.

114. Эллины же, отплыв из Микале в Геллеспонт, бросили якорь сначала из-за противных ветров у [мыса] Лекта. Отсюда они прибыли в Абидос и нашли там мосты, которые они считали целыми, уже разрушенными (ради этого то прежде всего они прибыли в Геллеспонт). Тогда Левтихид и пелопоннесцы решили отплыть назад в Элладу. Афиняне же и их предводитель Ксантипп, напротив, решили остаться и напасть на Херсонес. Итак, пелопоннесцы отплыли [домой], афиняне же переправились из Абидоса в Херсонес и приступили к осаде Сеста.

115. В этот Сест – самую сильную крепость в. этой стране, услышав о прибытии эллинов, собрались персы из соседних городов. Так, из города Кардии прибыл перс Эобаз и привез канаты от мостов. В городе же этом жили местные эолийцы, да еще персы и много других союзных с персами народностей.

116. Владыкой этой области был сатрап Ксеркса перс Артаикт, страшный нечестивец, обманувший даже царя во время похода на Афины. Артаикт ограбил храмовые сокровища [героя] Протесилая, сына Ификла из Элеунта. Ведь в Элеунте на Херсонесе в священной роще находится [святилище и] могила Протесилая. [В святилище] хранились богатства, золотые и серебряные чаши, медные статуи, [драгоценные] одежды и другие приношения. [Все это] Артаикт похитил с царского позволения, обманув царя такими словами: "Владыка! Есть тут дом одного эллина, который пошел походом на твою землю и за это его постигло справедливое возмездие – смерть. Подари мне его дом, чтобы впредь всякий поостерегся идти войной на твою землю". Этим ему легко удалось убедить Ксеркса подарить ему этот дом. Слова же Артаикта о походе Протесилая в царскую землю означали вот что: по мнению персов, вся Азия принадлежит им и правящему царю. Овладев этими сокровищами, Артаикт велел перенести их из Элеунта в Сест, а священный участок засеять и возделывать. Сам же, всякий раз, когда бывал в Элеунте, то в святилище совокуплялся с женщинами. Итак, теперь афиняне принялись осаждать Артаикта. А он не был готов к осаде, не ожидая прихода эллинов: они напали на сатрапа [так внезапно], что ему некуда было бежать.

117. Между тем осада [Сеста] затянулась до поздней осени, и афиняне уже стали тяготиться долгим пребыванием на чужбине и безуспешной осадой[61]. Они просили военачальников возвратиться на родину. Военачальники же ответили, что не уйдут, пока не возьмут города или пока высшие власти в Афинах не отзовут их домой. Тогда афинянам пришлось примириться с обстоятельствами.

118. А осажденные в крепости [херсонесцы] уже дошли до последней крайности, так, что варили и ели ремни от постелей.

Когда же они съели даже и это, то персы с Артаиктом и Эобазом однажды ночью бежали из города: персы опустились по задней стороне стены, там, где меньше всего было неприятелей. На следующий день херсонесцы дали знак афинянам с башен о бегстве персов и открыли [городские] ворота. Большая часть [афинского] войска пустилась в погоню за персами, а другая – заняла город.

119. Эобаза, бежавшего во Фракию, захватили фракийские апсинфии и по своему обычаю принесли в жертву местному богу Плистору, а спутников его умертвили другим способом. Артаикта же с товарищами, бежавшими позднее, афиняне вскоре нагнали за Эгоспотамой и частично после долгого сопротивления перебили. Остальных же взяли живыми в плен. Этих последних афиняне повели в оковах в Сест (среди них был также и Артаикт со своим сыном).

120. Тут то, как рассказывают херсонесцы, случилось с одним из стражей, когда тот жарил соленую рыбу, вот какое чудо: соленые рыбы запрыгали и стали биться на огне, словно только что пойманные. И все, столпившись вокруг, изумлялись этому диву. Артаикт, который также увидел эту диковину, позвал человека, жарившего соленую рыбу, и сказал: "Друг афинянин! Не страшись этого чуда! Оно ведь явлено не тебе, а мне. Протесилай в Элеунте этим знамением возвещает, что хотя он и мертв и превратился в мумию, но все же обладает божественной силой, чтобы покарать своего обидчика. Поэтому то я хочу заплатить выкуп за мое преступление: за сокровища, похищенные мною из его святилища, я хочу пожертвовать [богу] 100 талантов; афинянам же, если они сохранят жизнь мне и моему сыну, я заплачу 200 талантов". Такое его предложение, однако, афинский военачальник Ксантипп отверг. Ведь его смерти требовали элеунтцы в возмездие за Протесилая, и так же думал и сам военачальник. Артаикта отвели на то место

побережья, где Ксеркс велел построить мост (по другим рассказам – на холм, что над городом Мадитом), и, пригвоздив к столбу, повесили. А сына его на глазах Артаикта побили камнями.

121. После этого афиняне отплыли в Элладу. Они везли с собой среди другой добычи также и канаты от мостов; [эти канаты] они хотели посвятить в храмы. В этом году больше ничего не произошло.

122. Дед этого распятого на столбе Артаикта был Артембар, давший персам один совет. Персы приняли его и представили Киру с такими словами: "Так как Зевс отнял у Астиага владычество над Азией и вручил его персам, а среди персов – тебе, Кир, давайте же покинем нашу маленькую и притом суровую страну и переселимся в лучшую землю. Много земель здесь по соседству с нами, много и дальше. Если мы завоюем одну из них, то наша слава и уважение к нам еще больше возрастут. Так подобает поступать народу – властителю [других народов]. Ибо когда же еще нам представится более удобный случай, как не теперь, когда мы владычествуем над многими народами и в наших руках целая Азия?". Услышав эти слова, Кир не удивился предложению и велел его выполнять. Тем не менее он советовал персам готовиться к тому, что они не будут больше владыками, а станут рабами. Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов. Тогда персы согласились с мнением Кира и отказались от своего намерения. Они предпочли, сами владея скудной землей, властвовать [над другими народами], чем быть рабами на тучной равнине.

Примечания

Г.А.Стратановский

[1] 1039. Имеется в виду персофильская позиция стоявшей у власти в Фессалии группы во главе с Алевадами.

[2] 1040. Овладев беотийскими проходами, можно было иметь в своих руках дороги на Аттику и на Истм (через Мегары). Персофильские круги в Греции усматривали причину неудачи Мардония в том, что он не последовал совету фиванцев подкупить людей в Греции.

[3] 1041. Сигнальные огни в древности играли роль светового телеграфа.

[4] 1042. До окончания праздника (первая треть июля) не было столкновении с персами. Геродот опять подчеркивает нарочитую медлительность спартанцев. Спартанцы уже раз опоздали к Марафонской битве (из-за новолуния), а теперь опять выступление войска задерживается из-за праздника Гиакинфий. Только угроза

афинян стать на сторону персов заставила Спарту перейти к решительным действиям.

[5] 1043. Это было 2 октября 480 г. Клеомброт возвратился с Истма в Спарту не из-за солнечного затмения, а из-за отступления персов после битвы при Саламине.

[6] 1044. Ср. V 41; VII 158.

[7] 1045. Периэки – жители лаконских городов и селений, принадлежавшие к числу покоренных спартанцами дорийских и недорийских общин. Они не были полноправными гражданами, но обязаны были служить в спартанском войске.

[8] 1046. В первый раз персы, заняв Афины, разрушили только акрополь, а теперь опустошили весь город.

[9] 1047. Это диктовал персам прежде всего опыт Марафонской битвы.

[10] 1048. Мардоний находился уже на перешейке между Сароническим заливом и Патрасской бухтой.

[11] 1049. Беотархи – политические и военные руководители Беотийского союза. В то время их было одиннадцать. Во главе Беотийского союза стояли Фивы.

[12] 1050. По-видимому, здесь идет речь о вырубке оливковых деревьев, которые препятствовали действию конницы.

[13] 1051. Укрепляли только ровную местность между рекой и горой.

[14] 1052. Греки выбрали эту позицию, чтобы персидская конница не могла их атаковать с тыла. Греки стояли на склонах гор, где конница не могла действовать, а персы – на равнине.

[15] 1053. Однако атака персидской конницы на греческие позиции окончилась неудачей. Конница персов состояла из саков и бактрийцев, которые осыпали греков градом стрел.

[16] 1054. Геродот имеет в виду представителей знати, составлявшей афинскую конницу. "Триста" – здесь не указывает на определенное количество.

[17] 1055. Позолоченный чешуйчатый панцирь, поверх которого надевалась длинная богато украшенная одежда, подвязанная поясом.

[18] 1056. Святилище героя, окруженное стеной, было опорным пунктом греков.

[19] 1057. Фиванцы оставили тело Полиника и павших с ним воинов без погребения. Афиняне впоследствии утверждали, что предали их погребению, и даже показывали могилы в Элевсине.

[20] 1058. В экспедиции Датиса и Артафрена участвовали незначительные силы персов. "Сорок шесть племен" можно сравнить с выражением "нашествие двунадесяти языков" Наполеона. Это число вообще означает здесь неопределенное множество.

[21] 1059. Греческое войско в действительности было значительно меньше, как можно заключить по числу павших. Численность персидского войска при Платеях также тенденциозно преувеличена с патриотической целью.

[22] 1060. Сообщение Геродота о построении обоих войск возникло, быть может, под влиянием подобного описания у Гомера. В то время ни греки, ни персы уже не выстраивали свои боевые силы по племенным контингентам. Греки стояли выстроенные по родам оружия. Внутри каждого рода оружия во всяком случае сражались рядом представители отдельных городов государств. У персов

различные роды оружия делились еще на подразделения, в которые были включены представители всех контингентов.

[23] 1061. Здесь речь идет о воинах особых родов оружия.

[24] 1062. Ливийские гермотибии и каласирии, жившие в Дельте Нила, не были отпущены домой, быть может, из-за восстания в Египте.

[25] 1063. Обеим сторонам было одинаково невыгодно наступать. Поэтому гадания по жертвам в ловких руках жрецов не давали благоприятных предзнаменований для наступления.

[26] 1064. После битвы при Платеях спартанцы напали не только на нейтральные или персофильски настроенные города, но даже на своих прежних союзников (тегейцев и почти на все аркадские племена).

[27] 1065. По другому чтению: при Истме. Имеется в виду так называемая III Мессенская война (464 – 460/59 гг. до н.э.).

[28] 1066. Афиняне отрезали отступление спартанскому экспедиционному корпусу в Фокиде. Победа при Танагре позволила спартанцам пробиться в Пелопоннес.

[29] 1067. Присутствие Гегесистрата в персидском стане указывает на то, что некоторые враждебные Спарте пелопоннесские города поддерживали персов своими отрядами.

[30] 1068. По-видимому, после Платейской битвы спартанцы напали на Закинф.

[31] 1069. Изложение Геродота здесь не соответствует фактам. Персы, вероятно, потому и укрепились у Платей, что считали это место наиболее удобным для действий своих боевых сил. Они точно рассчитали возможность перерезать проходы, по которым шли

коммуникации стоявших против них у Платей греков. Вероятно, фиванцы посоветовали Мардонию избрать это место для битвы.

[32] 1070. Изречение оракула относилось к вторжению северогреческих племен из Фессалии.

[33] 1071. Упоминание персов (мидян) в этом сборнике предсказаний оракулов указывает на то, что это издание сборника составлено было уже после персидских войн.

[34] 1072. Македонский царь играл двойную игру ввиду промежуточного положения его страны между двумя враждующими сторонами. Сначала он пытался с помощью персов увеличить свои владения за счет греков, а затем стремился тайным союзом с греками расширить их за счет территорий дружественных персам греческих городов. Известие, принесенное Александром, было очень важно для греков, так как они не знали, как долго персы могут оставаться у Платей, не страдая от недостатка продовольствия.

[35] 1073. Персам удалось захватить источник Гаргафию во время перегруппировки спартанцев и афинян и отрезать греков от питьевой воды. Целью атак персидских всадников лучников было вытеснить спартанцев со стратегически важной цепи холмов, где стояло святилище.

[36] 1074. Неизвестно, что заставило греков очистить свои прежние позиции: захват ли прохода через Киферон, затруднение ли с питьевой водой или сильные атаки персов на фланге, занятом спартанским отрядом. Быть может, все эти причины в совокупности.

[37] 1075. Остров находился в непосредственной близости от дороги на Мегары. Здесь греки господствовали над линиями снабжения и могли получать подкрепления из Пелопоннеса.

[38] 1076. Имеются в виду те отряды с продовольствием, которые не могли проникнуть в Беотию, так как проход был занят персами. Их нужно было под прикрытием провести к новым позициям у так называемого "Острова".

[39] 1077. Питанеты твердо придерживались древних спартанских традиции и поэтому отказывались подчиняться приказу Павсания об отступлении на другие позиции.

[40] 1078. Фессалийские тираны считали себя потомками Гераклида Алевада.

[41] 1079. Геродот описывает здесь тактику сакской пехоты, тактику сплоченного строя, в которой спартанцы не имели себе равных.

[42] 1080. Спартанские гоплиты были построены в фалангу, против которой персы без поддержки своей конницы были бессильны.

[43] 1081. Причины поражения персов не в отсутствии у них тяжелого вооружения, как полагает Геродот (см.: С. Я. Лурье. История, стр. 208), а скорее в неудачной тактике. Преследуя греков, персы потеряли связь с отдельными отрядами, и битва прекратилась в отдельные стычки. Греческие гоплиты, даже разделенные на мелкие отряды, тотчас же смыкались и образовывали фалангу, о которую и разбивались атаки персов.

[44] 1082. Битва при Стениклере относится к III Мессенской войне. Отряд 300 из представителей знатнейших спартанских семей был тогда полностью уничтожен.

[45] 1083. Фиванский отборный отряд из знатнейших фиванских семейств сражался мужественно, так как понимал, что поражение Мардония означает конец власти аристократии в Фивах.

[46] 1084. Гомеровское выражение. Ср.: Илиада VI, 112.

[47] 1085. Данные Геродота о числе павших греков, вероятно, восходят к надписям на надгробных памятниках на месте битвы. Незначительность потерь греков не соответствует данным о численности их боевых сил. Численность потерь персов сильно преувеличена по сравнению с числом павших греков.

[48] 1086. Здесь Геродот говорит о походе Архидама в 430 и 431 г. до н. э,, когда спартанцы систематически опустошали Аттику.

[49] 1087. Война с Фасосом за золотые рудники на фракийском побережье началась в 466 г. до н.э. и кончилась победой афинян.

[50] 1088. Кос был дорийским островом, с которым спартанцы поддерживали связи даже при персидском владычестве.

[51] 1089. Знаменитый треножник стоит теперь в Константинополе на площади Мейдан. Имена городов, участвовавших в битве, еще теперь можно прочесть на нем.

[52] 1090. Ирены – спартанцы в возрасте от 20 до 30 лет. Только после 30 лет спартанцы переходили в разряд "мужей" и становились полноправными гражданами.

[53] 1091. Фивы были еще более ожесточенным врагом Афин, чем Коринф. Олигархическая партия в Фивах была на стороне персов. Геродот клевещет на фиванцев, будто они перешли во время боя при Фермопилах к персам, но все-таки предателей царь Ксеркс велел за это якобы заклеймить как рабов. Эта клевета справедливо возмущала еще Плутарха. Геродот желает обелить детей Аттагина, с которыми он был, вероятно, знаком во время пребывания в Фивах, и поэтому Павсаний произносит знаменитую формулу: "Сын за отца не отвечает".

[54] 1092. Спартанцы и здесь стояли во главе Эллинского союза. Спартанский царь своей властью принимает самосцев в Эллинский союз.

[55] 1093. Имеется в виду совр. р. Семени.

[56] 1094. Персы при Микале ограничивались обороной. Главные силы персов были, вероятно, брошены на подавление восстания в восточной части Персии.

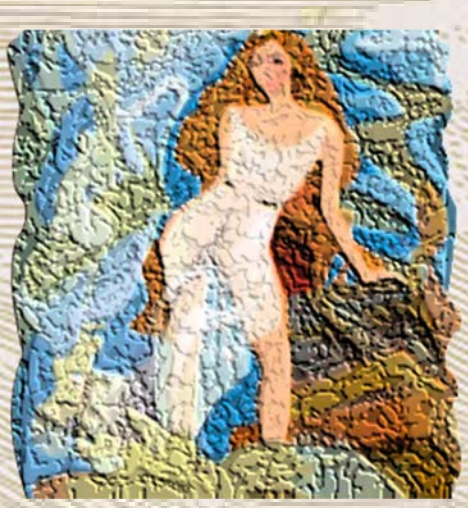
[57] 1095. Целью военных операций греков было освобождение эгейских островов и открытие Геллеспонта для подвоза хлеба с Черного моря. Об освобождении ионян в Малой Азии греки еще тогда не думали.

[58] 1096. Ксеркс провел зиму в Сардах, подготовляя новый поход на Грецию (в феврале 478 г. до н.э. Ксеркс еще находился в Сардах).

[59] 1097. "Тикта" – персидское слово для названия праздника – дня рождения или вступления на престол царя.

[60] 1098. Восстание сатрапа Бактрии Масиста было, вероятно, причиной отправки главных сил персидской армии на восток. На западе у персов, кроме корпуса Мардония у Платей и маленького отряда при Микале, не было больше войска.

[61] 1099. Война велась тогда только с весны до осени.



Hyperboreans
U
R
E
Gulf
Agathyrsi
PONTUS EUXINE
Ister
B
Atlas
Nasamones
Memphis
LIBYA
Atlantians
ATLANTIC SEA
Nile
A
S
Ethiopians
Macrobio

Scythians
Issedones
Caucasus
Massagetae
CASPIAN SEA
Bactrians
Gandarians
Choramians
Parthians
INDIA
Persians
RED SEA

В. Г. Борухович

НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА ГЕРОДОТА

Среди многочисленных и разнообразных наук, завещанных нам античным миром, история с особой наглядностью хранит следы этой преемственности: уже к концу V в. до н. э. исторический жанр достигает высочайшего развития в произведении афинского историка Фукидида. Однако в начале своего развития история была прежде всего жанром художественной прозы, соединяя в себе две, казалось бы, столь разнородные стороны человеческой деятельности, как науку и искусство. Благодаря последнему обстоятельству сочинения греческих и римских историков тем более привлекают внимание читателей. Особое место в истории европейской

науки занимает творение Геродота: оно является первым памятником исторической мысли и одновременно первым памятником художественной прозы. Цицерон метко определил значение творческого подвига гениального греческого писателя, назвав его «отцом истории» (Cic. De leg. I, 1): с той поры этот почетный титул прочно закрепился за Геродотом.

Однако, когда Геродот начал писать свой труд, рождение исторической науки было уже совершившимся фактом(1). Она возникла в первой половине VI в. до н. э. в Ионии, и в частности в Милете, выдающемся центре греческой культуры архаической эпохи. Один из самых образованных авторов древности, греческий географ Страбон замечает: «Ранее всех появились поэтические жанры и достигли высокого развития и славы. Затем, подражая им, но освободившись от метра, сохраняя, однако, все остальные отличия поэзии, написали свои произведения писатели круга Кадма, Ферекида, Гекатея» (I, 2, 6). Называя милетян Кадма и Гекатея наиболее выдающимися прозаиками раннего периода, Страбон обращает внимание на то, что греческая проза появилась намного позже поэзии (на этом основании грамматики стоической школы считали прозу выродившейся поэзией).

Главная причина позднего развития жанра исторического повествования заключалась в том, что условия для его развития появились только на рубеже VII—VI вв. до н. э., когда в Элладе происходят глубинные социальные преобразования, явившиеся результатом ожесточенной классовой борьбы в греческих полисах. Эти процессы с особой силой проявились в

Ионии. В своем социальном и экономическом развитии ионийские города вырываются далеко вперед по сравнению с государствами материка(2).

Новое общество ощущает потребность в более детальной ориентации в окружающем мире, продиктованную практическими задачами. Оно интересуется как своим прошлым, так и тем, как живут иные далекие страны, и этой ясно выраженной потребности удовлетворяет возникающая проза. Так как литературный процесс в это время перестает быть формой коллективного самовыражения общины, в зарождающейся греческой прозе перед нами выступают авторы в своем индивидуальном облике.

Древнейшие произведения греческой прозы носили название λόγος, что значит «слово», «рассказ». Геродот употребляет этот термин, обозначая им обладающие тематическим единством части своего труда, а также весь труд (VII 152). Позднее этот термин приобрел много значений, но вначале он употреблялся для противопоставления прозаического слова поэтическому и вообще поэзии, например, в одах Пиндара (Pyth. I, 94; Nem. VI, 39). В качестве литературного жанра логос отличался от басни, сказки и мифа (Платон в «Федоне» проводит четкое различие между λόγος и μῦθος)(3). Для логоса была характерна тенденция рассказать о действительно встречающемся, но эта действительность на практике оказывалась смешанной с мифическими и просто фантастическими подробностями, представлявшими интерес для слушателей. Возможно, что прозаический логос в какой-то

мере отражал демократическую реакцию на аристократизм эпоса, возвеличивавшего басилевсов.

Образцы древнейшей ионийской прозы были историческими, мифологическими, этнографическими, географическими, морализирующими и естественнонаучными сочинениями, а также сборниками различного рода анекдотов и рассказов из жизни выдающихся людей. Естественно-географические сюжеты интересовали купцов и мореходов, исторические были важны при решении политических и территориальных споров. Немалую роль играла занимательность рассказа: величайший историк древности Фукидид противопоставлял свой труд сочинениям подобного рода как «лишенный басен» и «не столь приятный для слуха». Критикуя сочинения своих предшественников и современников, Фукидид называет их «логографами» (I, 21). По-видимому, это слово не было термином, означающим определенный литературный жанр. В Аттике IV в. до н. э. логографами чаще называли лиц, избравших своей профессией составление речей для выступающих в качестве истца или ответчика в судебном процессе. Отсюда можно сделать вывод, что в аттическом диалекте классической эпохи еще не было терминов, обозначающих различные жанры прозы, и историков просто причисляли к прозаикам. Аристотель в «Риторике» (II, 11, 7) отчетливо противопоставляет логографов поэтам, когда говорит о литературных произведениях, ставящих своей целью прославление чьих-то заслуг. Несмотря на то что термин «логограф» нельзя признать удачным, наука все же не

располагает другим сколько-нибудь удовлетворительным обозначением группы ранних греческих историков, писавших до Геродота и Фукидида или бывших их современниками(4). Необходимо сразу же оговориться, что сочинение Геродота принципиально ничем особым не отличалось от сочинений его предшественников и современников: различие состояло лишь в уровне литературной одаренности и широте замысла.

ЛОГОГРАФЫ — ПЕРВЫЕ ИСТОРИКИ ЭЛЛАДЫ

Произведения логографов до нас не дошли, и сохранившиеся в составе сочинений более поздних авторов цитаты (за точность которых поручиться нельзя) не могут дать нам вполне ясного представления о характере греческой исторической прозы до Геродота(5). Практически греческая историография начинается для нас с Геродота, как поэзия — с Гомера. Но если в отношении предшественников Гомера мы вынуждены ограничиться общим утверждением fuerunt ante Homerum poetae, то, говоря о предшественниках Геродота, мы переходим от более или менее вероятных гипотез к реальным историческим данным. Подразумевая под логографами, как уже говорилось выше, конкретных греческих историков, писавших до него, Фукидид подчеркивает, что они стремились в своих сочинениях скорее к тому, чтобы вызвать интерес у слушателей, чем к истине (I, 21). Отсюда, между прочим, вытекает, что во времена Фукидида произведения историков чаще читались вслух при большом стечении слушателей, как это было с поэмами Гомера. Обращает на себя внимание и тот факт, что, говоря о творчестве логографов, Фукидид

употребляет термин ξυντιθέναι («составлять», «складывать») вместо термина ξυγγράφειν и делает это, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть развлекательный характер сочинений. Знакомство с фрагментами сочинений логографов все же позволяет сделать заключение, что жанр исторического повествования ко времени Геродота получил значительное развитие. Еще во времена Дионисия Галикарнасского (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) произведения логографов изучались и имели успех у читающей публики. В сочинении упомянутого автора, посвященном Фукидиду, мы находим развернутую характеристику их творчества: «Собираясь начать свое сочинение, посвященное Фукидиду, я хочу сказать несколько слов и о других историках, как принадлежавших к старшему поколению, так и о тех, которые жили в его время. На их фоне станет особенно ясным и направление его творчества, и сила, в нем заключенная. Большое количество историков жили в разных частях Эллады до Пелопоннесской войны. К их числу относятся Эвгеон с Самоса, Деиох с Проконнеса, Эвдем с Пароса, Дамокл фигелеец, Гекатей милетянин, Акусилай из Аргоса, Харон из Лампсака, Мелесагор из Халкедона. Несколько ранее Пелопоннесской войны и до времени Фукидида жили Гелланик с Лесбоса, Дамаст сигеец, Ксеномед хиосец, Ксанф лидиец и большое количество других. Направление их творчества было сходным в выборе и построении сюжета, и в отношении качества сочинений они также немногим отличались друг от друга. Одни из них описывали эллинские дела, другие — варварские. Эти факты и события излагались ими не в тесной связи друг с другом, но

отдельно для каждого народа или государства. Они преследовали всегда одну цель: собрать воедино все предания отдельно для каждого народа или государства, которые сохранялись у местных жителей или были записаны в религиозных и светских книгах, ничего не добавляя к ним или убавляя от них. В этих сочинениях встречались мифы, дошедшие от древнейших времен, и некоторые сценического характера перипетии, кажущиеся весьма наивными нынешним людям. Стиль изложения был в основном одинаков у всех, кто избирал один и тот же диалект. Важнейшими особенностями их стиля были ясность, чистота, сжатость, выбор выражений в соответствии с темой, отсутствие всякой искусственности. Их произведения — одни в большей, другие в меньшей степени — носят на себе отпечаток какой-то свежести и прелести, являющейся причиной того, что они не исчезли и продолжают сохраняться» (Dion. Halic. Thuc. 5).

Перечисляя предшественников Фукидида, Дионисий Геродота не упоминает, но почти все из того, что сказано им о логографах, свойственно и самому «отцу истории».

Логографов принято делить на старших и младших. К первым принадлежит Гекатей, наиболее замечательный, по-видимому, из всех предшественников Геродота: стиль его считался образцом литературного ионийского диалекта ранней эпохи(6). Он был современником греко-персидских войн, в которых его родине, городу Милету, принадлежала на первых порах ведущая роль. О позиции, которую занимал Гекатей в разгорающемся восстании ионийских греков, ясно говорят следующие слова

Геродота: «Историк Гекатей вначале не советовал начинать войну против персидского царя, перечисляя все народы, над которыми властвовал Дарий, и указывая на его военную мощь. После того как он не сумел их убедить, он стал советовать грекам добиваться господства на море, указывая при этом, что добиться этого можно, если сделать следующее. Известно ведь, говорил он, что военные силы милетян ничтожны. Но если взять сокровища из храма в Бранхидах, которые туда посвятил Крез Лидийский, то можно будет с полным основанием рассчитывать на установление господства греков на море» (V 36).

Из этого сообщения Геродота видно прежде всего, что Гекатей был человеком, обладавшим большими познаниями в географии. Действительно, из другого места сочинения Геродота мы узнаем, что он побывал в Египте, в Фивах, где выяснял свою генеалогию у тамошних жрецов (II 143). Сообщив об этом, Геродот, возможно не без иронии, добавляет, что Гекатей выводил свое происхождение от богов в шестнадцатом колене. Побывал Гекатей и в других странах, за что его еще в древности назвали ἀνὴρ πολυπλάνης — многостранствовавший муж (Agathemer. I, 1). По-видимому, он особенно интересовался Востоком, как можно заключить из сообщения Агатархида (De rubro mari, p. 48). Греки в те времена охотно совершали путешествия на Восток, в частности в Египет. Там побывали Солон, Фалес, Пифагор, позднее Демокрит, Эвдокс с Книда и многие другие.

Цитированный выше рассказ Геродота позволяет нам также сделать вывод, что Гекатей был человеком передовых взглядов, не побоявшимся посягнуть на сокровища, принадлежавшие божеству. Далее Геродот сообщает, что греки все же не приняли совета Гекатея из страха перед божеством.

Написанное Гекатеем сочинение, бывшее результатом его странствий, носило название «Обозрение земли» (Περίοδος γῆς). Сочинение это состояло из двух книг (в одной описывалась Европа, в другой — Азия), и к нему была приложена географическая карта, одна из первых(7). Другое его произведение называлось «Генеалогии», и в нем описывались родословные древа людей, восходящие к богам. Интерес к генеалогическим исследованиям был тогда очень живым — до нас дошли надписи с возводимой к богам генеалогией отдельных лиц.

По собственным словам Гекатея, он описывал все, что казалось ему истинным и правдивым, так как рассказы греков слишком разнообразны и смешны, по крайней мере кажутся ему такими. Здесь мы ясно различаем элементы критического отношения Гекатея к мифам. Следствием этого были его попытки рационалистически осмыслить старинные сказания. Так, Кербер — мифическое чудовище, стерегущее Аид, — превращается у него в огромную змею, поселившуюся на мысе Тенар (т. е. там, где, по представлениям греков, находился вход в Аид). Этот же рационалистический подход заметен у Гекатея в его попытках этимологического истолкования имен, например: «Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию, чтобы захватить там царскую власть, и его собака родила

ствол, и он приказал закопать его, и из него выросла виноградная лоза со многими гроздьями. Поэтому и сына своего он назвал Фитием. А от него родился Ойней, получивший это имя от виноградной лозы, так как древние эллины называли виноградные лозы ойнами...»(8).

Отрывок, приведенный выше, является характерным образцом стиля Гекатея, с его нанизывающей системой предложений — это стиль еще устного рассказа, простого и безыскусственного, что говорит о тесной связи творчества Гекатея с фольклором. «Милетские рассказы» (а Милет был родиной Гекатея) славились на протяжении всей античности. Все же Гекатей недостаточно владел литературной техникой. Он не умел, например, выделить прямую речь, как видно из следующего отрывка: «Кеик, считая это опасным, приказал Гераклидам немедленно удалиться из его страны. Ведь я не в силах вам помочь: идите к другому народу, чтобы и сами вы не погибли, и мне не было вреда...»(9).

Наиболее заметной фигурой среди младших логографов является Гелланик с острова Лесбоса, живший приблизительно в одно время с Геродотом, писавший также на ионийском диалекте, хотя его родным был эолийский. Он написал ряд исторических сочинений, в том числе хронику «Жрицы Геры Аргосской», где имя каждой жрицы связывалось с определенными событиями. Гелланик был первым, кто решил изложить историю Аттики — так называемую «Аттиду». Это было результатом возросшей роли Афинского государства в жизни

Эллады: его история стала темой, привлекавшей всеобщее внимание.

Некоторые из составленных Геллаником местных историй назывались именами героев-покровителей, эпонимов данной местности или государства. Сочинение «Девкалиония» излагало историю Фессалии и было названо по имени Девкалиона, потомком которого был Фессал, эпонимный герой Фессалии. Другое сочинение Гелланика называлось «Троика» и рассказывало о мифах Троянского цикла. Основой повествования послужила здесь история рода Дарданидов, мифических царей Трои. Такая организация материала является вполне естественной для представителя общества, в котором родовые институты еще очень сильны.

Гелланик необычайно широко — больше, чем другие логографы, — использовал мифологический материал и писал не только в прозе, но и в стихах под влиянием скорее всего эпической поэзии.

Замечания Дионисия Галикарнасского и то, что сохранилось до нашего времени от творчества логографов, позволяют сделать следующие заключения об их творчестве:

1. Большинство первых прозаических писателей Эллады происходило из греческих городов Малой Азии или прилегающих островов, что объясняется высоким уровнем социального развития греческих полисов указанного района.

2. Сочинения их излагали историю отдельных городов или местностей Эллады, за немногими исключениями.

3. Произведения логографов содержали в себе множество отступлений от основной темы, представлявших собой экскурсы на мифологические, географические, этнографические темы.

4. Характерной особенностью творчества логографов было рационалистическое истолкование мифов и легенд, свидетельствовавшее о зачатках научной критики.

5. Источниками для их сочинений служили прежде всего эпические поэмы, затем различного рода предания, сохранявшиеся в народе, религиозные и светские книги, хроники, материалы надписей. Но особенно большую роль играло собственное наблюдение и осмысление фактов, расспросы и исследование, что вначале и выражалось термином «история».

6. Установление строго соответствующей фактам исторической истины не было главной задачей логографов, стремившихся не столько к достоверности, сколько к красочности и литературности изложения. Их сочинения были в большей мере художественными, чем научными сочинениями.

Собрания отрывков сочинений логографов, из которых лучшими являются издание Якоби (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin—Leiden, 1923) и не потерявшее своего научного значения собрание Мюллера в пяти томах (C. Müller. Fragmenta historicorum graecorum. P., 1868—1883), ценны не только тем, что они сами по себе содержат, но важны и потому, что позволяют судить о литературном

движении, наиболее ярким представителем которого явился Геродот.

ЖИЗНЬ И СТРАНСТВИЯ ГЕРОДОТА

Уже в древности труд Геродота относили к самым замечательным произведениям историографии. Аристотель в «Поэтике» (IX), устанавливая принципиальное отличие истории от поэзии, приводит в пример Геродота, считая его, очевидно, наиболее выдающимся историком. Причиной были не только его научные заслуги, но и блестящий талант рассказчика, мастера художественной прозы, сумевшего из самых разнообразных материалов — собственных наблюдений и изысканий, легенд, мифов, исторических анекдотов, устных рассказов, документальных данных, трудов своих предшественников и т. п. создать яркое и цельное по своему характеру произведение. Оно было делом всей его жизни, и в нем он рассказал о событиях величайшего мирового значения — греко-персидских войнах, предопределивших весь ход исторического процесса в Элладе. В то же время труд Геродота удивительно верно и полно отражает черты греческого национального характера той далекой поры.

Прожитая им жизнь, а особенно обширные и длительные путешествия наложили свой отпечаток на его произведение. К сожалению, биографические данные о нем являются крайне скудными: по существу мы располагаем только краткими, малосодержательными и не очень точными справками в статьях словаря Суды Ἡρόδοτος, Πανύασις, Ἑλλάνικος). Некоторое представление о его путешествиях можно

получить из его труда. Время его рождения обычно устанавливается на основании цитаты из сочинения писательницы Памфилы, жившей при императоре Нероне (Aul. Gell. N. A. XV, 23). Она сообщает, что к началу Пелопоннесской войны Геродоту было 53 года. Так как эта война началась в 431 г. до н. э., мы получаем 484 г. до н. э. как дату рождения историка(10).

То, что Пелопоннесская война началась еще при жизни Геродота, видно из рассказа о вторжении спартанцев в Аттику в начале войны и опустошениях, которые они там учинили (IX 73). Так как Геродот знает о выселении жителей Эгины в 431 г. до н. э. (VI 91), но ни словом не упоминает об их истреблении в 424 г., становится ясно, как остроумно заключил Якоби, что к этому времени историка уже не было в живых(11).

Он не упоминает и о персидском царе Дарии II, правившем с 425 г. до н. э., что при живом интересе «отца истории» к Востоку, и особенно к Персии, вряд ли могло бы иметь место, если бы этот царь вступил на престол при его жизни. Следовательно, Геродот умер между 431—425 гг. до н. э. Указанные даты его жизни подтверждаются и общими соображениями, вытекающими из содержания его труда. Описывая события греко-персидских войн, он часто ссылается на устные рассказы участников и очевидцев, людей старшего поколения.

Родина Геродота, малоазиатский город Галикарнасс, был основан греками дорического племени, но там жили и многие

представители местного племени карийцев, смешавшиеся с греками. Карийское имя носил отец Геродота Ликс и дядя его (или двоюродный брат) Паниасид. Последнего предание причисляет к выдающимся эпическим поэтам, и это дает основание предполагать, что занятие литературным творчеством было традиционным в семье историка(12). В Галикарнассе он с детского возраста наблюдал, как прибывают в гавань корабли из самых отдаленных стран Востока и Запада, и это могло заронить в его душу желание познать далекие и неведомые страны.

В молодом возрасте он принял участие в политической борьбе, выступив против Лигдамида, тирана Галикарнасса. В этой борьбе погиб его дядя Паниасид, сам же Геродот оказался вынужденным покинуть родину.

Он прибыл на остров Самос, который был одним из самых богатых и развитых ионийских государств. Мощный флот Самоса в недавнем прошлом контролировал морские пути в Западном Средиземноморье. Живя там, любознательный и общительный галикарнассец быстро освоился с интересами тамошней жизни. В своем труде он обнаруживает прекрасную осведомленность в местной истории. Наиболее ярко это проявляется в его рассказе о гибели самосского тирана Поликрата, в связи с которой он приводит различные варианты традиции. Он знает даже, где Поликрат принимал прибывшего к нему вестника от персидского наместника Оройта, как протекала беседа (III 120)(13). К этому гостеприимному острову, приютившему его в трудную минуту жизни, он

относился с особой любовью, поэтому он назвал его «наиболее выдающимся (πρώτη) из греческих и варварских государств» (III 139).

Вскоре предприимчивый галикарнассец покинул Самос и отправился в дальнейшие путешествия. Для него началась жизнь, полная странствий: он путешествовал по суше и плыл на корабле (желая точнее узнать об египетском божестве Геракле, он отплыл в финикийский город Тир) (II 44). Когда, в каком порядке и на какие средства он совершал свои путешествия, при данном состоянии источников установить нельзя(14). Они длились, по-видимому, не менее 10 лет, если учитывать дальность его путешествия и тогдашние транспортные средства. Поскольку около 445 г. он уже читал в Афинах части своего труда и получил за это награду(15), можно допустить, что время путешествий Геродота падает на 455—445 гг.(16).

Более всего Геродота привлекал Восток, культурные достижения которого вызывали у него нескрываемое восхищение. Он объездил огромное пространство от Ливии до Вавилона, Ассирии и Акбатан (I 98; V 89 — наибольшую из крепостных стен Акбатан он сравнивает с обводной стеной в Афинах). Особенно его поразило виденное в Египте, где он пробыл три месяца, поднявшись вверх по Нилу до острова Элефантины. Отсюда он отправился в дальнейшие путешествия. Обширную информацию в Египте он собирал как от местных греков и смешанного греко-туземного населения, так и от жрецов (пользуясь, разумеется, услугами переводчиков: в Египте их

оказалось так много, что он принял их за особое сословие — II 164).

Второй район путешествий Геродота обнимает собой Малую Азию, Геллеспонт и Северное Причерноморье до милетской колонии Ольвии, расположенной в устье Днепро-Бугского лимана. Труд его обнаруживает хорошее знакомство автора с Эфесом, долиной Меандра, Сардами, Тевтранией, Илионом, Лесбосом, Геллеспонтом. Об Ольвии он рассказывает как очевидец, называя имена людей, с которыми он там беседовал. Третьим районом путешествий Геродота были греческие государства Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Он прекрасно ориентируется в районах Аттики и в самих Афинах (ср., например, V 77, где он как очевидец описывает посвящения на афинском акрополе), был в Фивах (V 59: «Кадмейские письмена я сам видел в храме Аполлона Исменского в беотийских Фивах») и Дельфах. Ему хорошо известны посвящения Креза в Дельфы, их местоположение: среди них он называет золотую кропильницу с надписью, сделанной спартанцами, в которой они называют себя жертвователями. «На самом деле и эта чаша — дар Креза, а надпись начертал один из дельфийцев в угоду лакедемонянам: имя его я знаю, но не назову» (I 51). Как справедливо отмечаетС. Я. Лурье, такую информацию мог иметь писатель, ставший в Дельфах своим человеком(17). По-видимому, Геродот объездил и Пелопоннес, побывав на Истме, где он видел захваченную греками в бою финикийскую трирему, посвященную богам (VIII 121), в Сикионе, где он посетил

святилище Адраста (V 67), в Тегее (ср. IX 70, где говорится о посвящениях в храме Афины Алеи). Он побывал и на островах — Делосе (II 170), Фасосе, Закинфе и многих других.

Не оставил он без внимания и север Балканского полуострова. Характер описаний, относящихся к Македонии и Фракии, таков, что они могли быть сделаны только очевидцем (ср. V 17). К правящей династии Македонии автор проявляет особую симпатию, всячески стараясь завуалировать персофильскую позицию царей Македонии в греко-персидских войнах. Как человек, охотно и много странствовавший, а также близкий к правящим политическим кругам в Афинах(18), Геродот принял участие в основании общеэллинской колонии Фурии. Стремясь упрочить влияние Афинского морского союза на юге Италии и одновременно сплотить всех эллинов вокруг Афин, Перикл в середине 40-х годов V в. до н. э. задумал основать на месте разрушенного кротонцами города Сибариса колонию афинян и их союзников. К участию в этом предприятии приглашались все желающие. За деятельное участие в руководстве основанием Фурий Геродот был прозван фурийцем, и это имя сохранилось за ним у ряда античных авторов(19). Вместе с Геродотом участие в основании колонии приняли философ Протагор, афинский политический деятель Ксенократ, милетский архитектор Гипподам. Вероятно, уже живя в Фуриях, историк совершил путешествия по западной части Средиземноморья и побывал в Сицилии (Сиракузах — VII 153).

В Фуриях, однако, вскоре началась борьба между проафинскими и проспартанскими элементами(20). Геродот нигде не

упоминает этой колонии, но хорошо знает местность, где она была основана. Он называет Сибарис (V 44—45; VI 21), Метапонт (IV 15), знаком с местными сюжетами Кротона (история Демокеда — III 129—138), Тарента (Арион — I 24). Мы находим у него сравнение Скифии с югом Италии (IV 99).

Обстоятельства смерти Геродота точно неизвестны. Не исключено, что из Фурий он вернулся в Афины, где и умер, как предполагает Майрс(21).

ТЕМА И КОМПОЗИЦИЯ ТРУДА ГЕРОДОТА

В античности произведение Геродота обычно цитировали как «Истории» (так оно названо в Линдосской хронике)(22). Предполагают, что свой труд он выпустил в свет в Фуриях, но точных данных на этот счет традиция не сохранила. Аристотель в «Риторике» (III, 9, 2) следующим образом цитирует начало труда Геродота: Ἡροδότου Θουρίου ἥδ᾽ ἱστορίης ἀπόδεξις (Геродот фуриец представляет нижеследующее изыскание). У Аристотеля Геродот называет себя фурийцем, но за точность цитирования здесь поручиться нельзя. Во всех дошедших до нас рукописях это же начало сохранилось в следующей редакции: Ἡροδότου Ἁλικαρνασσέος ἱστορίης ἀπόδεξις ἥςε (Это есть изложение исследования Геродота галикарнассца). Так как Аристотель даже переставил слова, можно допустить, что он цитировал это начало по памяти. Плутарх в своем трактате «О злонравии Геродота» (35) пишет: «Человеку, который считает себя галикарнассцем, хотя другие и называют его фурийцем...» (см. также: De exil. 13). Отсюда видно, что Плутарх был склонен

цитировать начало труда Геродота в том виде, как оно сохранилось до нашего времени. Так как Плутарх был выдающимся ученым и библиофилом (он обладал одной из лучших библиотек в Греции), следует считать, что у него был проверенный экземпляр труда Геродота, восходящий к авторскому оригиналу и редакции(23).

с.469 В этом знаменитом введении Геродот говорит о теме своего труда: «Это есть изложение исследования Геродота галикарнассца, [представленное] для того, чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления деяниях, совершенных частью эллинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война»(24).

Смысл этого знаменитого введения Майрс интерпретирует следующим образом:

1. То, что совершено людьми, обладает ценностью для человечества и достойно того, чтобы спасти его от забвения.

2. Великие подвиги не являются монополией какого-либо одного народа, и это относится также к греко-персидским войнам, которые имеет здесь в виду Геродот.

3. Эти подвиги не являются случайностью, но имеют свои причины, которым должно быть дано объяснение. Настоящее обусловлено прошлым, а прошлое имеет ценность для настоящего, как опыт, могущий быть использованным в будущем(25).

Ставя перед собой задачу описать «совершенное людьми», Геродот следовал эпической поэзии, воспевавшей κλέα ἀνδρῶν — славу мужей (ср.: Hom. Od. VIII, 73)(26). Но главная цель труда Геродота, подчеркнутая в конце цитированного введения, заключалась в описании войны между эллинами и варварами, т. е. греко-персидских войн(27). Замысел этот обладал особой привлекательностью и новизной. Пришел ли он к этой идее до того, как приступить к созданию своего труда, или же он подходил к ней постепенно, по мере накопления материала? Иными словами, какова история труда Геродота?

Якоби (которому в данном вопросе следует и С. Я. Лурье) убедительно доказывал, что труд Геродота не был составлен по заранее продуманному плану, но постепенно вырастал и оформлялся по мере накопления материала(28). Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, что сам Геродот придавал значение самостоятельных произведений тем частям своего труда, которые обладают тематическим единством. Он постоянно ссылается на отдельные логосы — египетский, скифский и т. п., которые, как предполагают некоторые исследователи, были написаны им до создания своего универсального труда(29). Среди них мы встречаем две ссылки на ассирийский логос (I 106,184), которого труд Геродота не содержит. Возможно, что Геродот закончил его, но не включил в окончательную редакцию своего труда, так как он выпадал из общей схемы: Ассирия не успела стать объектом персидских завоеваний, будучи задолго до образования персидской державы разгромлена войсками мидян (а Геродот поочередно описывает

те страны, которые захватили Ахемениды начиная с основателя династии Кира до похода Ксеркса на Элладу). Иногда Геродот отсылает читателя к определенным частям своего труда, основываясь на своем авторском делении (V 36: «Как было показано мною в первом логосе»; ср. также I 175; II 38; VI 39), но выяснить, каким оно было, не представляется возможным(30). По-видимому, Геродот готовил части своего труда таким образом, что они обладали известной самостоятельностью. Но поручиться за то, что он с самого начала работы имел уже готовый план всего произведения, как оно сохранилось до нашего времени, нельзя.

Сейчас уже трудно себе представить, как технически осуществлялась работа «отца истории» над своим произведением. Вряд ли все, что мы находим в его труде, было написано автором по памяти. Скорее всего, бывая в разных странах и городах, Геродот составлял для себя краткие заметки. Позднее они подвергались литературной обработке, и так возникали логосы. Первоначально собранный материал дополнялся на основании других источников (литературных, документальных, устных рассказов и т. п.). В составе египетского логоса мы можем выделить сюжеты, развернутые до размера новеллы (как, например, рассказ о сокровищнице Рампсинита — II 121) и оставшиеся краткими заметками (как рассказ о царице Нитокрисе — II 100). Али назвал его «кратким рефератом»(31). Овемт предполагал, что Геродот взял с собой в Фурии эти записки и только там стал писать свой труд(32). Однако это предположение противоречит

античной традиции, согласно которой он в 445 г. до н. э. уже читал в Афинах часть своего труда.

Композиционно все произведение Геродота делится на две части(33). Первая, заканчивающаяся главой 27 пятой книги, излагает историю Лидии в связи с походами Кира, подробно рассказывает о Египте, ставшем объектом завоевательного похода сына Кира Камбиса, повествует о внутренней истории Персии в связи с воцарением Дария; далее описывается поход Дария против скифов (и поэтому детально рассказывается о Скифии). К этой же части труда примыкают ливийский (персы собирались завоевать Ливию) и фракийский логосы. Вся первая часть представляет собой как бы разросшееся введение, в котором преобладают этнографические и географические экскурсы. Разделы ее в значительной мере самостоятельны: мы ясно выделяем здесь лидийский, египетский, скифский, киренский, ливийский и фракийский логосы.

Вторая часть, которую следует считать главной, посвящена истории греко-персидских войн. Она распадается на три раздела. Первый излагает события ионийского восстания (V 28 — VI 32), второй рассказывает о походе Дария, «мстившего» материковым грекам за помощь, оказанную восставшим ионийцам («афиняне и эретрийцы оказали им помощь кораблями, и эти корабли положили начало бедам, выпавшим на долю эллинам и варварам» — VI 97), третий содержит историю похода Ксеркса. Описанием сражения при Сесте труд Геродота заканчивается, вернее, обрывается. Является ли это результатом несовершенства литературной техники или же

Геродот просто не успел его закончить — решить этот вопрос со всей определенностью нельзя, но есть основания предполагать, что Геродот собирался продолжать свой труд. В VII 213 он обещает рассказать о смерти предателя Эфиальта в «последующих логосах», но сделать этого, по-видимому, не успел.

Таким образом, в композиции труда Геродота сочетается традиционный Περίοδος γῆς с носящим новаторский характер замыслом — описанием греко-персидских войн. Возможно, что к этому замыслу он пришел во время своего пребывания в Афинах.

В эту схему, саму по себе довольно сложную и разветвленную, включены многочисленные отступления и экскурсы, которые Геродот сам называет «добавления ми» (προσθῆκαι) и говорит о них, как о характерном признаке своего труда с самого его начала (IV 30). Благодаря этим отступлениям его труд содержит колоссальное богатство материала. Перед читателем открывается обширный мир древних цивилизаций Востока и Запада, в который автор проникает с наивным и жадным любопытством ионийского грека, пытающегося осмыслить со своей эллинской точки зрения все то, что он видит и слышит. Удивительные происшествия, случаи из жизни великих людей и правителей (или даже обыкновенных смертных), странные с точки зрения грека обычаи варварских народов, колоссальные сооружения, поразительные явления природы, невиданные животные и растения — обо всем

старается автор рассказать, не упуская из виду главную сюжетную линию, образующую обрамление.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

С художественной точки зрения стиль Геродота принято называть новеллистическим. Принять форму новеллы мог исторический факт, предание, легенда, сказка и даже басня. К характерным чертам новеллы у Геродота относятся ее историческое обрамление, сжатость формы, отточенная, меткая и часто афористическая речь, логическая и художественная полнозначность деталей. Мы сталкиваемся здесь с рельефно очерченными характерами, перед нами выступают иногда типические фигуры в типических обстоятельствах (например, придворные, предостерегающие своих властителей, — Санданис у Креза — I 71, Артабан у Ксеркса — VII 8, Артабаз у Мардония — IX 41). С народными устными рассказами Геродота связывает помимо синтаксических особенностей языка и пристрастие к вещим снам, чудесным предзнаменованиям, излюбленным числам. Кроме устного народного творчества, влияние которого на Геродота было очень сильным, он испытал на себе и влияние ионийской литературной традиции, в частности того жанра, который в древности назывался «милетскими рассказами»(34).

Сюжетной законченностью и высокими художественными достоинствами обладают новеллы о сокровищнице Рампсинита (II 121), о Солоне и Крезе (I 29), о жене перса Интаферна (III 118), о Периандре и его сыне Ликофроне (III 50), о Поликрате

(III 125), о Кипселе и Периандре с.473 (V 92), о происхождении спартанского царя Демарата (VI 61), проникнутая тонким юмором новелла о сватовстве к Агаристе (VI 126), новелла о Ксерксе, его брате Масисте и Артаинте (IX 108), которую С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 203) назвал «жутким романом».

Одним из наиболее ярких образцов новеллистического искусства Геродота может служить новелла о лидийском царе Кандавле, его жене и хитром оруженосце Гигесе (I 7—13). Она особенно интересна тем, что мы можем указать на ее источник — народную лидийскую легенду-сказку, объяснявшую происхождение сказочных богатств лидийского царя Гигеса(35). В варианте, близком, по-видимому, к фольклорному, она приведена в «Государстве» Платона (II, 359 D). Там рассказывается, как пастух Гигес приобрел волшебное кольцо, которое делало его невидимым. Сумев обольстить жену лидийского царя, он вместе с ней убил последнего и захватил власть в государстве.

Геродот отбросил сказочный элемент, и действие его новеллы носит реалистический характер. Лидийский царь Кандавл решил похвалиться красотой своей жены, показав ее обнаженной своему телохранителю Гигесу, и оскорбленная женщина заставила Гигеса убить ее супруга и жениться на ней. Сжатость формы не помешала вылепить яркие и полнокровные образы: перед нами как живые выступают глупый и хвастливый царь Кандавл, его хитрый оруженосец, пылкая, решительная и гордая жена Кандавла — настоящая лидийская Клитемнестра.

Не менее замечателен тонкий юмор, разлитый по всей новелле, проникнутой поистине аттической солью: он придает ей особую привлекательность. Растерявшийся вначале, но затем быстро оценивший обстановку Гигес забавен, еще более смешон Кандавл, с настойчивостью глупца добивавшийся осуществления своего замысла, приведшего его к столь печальному концу. Юмор подчеркнут авторскими ремарками («суждено, видно, было Кандавлу попасть в беду»), трижды повторяется своеобразная альтернатива, предложенная женой Кандавла Гигесу («или, убив Кандавла, получить и меня и лидийское царство, или самому сейчас же умереть»).

Заметно ироническое отношение грека к некоторым восточным обычаям(36). Стыд, который вызывало у варваров обнаженное тело, мог показаться греку, проводившему бо́льшую часть дня обнаженным на палестре, нелепым и смешным предрассудком.

Вся новелла носит ясный отпечаток драматизации. Мы находим в ней пролог, действие, развязку(37). Историческое обрамление ее напоминает логографов: исследуется генеалогия лидийских царей, возводимая к Гераклу. Характерна и интонация новеллы, рассчитанная на устное произношение, нанизывающее построение фраз, свойственное народным сказкам («...воцарился Кандавл, сын Мирса... Этот вот Кандавл был страстно влюблен в свою жену... любя ее, он считал...»).

Черты народной сказки в еще большей степени свойственны новелле о сокровищнице Рампсинита. Для оживления рассказа «Геродот чередует веселые сцены с мрачными, жестокими

происшествиями — например, ужасное вынужденное братоубийство со сценой спаивания сторожей» (38). Он стремится рассказать об удивительном(39), поражающем воображение, и с наивным простодушием готов удивляться всему: и победам олимпиоников (VI 36, 103; VIII 47), и победам полководцев (IX 64), открытию искусства дифирамба наравне с пайкой металлов (I 23, 25).

Манера исторического повествования Геродота неотделима от его новеллистического стиля. Античная историография до самого конца своего существования чаще всего ставила перед собой иные задачи, чем современная: ее больше занимала художественная сторона, чем достоверность сообщаемых фактов и научность их интерпретации. Лишь в редких случаях она поднимается до истинного понимания причин событий, научного анализа или широких обобщений. Труд Геродота не составляет исключения из этого правила. Исторические деятели, выведенные в нем, выступают перед нами произносящими речи, спорящими, советующимися с богами. Характерным примером такой драматизации может служить рассказ о подготовке похода Ксеркса. Он открывается сценой совещания при царе, на котором выступают самые знатные персы (VII 8). Мы встречаем среди них сторонников похода (Мардоний) и его противников (Артабан). Речи царя и лиц, выступающих в совете, построены с большим искусством, содержат обильную аргументацию и украшены сравнениями, делающими доводы выступающих особенно убедительными. Ксеркс гневно отчитывает Артабана, не советующего

выступать в поход. Однако ночью Ксерксу снится вещий сон, побуждающий его не отменять похода. Сон этот повторяется. Тогда Ксеркс призывает Артабана и приказывает ему надеть его, Ксеркса, платье, усесться на трон и затем улечься спать на царское ложе — не приснится ли и ему такой же сон. Артабан вынужден исполнить царский приказ, ему снится все тот же губительный сон (οὖλος ὄνειρος Гомера — Илиада II, 6). Под влиянием этого сна Артабан меняет свое мнение. Наконец, Ксерксу снится еще один вещий сон, который маги толкуют в том смысле, что Ксеркс поработит весь мир. Так богиня безумия Ата заставляет Ксеркса совершить тот дерзостный поступок (поход на Элладу), за который он будет наказан богами.

Необходимо, однако, отметить, что изложение истории похода Ксеркса, сохраняя черты новеллистического стиля, стоит уже ближе к научно-повествовательному рассказу в том его виде, как он представлен в античной историографии.

ГЕРОДОТ — ИСТОРИК СОВРЕМЕННОСТИ

Поход Ксеркса стоит в центре всего повествования Геродота. Пытливый ум «отца истории» поднимается здесь до проникновенных обобщений, и перед нами чаще выступает уже не художник, а ученый, трезвым и острым умом исследующий факты и устанавливающий их значение, оригинально и глубоко мыслящий. Критическое суждение автора достигает, может быть, наибольшей остроты при оценке роли Афин в победном исходе сражений 480/479 г. до н. э.: «Здесь я оказываюсь вынужденным высказать мнение, которое вызовет недовольство

большинства людей. Тем не менее я не хочу его скрывать, ибо оно представляется мне соответствующим истине. Если бы афиняне из страха перед надвигающейся опасностью покинули свою родину или даже если бы они ее не покинули, а остались бы и добровольно подчинились Ксерксу, никто не осмелился бы выступить на море против персидского царя. А если бы никто не противостоял Ксерксу на море, то и на суше произошло бы то же самое. Пусть пелопоннесцы воздвигли бы несколько крепостных стен в качестве линий обороны на Истме, союзники все равно оставили бы лакедемонян, сделав это не по своей доброй воле, а в силу необходимости, так как их города захватывали бы поодиночке эскадры врага...» (VII 139) (40).

Если первые четыре книги и начало пятой (до гл. 27) можно назвать повествованием о прошлом Эллады и цивилизаций Востока, связанных с ней, то последующая часть «Истории» может быть определена как история современности. Она посвящена событиям, память о которых была свежа в умах старших современников Геродота, — истории греко-персидских войн.

Чем ближе к современности, тем более уверенным чувствовал себя автор (история греко-персидских войн является наиболее достоверной частью его труда). Но и здесь у него много различных вещих предзнаменований, сбывшихся оракулов, чудесных событий и совпадений. Дает себя знать и отсутствие надлежащей точности в цифровых данных — чего стоит, например, его сообщение о пяти миллионах воинов в армии Ксеркса! Современные ученые уменьшают эту цифру в

50 раз. Справедливость, однако, требует отметить, что он стремился к точному описанию сражений и посетил поля сражений при Марафоне, Платеях и др. Новейшие историко-топографические исследования поля Марафонского сражения подтверждают рассказ Геродота. В. К. Притчетт в своей монографии «Марафон» показывает, что данные Геродота о том, что расстояние между враждующими армиями перед началом атаки афинских гоплитов равнялось 8 стадиям (VI 112), соответствуют истине(41). Это тем более важно, что Геродот описывал сражение через несколько десятков лет после того, как оно произошло, и источники, которыми он пользовался, были далеко не совершенными. Картина морской битвы при Саламине, нарисованная им, подтверждается другими источниками — например, трагедией Эсхила «Персы»(42).

Освободительная война, которую греки вели против огромной персидской державы, описана им без всякого намека на то, чтобы как-то очернить врага или намеренно исказить факты в угоду предвзятой концепции (то же можно сказать о «Персах» Эсхила). Заметна превосходная ориентированность автора не только в событиях внутренней истории Эллады, но и в персидских делах (сказывалось его происхождение из Галикарнасса, входившего в состав персидской державы). Правители Галикарнасса стояли в особо близких отношениях к персидскому двору: это видно из рассказа о той роли, которую играла Артемисия, правительница Галикарнасса, при дворе Ксеркса.

В основу изложения истории конфликта положена наивная концепция, согласно которой отношения между враждующими сторонами определялись древним первобытным принципом «око за око, зуб за зуб». Эти счеты начались еще в мифические времена, причем агрессором тогда оказались не варвары, а греки (I 4); но далее (I 6) агрессором выступает лидийский царь Крез, первым начавший «несправедливые дела» против эллинов. Взаимная вражда обострилась во время восстания ионийских греков. Им оказали помощь Эретрия и Афины, приславшие 25 кораблей. Так как поход Мардония потерпел неудачу, «Дарий назначил для войны с Эретрией и Афинами других полководцев» (V 94). Отсюда видно, что Геродот искренне считал, будто Дарий собирался вести войну именно с этими двумя греческими государствами. Историк мог мотивировать это тем, что персы вначале высадились в Эретрии (VI 98) и уже после того, как они овладели этим городом, они направились в Аттику (VI 102).

Защищая свою свободу и независимость, греки совершили величайшие подвиги. Но Геродот далек от того, чтобы исказить историческую истину и умолчать о тех греческих государствах, которые изъявили готовность подчиниться персам (став, таким образом, уже в глазах греков того времени предателями общенационального дела). Порицая действия одних и отдавая должное мужеству и героизму других, Геродот строго дифференцированно обрисовывает позицию различных полисов Эллады в ходе войны. Свет и тени в своем огромном историческом полотне он распределил под сильным

влиянием политической ситуации, сложившейся к тому времени, когда он писал свой труд. Это было время назревания Пелопоннесской войны, когда политические противоречия между двумя сильнейшими политическими объединениями Эллады — Афинским и Пелопоннесским союзами — достигли крайнего обострения и перешли в открытые военные действия. Можно с уверенностью утверждать, что «отец истории» был сторонником Афин и выражал в своем труде главным образом афинскую точку зрения на все то, что происходило тогда в Элладе.

Причина заключалась в том, что Афины стали второй родиной Геродота. Историк не только подолгу жил в этом городе, но входил в кружок наиболее выдающихся деятелей культуры и науки, который группировался вокруг Перикла. Туда входили художник Фидий, поэт Софокл, философ Анаксагор. Возможно, что именно эти обстоятельства сыграли решающую роль в выборе им темы своего сочинения. Афины были ведущей политической силой Эллады во время греко-персидских войн, организатором борьбы против персов (Геродот прямо называет афинян спасителями Эллады — VII 139).

Партия Перикла всячески подчеркивала эти заслуги Афин. Это отразилось в памятниках эпохи. Весь архитектурный ансамбль акрополя был задуман как величественный памятник борьбы и победы Афин и всех греков над огромной персидской державой. Ансамбль представлял собой чудо архитектуры и должен был привлекать в Афины греков со всех частей тогдашнего цивилизованного мира, оказывая на них определенное

идеологическое воздействие. Труд Геродота, посвященный этой же теме, должен был особенно импонировать вождям демократических Афин и прежде всего Периклу, мечтавшему об объединении Эллады вокруг Афин и поэтому оказывавшему всяческое содействие тому, что способствовало прославлению Афин и их подвига в греко-персидских войнах. Геродот в своем труде восхваляет род Перикла, называя его деда Клисфена человеком, который учредил афинские филы и установил демократию (VI 131). В этом же месте он описывает, как матери Перикла Агаристе (названной так по имени знаменитой Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена) приснился сон, будто она родила льва. Через несколько дней она родила сына Перикла. Можно выразить сомнение, действительно ли приснился подобный сон Агаристе (С. Я. Лурье квалифицировал это сообщение как попытку канонизировать Перикла в духе древнего популярного в Афинах предсказания)(43), но нельзя отказать Геродоту в том, что он нашел эффективную форму для прославления вождя афинской демократии.

В свете этих обстоятельств станет ясным, почему те государства, которые к началу Пелопоннесской войны занимали враждебную Афинам позицию, изображены в отрицательном свете, если они в ходе греко-персидских войн выступали с персофильских позиций или хотя бы стремились сохранить нейтралитет.

Главными врагами Афин к началу Пелопоннесской войны были Фивы, Спарта, Коринф. Геродот сообщает, что именно

фиванцы дали послам персидского царя «землю и воду», т. е. признали себя подданными Персии, и всячески подчеркивает их персофильство (ср. IX 28, 40, 41, 86—88). Рассказывая о том, что фиванцы оказались ревностными сторонниками персов и даже воевали на их стороне, он старается их унизить, изобличая в трусости: «Каждый раз они шли вперед до схватки, но потом их место заступали персы и мидяне, которые преимущественно перед всеми совершали чудеса храбрости» (IX 40). Но нельзя не отметить (и это характерно для «отца истории», стремившегося к объективной истине), что чувство справедливости не позволило ему умолчать о 400 фиванцах, защищавших от персов Фермопилы в отряде спартанского царя Леонида (VII 202). Леонид призывал их принять участие в войне с целью испытать фиванцев, и, по словам Геродота, фиванцы послали ему людей, хотя были настроены иначе (VII 205). Возможно, что информацию Геродот получил из кругов, враждебных фиванцам. Одним из информаторов, имя которого он называет, был житель беотийского города Орхомена Терсандр, «один из первых граждан» (IX 16). В этом месте историк рассказывает о пиршестве, которое фиванец Аттагин, связанный с персами, устроил в честь Мардония и знатнейших персов. Рассказавший об этом пиршестве Терсандр старался подчеркнуть, будто персы предчувствовали свое поражение.

Главной силой в Пелопоннесском союзе, столкнувшемся с Афинским морским союзом во время Пелопоннесской войны, была не столько Спарта, сколько Коринф, обладавший большим

экономическим потенциалом и соперничавший с Афинами в их торговой экспансии на Запад. Коринфяне были заклятыми врагами Афин, и Геродот усердно передает все слухи, порочившие поведение коринфян в греко-персидских войнах. По единодушному мнению греков, самым замечательным героем Саламинского сражения был коринфский адмирал Адимант, но Геродот рисует его трусом и изменником, пытавшимся бежать с поля боя. Совершенно ясно, что Геродот получал здесь информацию из враждебного Коринфу источника.

Напротив, Аргос, который также занимал откровенно персофильскую позицию в греко-персидских войнах, историк пытается всячески обелить. Аргос был главным союзником Афин в Пелопоннесе, его соединяли с Афинами традиционные узы дружбы. Для того чтобы не брать полностью на себя ответственность, Геродот старательно передает все то, чем аргосцы впоследствии пытались оправдать свое поведение. Прежде всего они ссылались на дельфийский оракул, запретивший им принимать участие в войне против персов (VII 148). Если учитывать персофильскую позицию дельфийского жречества, в этом нет ничего невероятного. Кроме того, сами персидские послы, прибывшие в Аргос, объявили аргосцам, что персидские цари состоят в теснейших родственных связях с ними, ибо их предок Персей был аргосским героем (VII 50). Этот аргумент был скорее всего выдуман позднее самими аргосцами. Надуманный характер его был ясен самому автору, тут же поспешившему заявить, что «есть и другой распространенный в Элладе рассказ, что именно они

(аргосцы, — В. Б.) пригласили царя пойти на Элладу, после того как война их с лакедемонянами оказалась несчастной, ибо они готовы были все предпочесть своему тогдашнему несчастному положению» (VII 52). Но даже и в этих словах мы можем уловить оттенок сочувствия аргосцам(44).

Та часть «Истории», в которой излагаются события, близкие к современности, может дать нам представление и о политических взглядах автора. Он не был демократом в том смысле, как понимали этот термин в Афинах времени Пелопоннесской войны сторонники партии Клеона, но считал более приемлемой для себя демократию, чем тиранию, как показывает, например, влагаемое в уста Гистиея заявление, что каждый город в Малой Азии предпочтет господству тирана власть демократии (IV 137). Многое при этом определяла близость Геродота к партии Перикла. Последний происходил из рода Алкмеонидов, и Геродот делает все для того, чтобы представить членов этого рода в самом выгодном свете. По-видимому, в Афинах ходили слухи о связях этого рода с персами, и Геродот передает легенду, будто Алкмеониды подали персам сигнал щитом, когда те после Марафонской битвы направились к Афинам (VI 115). Но далее Геродот называет эти слухи клеветой (VI 123) на том основании, что Алкмеониды ненавидели тиранов и были освободителями Афин в гораздо большей степени, чем Гармодий и Аристогитон(45). Заявление это исходило из кругов, близких к Периклу. Ход рассуждения Геродота здесь ясен: в персидском войске находился тиран Гиппий, изгнанный из Афин, и персы намеревались

поставить его у власти в Афинах, как видно из речи Мильтиада («если они будут покорены персами, то участь их решена — они будут отданы во власть Гиппию» — VI 109).

Приписывая Алкмеонидам освобождение Афин от тирании, Геродот доказывает, что это и было причиной усиления Афин, послужив решающим условием их победы над врагом: «Будучи порабощены тиранами, они были нерадивы, как бы работая на господина. Напротив, по достижении ими свободы каждый из них стал усердно трудиться ради собственного благополучия» (V 78). Итак, политическая свобода является фактором общественного прогресса — эту мысль мы впервые встречаем у Геродота.

Проблема наилучшего образа правления поставлена автором в сцене знаменитого спора трех знатных персов — Дария, Отана и Мегабиза (III 80—82). В этом споре Дарий защищает, естественно, принципы монархии, Мегабиз — олигархии, Отан — демократии. Нет сомнения, что спор этот измышлен от начала до конца — подобные софистические споры можно представить себе только в Афинах(46). Поражение Отана в этом споре говорит о многом. Если Геродот прославляет Клисфена как основателя афинской демократии (VI 131), то имеет в виду лишь выдвинуть роль Клисфена как выдающегося государственного деятеля. Вместе с тем из всей «Истории» совершенно ясно, что Геродот политическую свободу считал благом для общества. Спартанский царь Демарат, перебежавший к Ксерксу, в беседе с ним настойчиво проводит ту мысль, что спартанцы никогда

не примут предложений, ведущих к порабощению Эллады (VII 102). Точно так же два других спартанца, Булис и Сперхий, заявили персидскому полководцу Гидарну, что он не имеет представления о значении свободы, иначе он советовал бы спартанцам сражаться за нее не только копьями, но и топорами (VII 135).

В итоге мы могли бы сказать, что политические идеалы Геродота немногим отличались от взглядов на этот вопрос, свойственных обеспеченному гражданству Эллады того времени: они близки к умеренной демократии, и многое здесь определялось его связями с соответствующими политическими кругами Афин.

ИСТОЧНИКИ «ИСТОРИИ» И ПРОБЛЕМА ЕЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Со времени выхода в свет труда Якоби, посвященного Геродоту, можно считать окончательно оставленной ту точку зрения, согласно которой главный труд по сбору материалов и созданию универсальной истории был сделан еще до того, как «отец истории» приступил к написанию своего труда. Информация, почерпнутая им из письменных источников, имела второстепенное значение, особенно в тех разделах, где излагается история греко-персидских войн, как справедливо отмечает Якоби(47). Но нельзя отрицать и того, что автор использовал труд Гекатея (на него он ссылается четыре раза: II 153; V 36, 125; VI 137). Он был знаком и с многочисленными литературными произведениями своего времени(48).

Помимо памятников литературы, в том числе и произведений логографов (но, кроме Гекатея, мы не можем с уверенностью говорить о других, хотя их использование не исключается), Геродот обращался и к другим источникам, в том числе документальным — надписям на посвящениях и стелах (V 59), храмовым хроникам, сборникам оракулов (особенно к так называемым «Гипомнемата» дельфийского оракула, где содержались изречения божества, сопровождавшиеся указаниями, по какому поводу они были даны)(49) и многим другим. Особенно важны ссылки самого автора на источники, которыми он пользовался, и они заслуживают детального рассмотрения.

Поясняя, какие источники он положил в основу своего египетского логоса, автор сообщает: «Нынешними рассказами египтян пусть пользуются те, кому они кажутся правдоподобными: у меня же на протяжении всего моего рассказа предполагается, что я записываю со слуха то, что рассказывают все» (II 123).

А. И. Доватур раскрывает смысл этого заявления следующим образом: «1) Автор добросовестно записывает все то, что ему рассказывают; 2) внесение рассказа в историю вовсе не означает признания за ним исторической достоверности; 3) эти правила соблюдаются на протяжении всего труда Геродота»(50).

Сообщения о древних царях Египта сопровождаются у Геродота ссылками на египетских жрецов и переводчиков. Но, передавая их рассказы, он проявляет здравый критицизм, отвергая такие

детали, как помещение царской дочери в публичный дом (II 121) или рассказ о нисхождении Рампсинита в подземное царство.

Многое из сообщаемого Геродотом об истории и организации персидской державы содержит подробности, которые заставляют предполагать, что информация поступала к автору от влиятельной персидской знати. Он обнаруживает достаточно хорошую осведомленность в персидском образе жизни, военной тактике и стратегии, провинциальной администрации, истории возвышения Дария, в интригах при дворе Дария и Ксеркса. Вместе с тем он не знал персидского языка, о чем свидетельствуют его фантастические объяснения персидских собственных имен (VI 98). Исследователи обычно выделяют следующие источники информации Геродота о персидских делах(51). Прежде всего это могли быть знатные персы, связанные с греческим миром. Одним из них, по-видимому, был Зопир, сын персидского полководца Мегабиза, сражавшегося против афинского экспедиционного корпуса в Египте в 456—454 гг. до н. э. В 40-х годах V в. до н. э. Зопир перебежал в Афины (III 160), и Геродот мог встречаться с ним до того, как покинуть Афины и отправиться в Фурии(52). Другим таким информатором был, как предполагают, потомок Артабаза, поставленного персидским царем во главе сатрапии Фригии в районе Геллеспонта. Во всяком случае автор прекрасно осведомлен о действиях этого персидского полководца (VIII 126; IX 41, 49). Возможно также, что информаторами Геродота о персидских делах были эллины, натурализовавшиеся в Персии (потомки Фемистокла или

Метиоха, сына Мильтиада, попавшего в плен к персам и с почетом принятого Дарием — VI 11). Наконец, Геродот мог использовать документальные данные — официальные документы канцелярии Ахеменидов, переводившиеся на греческий язык и распространявшиеся в греческих городах Малой Азии. М. А. Дандамаев показал, что «хотя Геродот нигде не упоминает Бехистунской надписи и, по-видимому, даже не знал ее, но некоторые места его изложения являются буквальными переводами соответствующих выражений этой надписи»(53).

Геродот цитирует письмо Дария Гистиею (V 24), начинающееся словами: «Гистией, царь Дарий говорит тебе...» Выражение «говорит царь Дарий» встречается в Бехистунской надписи 72 раза.

Многие сообщения Геродота о персидских делах (например, данные о воцарении Дария, сына Гистаспа, о семимесячном правлении Бардии — III 67) подтверждаются персидскими источниками(54). Опубликованная в 1932 г. так называемая «гаремная надпись» Ксеркса из Персеполя оказалась полностью соответствующей по содержанию рассказу Геродота о борьбе между сыновьями Дария за престол (VII 2—3)(55).

Таким образом, в основе изложенной Геродотом истории Персии и походов персидских царей на Элладу лежат как персидские, так и греческие (как мы увидим ниже) устные рассказы и другие источники. Гипотезы некоторых исследователей, согласно которым рассказ Геродота о походе Ксеркса перелагает мемуары Дикея (упомянутого в VIII 65), ни на чем не основаны(56), так же как и предположения, будто автор

широко использовал поэму Херила Самосского «Персика»(57). Сопоставление ссылок автора на устные и письменные источники наглядно показывает подавляющий перевес первых над вторыми. Во всяком случае об одном можно говорить с уверенностью: при изложении истории похода Ксеркса автор использовал лучшие из доступных тогда источников информации(58).

Одним из наиболее важных замечаний автора о его работе с источниками является следующее место из египетского логоса: «До сих пор мое повествование опиралось на личные наблюдения и умозаключения, а также на результаты расспросов: далее я стану излагать рассказы египтян так, как я их слышал, добавляя кое-что и из собственных наблюдений» (II 99). Указанный здесь метод сбора и использования информации характерен для всего труда Геродота. Отсюда можно заключить, что главными источниками для его труда было: 1) то, что он наблюдал собственными глазами (ὄψις); 2) то, о чем он узнавал со слов других (ἀκοῇ); 3) то, что становилось, ему известным в результате собственного исследования и умозаключений (ἱστορίη и γνώμη).

Исследование может быть не только его собственным — весь труд целиком является собственным исследованием автора, как об этом сказано во введении (I 1), — но может принадлежать и другим (II 118—119). Изредка автор называет имена информаторов. Это Архий (III 55), Тимн (IV 76), Ферсандр (IX 16), жрицы оракула в Додоне — Промения, Тимарета, Никандра (II 55). Он ссылается иногда на имена

информаторов — Дикея (VIII 65), Эпизела (VI 117). Но очень часто автор ограничивается ссылкой на анонимные источники типа «говорят коринфяне», «говорят афиняне», «рассказ этот передают аркадяне», и т. п. В основе таких указаний могут лежать: а) устная информация жителей города или местности, где побывал автор; б) информация, полученная из вторых рук, но со ссылкой на первоисточник; в) нельзя считать исключенной возможность какого-то письменного источника, происходящего из указанного города. В каком случае мы должны отдать предпочтение одной из этих возможностей, будет зависеть от конкретных обстоятельств, и решение вопроса в значительной мере может оказаться субъективным. Но, учитывая сильнейшее влияние устного рассказа на весь стиль произведения Геродота, его любовь к острому словцу, наконец, несовершенство литературной техники того времени, есть основания в большинстве случаев полагать, что термин «говорят» употреблен автором в прямом смысле этого слова(59).

Методы исторической критики источника еще очень несовершенны и иногда наивны, хотя в основном они выше, чем у его предшественников и современников (если исключить Фукидида, в произведении которого эти методы подняты на недосягаемую в масштабах того времени высоту). Мы сталкиваемся у Геродота с сопоставлением противоречивых источников, выбором наиболее правдоподобной версии, иногда отказом от суждения о том, насколько то или иное сообщение

соответствует истине («Действительно ли это так, я не знаю, но передаю то, что говорят» — IV 195).

В своих описаниях он отличает то, что увидел сам, от того, о чем узнавал по слухам: «До города Элефантины я все видел своими глазами, а о том, что находится за ним, знаю уже только по слухам и расспросам» (II 29). В том, что описано им по личным впечатлениям, ошибок очень мало.

Но его неутомимая любознательность приводит к тому, что из-за чрезмерного обилия материала читатель не сразу способен отделить главное от второстепенного или даже чисто случайного.

В качестве примера выбора наиболее достоверной версии можно привести рассказ автора об обстоятельствах смерти Кира (I 214). Здесь указано, что автору известен ряд версий о кончине этого царя, но он приводит ту, которая кажется ему наиболее достоверной. То же мы видим в I 95, где историк, рассказав о возвышении Кира, добавляет, что он знает еще три другие версии этого сюжета. Иногда автор поясняет, почему он не может выбрать тот или иной вариант информации (как, например, в рассказе о битве при Ладе): «С того момента как флоты сблизились и вступили в бой, я не могу в точности описать, кто из ионийцев в этом сражении оказался храбрецом, а кто трусом. Они ведь взаимно обвиняют друг друга» (VI 14).

Все же критика источников, как уже отмечалось, находилась тогда в зачаточном состоянии(60), и только этим можно объяснить появление в труде Геродота описаний, подобных

тому, какое мы находим в III 102. Здесь сообщается, что в пустынях Индии водятся муравьи величиной с собаку, роющие себе норы под землей и выносящие оттуда золотой песок. За песком прибывают индийцы, каждый с тремя верблюдами, нагружают песок в мешки и сразу убегают, чтобы муравьи их не растерзали. Но справедливость требует отметить, что у «отца истории» было здравое чувство естественного недоверия к баснословному и он категорически отвергает рассказы о людях с козьими ногами или об одноглазых аримаспах (IV 25, 27; III 116), о превращении людей в волков у племени невров (IV 105), о происхождении скифов от Зевса и дочери Борисфена (IV 5) и т. п.

Степень достоверности труда Геродота целиком зависит от источников его информации(61). Рассказы о Древнем Египте в египетском логосе иногда просто фантастичны, но вина здесь лежит на информаторах — местных переводчиках и гидах, людях малосведущих и не заботящихся о достоверности того, что они рассказывали, стремясь поразить воображение любопытного чужестранца. Зато для Саисской эпохи, близкой по времени к Геродоту, труд его является первостепенной важности источником, без которого наше знание этой эпохи в истории Египта было бы намного беднее.

Описание Скифии, содержащееся в четвертой книге (так называемый скифский логос), является нашим основным источником для древнейшей истории народов, обитавших в бассейне Северного Причерноморья. Как замечает Сартон, один из новейших авторов истории наук в древности, оно так же

важно, как «Германия» Тацита для истории древних германцев(62). Картина расселения скифских племен, их обычаи и общественный строй, одежда и способы передвижения — все, рассказанное Геродотом, в основном подтверждается археологическими исследованиями указанного района, содержимым скифских курганов, памятниками изобразительного искусства. Геродот описывает обряд побратимства у скифов, при котором братающиеся подмешивали в чашу с вином свою кровь и выпивали, вместе касаясь краев чаши губами. Эта сцена изображена на скифских золотых бляшках, найденных при раскопках(63).

Главным источником информации о Скифии для автора были его личные наблюдения, сделанные им при посещении Ольвии, а также рассказы местных жителей — как скифов, так и греков. Но чем дальше от Ольвии, тем сведения, им сообщаемые, становятся менее определенными(64).

Последние археологические раскопки в Ольвии показали, что описание города, сделанное «отцом истории», в основных чертах соответствует действительности(65).

Наибольшей достоверностью отличаются три последние книги произведения Геродота, где речь идет о походе Ксеркса, и это единогласно отмечается всеми исследователями(66). Сведения, сообщаемые автором о движениях войск, их составе (за исключением вопроса о численности их), очень часто обоснованны, и неопытность автора в вопросах военного искусства обычно преувеличивается. «Если Геродот говорит, что армия движется из пункта А в пункт Б, эти сведения

заслуживают доверия, но он легко может ошибиться, объясняя причину этого перемещения»(67).

Совершенно естественным следует признать то обстоятельство, что рассказы, почерпнутые «отцом истории» из сокровищницы фольклора греков или народов тех стран, которые он посещал, обладают малой степенью достоверности. Ф. Мищенко цитирует Масперо, любившего говорить, что «памятники некогда поведают нам о делах Хеопса, Рамсеса, Тутмоса, от Геродота же мы узнаем то, что говорили о них на улицах главного города»(68).

Упрекать автора за искажение исторических фактов в тех частях его труда, которые основаны на народных легендах и произведениях фольклора, — это все равно что укорять сказителей былин о Добрыне Никитиче или Алеше Поповиче за неточную информацию об истории Киевской Руси.

Историк сознавал, что не все в его труде безупречно как с точки зрения соответствия действительности, так и с точки зрения здравого смысла, и это заставило его сделать заявление, свидетельствующее о величайшей авторской добросовестности: «Я обязан передавать все то, что мне рассказывают, но верить всему не обязан, и это пусть относится ко всему моему труду» (VII 152).

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГЕРОДОТА

Несмотря на значительный прогресс, который знаменовал собой труд «отца истории» в развитии науки, многое в его восприятии мира, отношении к настоящему и прошлому

(действительному или мнимому) сближало его с логографами. Эта близость проявляется в наивном рационализме, с позиций которого он стремится объяснять греческие мифы. Нимфа Ио, героиня греческих мифов, оказывается соблазненной не Зевсом, а капитаном финикийского корабля. Забеременев, она сама от стыда сбежала из Аргоса на финикийском корабле (I 5). Страна Европа не могла быть названа так по мифической тирской царевне, ибо эта царевна была финикиянкой и никогда не жила в Европе («вначале она прибыла из Финикии на Крит, а с Крита переправилась в Ликию...» — IV 45). Как и логографам, ему свойственны этимологические объяснения. В начале новеллы о Кандавле и Гигесе объясняется происхождение народа лидийцев: он происходит от Лида. Подобные мифические генеалогии были общепринятыми, и греки таким же образом объясняли себе возникновение греческих и иноземных племенных названий. Они были убеждены, что ионийцы ведут свое начало от Иона, дорийцы — от Дора, а персы — от героя греческих мифов Персея.

Наивный рационализм автора особенно заметен в его истолковании легенды об основании додонского оракула, которую он услышал от тамошних жриц (II 54—58). Они сообщили ему, что некогда из египетских Фив вылетели две черные голубки, из которых одна направилась в Ливию и основала там оракул Зевса Аммонского, другая же прилетела в Додону и, сев на дуб, повелела местным жителям основать тут оракул Зевса. Историк прежде всего задается вопросом, как могли голубки говорить человеческим голосом, и отвечает

следующим образом (II 57): «...это были, конечно, не голубки, а женщины, но, так как они прибыли из Египта и говорили на непонятном языке, показалось, будто они говорят по-птичьи. Что же касается черного цвета голубок, то это следует объяснять смуглым цветом кожи египетских женщин». Подобные рационалистические толкования могли приходить в голову ему самому, но он мог их найти и в труде Гекатея: во всяком случае он относится к ним с полным доверием.

Доверчивость вообще свойственна Геродоту, несмотря на замечаемые у него элементы критицизма, духа ионийского скепсиса, породившего некогда философию Ксенофана(69). Она проявляется особенно заметно в его отношении к греческим и иноземным культам. Хотя зрелость историка совпадает со временем начала движения софистов, посеявших семена недоверия к старинным религиозным представлениям (в Афинах, где подолгу жил Геродот, софисты пользовались особой популярностью), сам он сохранил ортодоксальные взгляды, усвоенные им еще в юности. Когда в своих исследованиях он наталкивается на объяснение событий путем вмешательства потусторонних сил, он безоговорочно принимает эти объяснения — идет ли речь о самопроизвольном исчезновении священного оружия, чудесной силой вынесенного за порог храма (VIII 37), или о грозных предзнаменованиях богов, обративших варваров в бегство (VIII 37): узнав об этом бегстве, дельфийцы спустились с гор и перебили немалое их число. Совершенно очевидно дельфийское происхождение этой легенды. Жрецы Дельф занимали персофильскую позицию во время греко-

персидских войн, но, чтобы оправдаться перед потомством, они сочиняли подобные басни.

Якоби заметил, что Геродот никогда не прилагает усилий к тому, чтобы отыскать подлинные причины событий, если у него есть теологическое их обоснование(70). Он отлично знает причины, побудившие Ксеркса начать свой поход против греков: стремление к мировому господству, роль военной партии при дворе Ксеркса, усилия афинского тирана Гиппия, надеявшегося при помощи персов вернуть себе власть в Афинах, но предпочитает остановиться на той, которая представляется ему главной, рассказав о видении, явившемся во сне Ксерксу (VII 12—14). Во всем этом он был истинным сыном своей эпохи.

Как и подавляющее большинство его современников, Геродот — богобоязненный человек(71). Боги для него существуют реально и постоянно вторгаются в жизнь людей, определяя их судьбу. Все в мире подвержено тлению, лишь одни боги неизменны и вечны. Выше всех стоит рок — Мойра (Пифия, жрица оракула Аполлона Дельфийского, говорит пришедшим к ней лидийцам: «Судьбы не могут избежать даже боги» — I 91). При помощи оракулов и предзнаменований, видений, являющихся людям во сне, и устами прорицателей боги открывают свою волю людям, то, что готовит им Мойра (I 209; VI 27). За преступлением обязательно должно следовать возмездие, пусть даже через многие поколения (за преступление Гигеса расплачивается его далекий потомок Крез). Божество завистливо и вспыльчиво, любит смуту (I 32). Попытка человека превысить отведенную ему меру счастья вызывает

зависть божества и как следствие кару: чрезмерное счастье чревато бедой, и это испытал на себе тиран Самоса Поликрат. Перс Артабан говорит Ксерксу (VII 10): «Ты видишь, что бог поражает молнией выдающиеся величиной и силой живые существа, стараясь их уничтожить, малых же он не замечает. Ты видишь, как он поражает своими молниями всегда самые высокие сооружения и деревья: любит ведь бог все выдающееся смирять». Непререкаемость слепого рока, наказывающего всех, кто захватывает себе больше счастья, чем ему отведено, является основным законом истории, и вся его книга представляет собой ряд иллюстраций этого общего положения(72).

Боги эллинов — те же, что боги всех других народов. «Все люди имеют одинаковые представления об именах богов», — заявляет он, убедившись в этом после беседы с жрецами Мемфиса, Фив и Гелиополя (II 3). Имена олимпийских богов эллины заимствовали от египтян. Только Посейдон и Диоскуры, а также Гера, Гестия, Фемида, Хариты и Нереиды являются эллинскими богами (II 50). Даже Геракл — и тот египетского происхождения, но миф, который рассказывают о нем эллины (будто египтяне пытались принести его в жертву, а он порвал путы и перебил их всех), — нелеп по существу. «Можно ли допустить, чтобы Геракл один, к тому же будучи человеком, перебил, как говорят великое множество народа? Впрочем, да простят нам боги и герои за то, что мы столько наговорили о них» (II 45). Для Геродота достаточно малейшего сходства, чтобы установить тождество египетского и эллинского

бога(73). Ко всем тайнам культа богов он относится с необыкновенным интересом и всячески дает понять, что знает многое, но благоговейно умалчивает обо всем этом, за исключением таких деталей, о которых не грешно говорить (II 171). Но многое в его воззрениях на религию отличало его от Гомера, и, отыскивая причины некоторых событий во вмешательстве богов, он склонен иногда допустить, что оно могло и не иметь места (как в описании бури у Сепиады — VII 191). Эти элементы скепсиса были следствием влияния эпохи и среды, скорее всего афинской.

Происхождение современных ему людей и исторических деятелей он без колебаний возводит к мифическим героям и даже богам, отдавая таким образом дань старинным аристократическим представлениям, согласно которым басилевсы называли себя διογενεῖς (зевсорожденными). «Теряющиеся в баснословной древности начатки истории эллинов и страны их излагаются в том же тоне, что и ближайшие по времени события»(74).

Движущей силой исторического процесса у Геродота является человек: отношения между людьми, их страсти и пороки, привязанности или вражда. От человеческих отношений, характеров, достоинств и недостатков зависит наступление тех или иных событий. В отличие от Фукидида Геродот не мыслит политическими понятиями, и его изложение течет в русле категорий справедливости и несправедливости, преступления и возмездия за него, мужества и трусости, бескорыстия и корыстолюбия, зависти и великодушия.

Человеческие пороки выступают в самых разнообразных проявлениях и оттенках.

Часто единственным объяснением великих исторических событий выступают у него обида или месть за нее. Многочисленные примеры собраны А. И. Доватуром: Киаксар и мидяне наказывают скифов за их бесчинства в Азии (I 106); массагетская царица мстит Киру за своего сына (I 214); египетский врач, высланный в Персию Амасисом, содействует походу Камбиса на Египет (III 1); скифский поход Дария предпринят этим царем с целью отомстить скифам за вторжение в Мидию (IV 1)(75).

Важнейшей религиозно-философской идеей автора в его осмыслении мира, человеческого общества и места, которое в нем занимает человек, является идея о превратности судьбы. Никто не может быть уверен в своем счастье, как бы высоко он ни вознесся. Художественное воплощение эта идея получила в новелле о Солоне и Крезе (I 30—32).

Как человеческие достоинства, так и недостатки не являются привилегией какого-нибудь одного народа, но свойственны всем людям. «Полагаю... что если бы все люди собрались и принесли с собой все пороки, чтобы обменяться ими со своими соседями, то каждый, увидя пороки соседей, испугался бы и поскорее унес с собой назад то бремя пороков, с которым пришел сам» (VII 152). Слова эти сказаны в том месте, где автор всячески пытается оправдать аргосцев за содействие, которое они оказывали персам.

Мир, каким его видел Геродот, был миром обычных людей, его современников, эллинов и варваров. Аристократы и простолюдины, жрецы Дельф и жрицы Додоны, ремесленники и торговцы, ветераны греко-персидских войн и переводчики на Востоке, греки и варвары, самые разнообразные категории людей сталкивались с ним на родине и на чужбине во время его продолжительных путешествий, делились с ним воспоминаниями и впечатлениями, всем, что они знали и что он хотел от них услышать, чтобы записать и запомнить. И сам он был похож на них, любознательный и общительный — истинный сын своей эпохи и своего народа.

ГЕРОДОТ — ОТЕЦ ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ

Исследователи труда Геродота очень рано отметили характерную особенность его путешествий. Пути, по которым он странствовал, пролегали в подавляющем большинстве случаев по уже освоенным греками землям. Это был почти весь тогдашний цивилизованный мир, ойкумена. Дороги в нем были хорошо изучены, потому что этого требовали настоятельные нужды мореплавания и торговли. Географические знания этой эпохи нашли впервые в античной литературе более или менее систематизированное изложение в труде Геродота.

«Отцу истории» принадлежал, по-видимому, и ряд открытий в этой науке. Поднявшись вверх по Нилу, он впервые познакомил греков с городом Мероэ (II 29). Так же впервые им было очерчено расположение Каспийского моря — он открыл, что оно было замкнутым бассейном (I 202—203). Эта точка зрения

утвердилась только во II в. н. э. у географа Клавдия Птолемея (жившие после Геродота Эратосфен и Страбон считали Каспийское море заливом Северного океана).

Тем не менее его географические представления о некоторых районах были еще очень приблизительными. Скифию он представлял себе в виде четырехугольника, западную сторону которого образует Истр (Дунай), восточную — Меотида (Азовское море), северную — земли пограничных со скифами народов. Южная сторона Скифии тянется вдоль Понта. Каждая сторона этого четырехугольника имеет в длину 4000 стадий: таким образом, общая площадь Скифии равняется 300 000 км2. Суровость климата Скифии Геродот, вероятно, преувеличил, но его сообщение о том, что Меотида и Боспор Киммерийский (Керченский пролив) зимой замерзают (IV 28), соответствует действительности.

Географические описания в книге «отца истории» занимают столь большое место, что Якоби предположил, будто Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф. Такое суждение является результатом критического отношения к его труду с позиций современной исторической науки, но характерно, что Сартон, автор двухтомной истории науки в древности, поместил очерк о Геродоте в тот раздел своей книги, где прослеживается развитие географических знаний(76). Вклад Геродота в географию действительно велик, хотя, может быть, если бы сочинение Гекатея дошло до нашего времени, он не показался бы уж таким обширным.

Но вместе с тем исследование геродотовской географии убеждает нас в том, что в своих основных чертах она совпадает со взглядами на этот предмет, которые были общепринятыми в его времена. В четвертой книге «Истории» Геродот, критически отозвавшись об авторах «Обозрений земли», утверждавших, будто земля имеет форму круга, омываемого со всех сторон океаном, считает необходимым изложить свои взгляды на карту мира. Строит ее он следующим образом. Четыре народа — колхидяне, саспиры, мидяне и персы — живут от Северного моря до Эритрейского (под которым Геродот понимает Индийский океан со всеми его заливами). От этого «меридиана» выступают к западу два «мыса». Первый из них с северной стороны начинается от Фасиса (Рион) и достигает, протянувшись вдоль Понта и Геллеспонта, троянского Сигея. С южной стороны этот мыс тянется от Мириандрийского залива (между Сирией и Киликией) до Триопского мыса. Это та самая территория, которая теперь называется Малой Азией (IV 38).

Другой «мыс» простирается вдоль Эритрейского моря. На нем расположены Персия, Ассирия и Аравия. Кончается этот мыс у Аравийского залива, там, где Дарий проложил канал от Нила к этому заливу. Таково очень приблизительное описание Аравийского полуострова и прилегающей к нему территории, которую Геродот вместе с описанной выше Малой Азией называет Азией (IV 40).

Вторая часть света, Ливия, помещается на втором из мысов, следуя непосредственно за Египтом (IV 41).

Вместе с Европой эти три части света составляют единый континент. Так утверждали ионийцы, но Геродот уверен, что они не правы, так как к этим трем частям света надо добавить еще четвертую, а именно дельту Нила (II 16): «...она не относится ни к Азии, ни к Аравии, а расположена в промежутке между Азией и Ливией» (II 16).

Азия заселена до Индии, и территория дальше к востоку представляет собой пустыню, никому не известную.

Что касается величины этих частей света, то Геродот протестует против утверждения авторов «Обозрений земли», будто Азия одинакова по величине с Европой (IV 36). В действительности Европа равняется по длине Азии и Ливии, вместе взятым, а по ширине ее даже нельзя сравнивать с Азией и Ливией (IV 42).

Относительно Европы никто достоверно не знает, омывается ли она водой на востоке и на севере (IV 45). Сообщив такую деталь, Геродот добавляет, что придерживается по этому поводу общепринятых мнений.

Тот наивный рационализм, с позиций которого «отец истории» толковал освещенные древностью мифологические сюжеты, проявляется и в тех местах его труда, где он пытается объяснить загадочные явления природы или уточнить географическое описание мира и отдельных стран. В II 28 он передает рассказ хранителя сокровищ богини Нейт (он называет ее Афиной) о верховьях Нила. Этот жрец заявил, будто истоки Нила находятся между двумя горами — Крофи и

Мофи. Царь Псамметих пытался измерить глубину этих истоков, но опущенная в них веревка длиной в несколько тысяч саженей не достигла дна. Рассказ этот показался явно нелепым здравомыслящему греку, и он объяснил этот факт следующим образом. По-видимому, в верховьях Нила существуют мощные водовороты, и бурное течение отнесло веревку таким образом, что она не достала дна.

Ливия омывается водой со всех сторон, и первый доказал это фараон Нехо, отправивший финикийцев с приказанием плыть из Эритрейского моря на юг и, обогнув Геракловы Столпы (Гибралтарский пролив), вернуться в Египет. Два года плыли финикийцы и только на третий вернулись в Египет через Геракловы Столпы. Сообщив об этом, Геродот добавляет: «Рассказывали также, чему я не очень верю (другой кто-нибудь, возможно, этому и поверит), что во время этого плавания кругом Ливии финикийцы видели солнце с правой стороны». По этому поводу Ф. Мищенко замечает: «Добросовестность Геродота как наблюдателя и записывателя доказывается более всего такими случаями, когда он заносит в свой труд показания, которые подтверждаются впоследствии географическими, историческими и этнографическими изысканиями. Геродот не верит тому, будто финикияне во время плавания вокруг Африки имели солнце с правой стороны, так как наш автор не имел еще никакого понятия об эклиптике и экваторе»(77).

Одной из самых, может быть, серьезных ошибок Геродота было высказанное предположение, будто Нил течет в том же

направлении, что и Истр (Дунай): Дунай пересекает Европу с запада на восток, Нил течет параллельно Истру (II 33: «Я предполагаю, что Нил имеет такое же течение, как и Истр»). Но ошибка эта не покажется нам такой большой, если мы вспомним, что эта точка зрения продержалась в Европе до конца XVIII в.(78).

Все части света и страны мира, о которых повествует Геродот, привлекали его не сами по себе, а лишь постольку, поскольку их населяли народы, вызывавшие особый интерес автора. Он уделяет величайшее внимание описанию варварских народов, их быта и обычаев, существующих у них форм брака и семьи, жилищ и одежды, религии и даже языку, хотя о последнем он очень редко сообщает полезные сведения: лингвистом он не был. Этнографические описания Геродота занимают значительное место в его труде, и в них содержится сравнительно мало неточностей, потому что они являются результатом его личных наблюдений — а смотрел он достаточно внимательно и зорко.

Лучшим образцом этнографического очерка у Геродота является описание Скифии. Оно начинается с обзора географических условий, затем он рассказывает о богах, называя их имена по-скифски, обычаях, жертвоприношениях и гаданиях, военном деле, врачевании, наказании преступников, погребальных обрядах. Как уже указывалось выше, многие из сообщений Геродота подтверждаются археологическими исследованиями(79).

Некоторые из этнографических описаний автору не принадлежат. Таковы сведения о пигмеях в Ливии, полученные даже не из вторых, а из третьих рук. О пигмеях рассказали насамоны аммонскому царю Этеарху, тот поведал это киренцам, а от киренцев уже услышал этот рассказ Геродот (II 32).

Жизнь народов, с которыми Геродот знакомился во время своего путешествия, поражала его прежде всего тем, чем она отличалась от жизни эллинов. Она казалась удивительной, а рассказ об удивительном (θωυμαστά — I 1) был одной из основных целей его труда, как видно из цитированного введения. Автор сам говорит об этом в описании египетских обычаев: «Как небо над египтянами отличается от неба других стран и река их имеет иную природу, чем все прочие реки, так подобно этому многие нравы и обычаи их противоположны нравам и обычаям остальных людей. Женщины у них ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. У всех остальных людей толкают уток вверх, а у египтян вниз. Мужчины у них носят тяжести на головах, женщины на плечах. Женщины мочатся стоя, мужчины сидя. Испражняются египтяне дома, а едят на улице, говоря, что все непристойное, хотя и необходимое, следует делать скрытно, а пристойное публично. Ни одна женщина не выполняет жреческих обязанностей ни при мужском, ни при женском божестве, и жреческие должности исполняют только мужчины как при богах, так и при богинях. Сыновья вовсе не обязаны, если они того не хотят, содержать

родителей, дочери же, наоборот, обязаны это делать непременно, хотя бы они того и не желали» (II 35).

В некоторых своих описаниях Геродот обратил внимание на такие особенности жизни народов, которыми европейская наука заинтересовалась только в середине XIX в. Он описал жизнь озерных жителей, обитавших в жилищах, построенных на сваях, на основании впечатлений от пребывания в Македонии (V 16). Первые труды о свайных постройках появились в европейской науке только во второй половине XIX в.

Этнография Геродота заслуживает внимательного исследования, но даже беглое знакомство с его трудом позволяет без преувеличения заявить, что «отец истории» является для нас практически и первым этнографом Европы(80).

ТРУД ГЕРОДОТА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Необыкновенное разнообразие сведений, относящихся к самым различным областям жизни человеческого общества, художественность изложения, обилие рассказов (Cic. De leg. I, 1), фантастические детали, почерпнутые автором из фольклора самых различных народов древности, — все это очень рано навлекло на Геродота обвинение в искажении истины. Особенно ожесточенным противником «отца истории» был Ктесий, бывший при персидском дворе с 415 по 398 г. врачом. В своей «Персидской истории» он изо всех сил старался изобличить Геродота в лживости. Интересно при этом отметить, что труд самого Ктесия, по словам Плутарха (Artax. I), содержал

множество ошибок и преднамеренных извращений фактов. О геродотовском описании Египта, как переполненном выдумками и баснями, критически отзывался Диодор (I, 69), оттенок недоброжелательности заметен и у Страбона (XI, 6, 3). Но самые резкие выпады против Геродота, обвинения в том, что он был несправедливым и низким человеком, стремившимся увидеть в людях только подлое и злое, что он умышленно умалчивал о благородном и прекрасном в угоду предвзятой точке зрения, мы находим в специально написанном для этой цели трактате Плутарха «О злонравии Геродота»(81). Надо иметь в виду, что он был написан, когда Греция была малозначительной провинцией Ахеей в составе огромной Римской империи. Тяжело переживавшие униженное положение, в которое вверг Элладу могущественный Рим, представители греческих образованных кругов с особой гордостью хранили память о героическом прошлом своей родины. Одной из самых ярких страниц истории этого прошлого были греко-персидские войны. Но сочинение Геродота менее всего соответствовало устремлениям греческих патриотов, так как в нем откровенно рассказывалось о случаях предательства общенационального греческого дела со стороны ряда греческих государств, о разногласиях в лагере греков. Плутарх обвинил Геродота в недоброжелательности по отношению к беотийцам, полагая при этом, что он выполняет свой долг, становясь «на защиту своих предков и истины» (Плутарх был беотийцем). Сам Плутарх в своих произведениях стремился нарисовать картину тесного единства греков, героически

отстаивавших свободу и независимость своей родины от нашествия варваров.

В эпоху Возрождения латинский перевод труда Геродота, выполненный знаменитым гуманистом Лоренцо Валла (Венеция, 1479), и издание греческого текста не менее знаменитым Альдом Мануцием привлекли интерес читателей нового времени к «отцу истории». Крупнейший французский филолог Этьен (Стефанус) опубликовал в 1566 г. в Женеве свою «Апологию Геродота», но критическое и часто враждебное отношение к первому историку Европы довольно часто давало себя знать вплоть до конца XIX в.

Открытия в области древней истории, сделанные в начале и первой половине XIX в., заставили европейских ученых взглянуть на сочинения Геродота под новым углом зрения. В результате дешифровки египетских иероглифов и вавилонской клинописи исследователям стали доступны первоисточники по истории Древнего Востока, и это позволило выделить историю Древнего Востока в самостоятельную научную дисциплину. Прогресс знаний в этой области вызвал двойственную реакцию в отношении к Геродоту. С одной стороны, обнаружилось, что все рассказанное Геродотом по личным впечатлениям в достаточной мере достоверно и, чем ближе описанные им события к современной ему эпохе, тем его изложение точнее. Как уже давно показали египтологи, сочинение Геродота для Египта Саисской эпохи является единственным источником, позволяющим представить связную историю страны, в основном подтвержденную туземными источниками(82). То же

можно отметить и для истории Персии. Геродот был знаком с официальной документацией канцелярии персидских царей — во всяком случае с теми документами, которые распространялись в греческом переводе.

С другой стороны, многие исследователи, стремившиеся проникнуть в дух и смысл этого удивительного произведения, обратили внимание на большое количество неточностей и ошибок в труде Геродота: древнейшая история Египта в изложении Геродота содержит очень мало достоверного, хотя и здесь нельзя отрицать ценности сведений, сообщаемых им, например, о строительстве пирамид. От Геродота требовали того, что он заведомо дать не мог в силу объективных причин. Источники, которыми он пользовался (в основном устные рассказы часто случайных людей; если он и общался с египетскими жрецами, то только самого низкого ранга, менее всего информированными), были крайне несовершенными. При тогдашнем уровне источниковедения и критики универсальная энциклопедического характера история, созданная Геродотом, могла только впитать наряду с действительными фактами множество фольклорных сюжетов. Кроме того, сочинение его представляло определенный уже сложившийся жанр, более всего доступный и понятный тому кругу читателей, на который оно было рассчитано с самого начала. Подходя к Геродоту с позиций современной европейской науки, придирчивые критики превращали его то в старательного, но мало разборчивого компилятора, то просто в недобросовестного автора,

намеренно вводящего в заблуждение читателя рассказами о своих мнимых путешествиях(83).

В конце XIX в. в европейской науке наступил перелом в отношении к Геродоту и достоверности его сочинения. Наиболее характерным примером может служить работа Овемта(84). В своем труде Овемт отдал должное энергии, проницательности и доброй воле Геродота, восстановив доверие к его произведению. Майрс подчеркивает, что после придирчивой и часто несправедливой критики XIX в. геродотовское описание Египта получило высокую оценку специалистов(85).

Сравнительно-литературоведческие исследования в начале XX в. способствовали оценке Геродота как писателя-новеллиста типа Боккаччо, мастера художественного рассказа. Идею эту усиленно развивал Говальд(86). Она была подвергнута резкой критике Поленцом, подчеркнувшим в своем исследовании, что Геродот прежде всего историк греко-персидских войн(87).

Анализ текста и источников «Истории», проделанный Якоби в его фундаментальном исследовании, подвел итог критическому отношению к «отцу истории». Якоби дал критическую оценку всем теориям, выдвинутым в науке для объяснения происхождения и значения труда Геродота.

Серьезным нападкам подвергался Геродот в качестве военного историка, но его неопытность в военном деле была весьма преувеличена критиками(88). Разумеется, он не может ни в коей мере сравниться с Фукидидом, который был военным по

профессии, но нельзя утверждать, что он не знал совершенно ни тактики, ни стратегии. Работы Гранди, Кромайера и других исследователей, сумевших учесть чисто технические трудности, стоявшие перед Геродотом как военным историком, а также несовершенство источников, которыми он пользовался, восстановили к нему доверие и в этом отношении(89). Особенно важен труд Хигнетта, защитившего Геродота от ряда обвинений в недобросовестности.

Итоги критики труда Геродота на Западе подводит Майрс: «Два поколения тому назад ученые утверждали, исходя из упущений и ошибок Геродота, что в основе его информации лежат сплетни и слухи, а также сочинения других путешественников. Его обычное умолчание об источниках, откуда он черпал информацию, объяснялось как умышленный плагиат. Было сделано заключение на основании все тех же ошибок, что он не посетил тех мест, которые он описывает, и не видел тех объектов, о которых он упоминает. Это было, может быть, неизбежной стадией критического изучения, не зависевшей от позиции отдельных ученых. За этим последовало более тщательное изучение самого текста сочинения Геродота, обстоятельств его возникновения, личности автора; как ее можно представить на основании его труда. Итогом было полное восстановление доброго имени Геродота как правдивого и добросовестного автора и исследователя, признание тех трудностей, которые перед ним стояли. Был принят методически верный принцип различения материалов источников Геродота в зависимости от их качества — дурных

и хороших, предвзятых и непредвзятых, исследована манера использования их автором с целью выяснения особенностей исследовательского метода Геродота. Информация, им представляемая, рассматривается теперь в качестве такой, какую мыслящий и наблюдательный человек его эпохи и воспитания мог по зрелом размышлении на основании собственных наблюдений и по полученным от других сведениям счесть правдивой. Организация всего этого материала, изложение и интерпретация событий большого значения была его собственной»(90).

Выше уже указывалось, что отношение русской исторической критики к труду Геродота было всегда благожелательным. Наиболее ярким примером этому могут служить статьи Ф. Г. Мищенко, помещенные в качестве приложений к его переводу труда Геродота на русский язык. Статья «Геродот и его место в древнеэллинской образованности» является монографическим исследованием, не потерявшим своего научного значения до настоящего времени. Она отличается четкими и строго взвешенными суждениями, свободна от мало обоснованных гипотез, которые, к сожалению, довольно часто встречаются в посвященных Геродоту статьях и книгах(91). Как указывает С. Я. Лурье, в работе Ф. Г. Мищенко мы находим «единственный в мировой литературе связный очерк религиозно-нравственных воззрений Геродота»(92). Эти же высокие качества в полной мере свойственны и второй неоднократно цитировавшейся здесь статье того же автора «Не в меру строгий суд над Геродотом»; см. также статью

«К вопросу об источниках и добросовестности Геродота» (ЖМНП, 1888, июль).

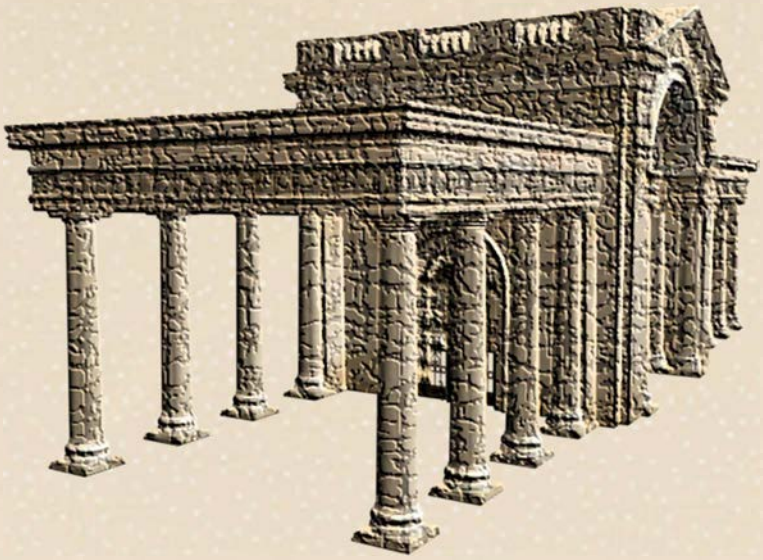
Эти традиции были продолжены в книге С. Я. Лурье «Геродот», ставившей своей целью «представить воззрения человека, которому мы обязаны наиболее достоверным рассказом о греко-персидских войнах и одновременно — первой книгой по истории» (стр. 5). Заслугой С. Я. Лурье является оригинальная и остроумная трактовка мировоззрения Геродота, вскрывающая истинные причины той тенденции его труда, которую более поздние греческие историки и писатели (например, Плутарх) воспринимали как предательство общегреческого дела и нескрываемое сочувствие к варварам (μηδισμός). Хорошо документированной работой является книга А. И. Доватура «Повествовательный и научный стиль Геродота», посвященная проблеме истоков научного стиля прозы Геродота и взаимоотношению между ним и фольклорным стилем в истории Геродота.

Значение Геродота в истории мировой культуры огромно. Он приблизился к подлинному историзму в восприятии событий и фактов, представив человеческую историю как развертывающийся во времени и пространстве процесс, в ходе которого меняются судьбы людей и государств(93).

Ему мы обязаны тем, что события огромного мирового значения, какими были греко-персидские войны, остались навсегда для человечества поучительным примером героизма народа, сражающегося за свою свободу и независимость.

В нем не было и тени расового высокомерия или нетерпимости, что дало повод Плутарху назвать его «филоварваром» в упоминавшемся выше трактате «О злонравии Геродота»(94).

Не было в нем и стремления подчеркнуть свое превосходство над своими предшественниками и современниками, труды которых он критикует в очень сдержанной и безыскусственной манере, искренне смеясь над тем, что казалось ему нелепым (IV 36), или тонко иронизируя по поводу того, что представлялось ему претенциозным или смешным. Читая его труд, мы следим за первыми шагами еще во многом наивной и несовершенной науки. Перед нами свидетельство ее детства, обладающее, однако, неповторимой прелестью, неувядающей свежестью и привлекательностью благодаря всепокоряющему искусству Геродота — пытливого исследователя-историка и увлекательного рассказчика-новеллиста.



ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин «история» (ἱστορία) был ионийским по происхождению и означал «исследование». Лишь позднее он приобрел значение «исторического исследования», «повествования».

2. Языком ранней греческой прозы становится ионийский диалект в его литературной стилизованной форме. На нем писали и те, для которых он не был родным, как например Гелланик с Лесбоса. Галикарнасс же, родина Геродота, хотя и был дорийской колонией, к V в. до н. э. испытал сильное ионийское влияние: до нас дошли надписи из Галикарнасса на ионийском диалекте.

3. См.: E. Hoffmann. Qua ratione ἔπος μῦθος αἶνος λόγος et vocabula ab eisdem stirpibus derivata in antiquo graecorum sermone adhibita sunt. Göttingen, 1922.

4. Термин «логографы» был введен в широкий научный обиход в середине XIX в. (L.Creuzer. Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung. Leipzig, 1845) и удержался, несмотря на то что были высказаны веские соображения, заставившие такого крупного исследователя, как Якоби, отказаться от него (см.: RE, s. v. Logographen).

5. Эти цитаты носят случайный характер и далеко не всегда могут служить основанием для суждения о плане всего сочинения, источниках, стиле и т. п. Представим себе, что от прелестной новеллы Геродота о Кандавле и Гигесе (I 8), о которой речь пойдет ниже, сохранилось только ее введение, где дана сухая и сжатая справка о лидийских царях до Кандавла. Каким монотонным и скучным автором предстал бы для нас Геродот, если бы из всего его сочинения сохранилось только это место!

6. См.: RE, s. v. Logographen.

7. Об одной такой карте сообщает Геродот (V 49). Она была вырезана на медной доске, и на ней было «изображение всей земли, море все и реки все...»

8. F 328 B Jacoby (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1923).

9. F 30 Jacoby. В отрывке идет речь о судьбе потомков Геракла — Гераклидах, прибывших к Кеику, чтобы спастись от преследований Еврисфея.

10. Свидетельство Памфилы не вполне надежно, так как оно опирается, по-видимому, на хронологические комбинации

александрийских грамматиков, приурочивших самый значительный факт биографии историка — участие в заселении общегреческой колонии Фурии (444 г. до н. э.) — к его «акмэ», т. е. сорокалетнему возрасту. См.: F. Jacoby. Herodotos. RE, Suppl. H. II. S. 229; W. Howa, J. Wells. A commentary on Herodotus, vol. I. Oxford, 1957. См. также: Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. LXIII (Геродот. История. М., 1888); С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 10.

11. F. Jacoby. Herodotos. S. 232: «Здесь в ряде экскурсов он оправдывает поведение афинян по отношению к Эгине, объясняя изгнание эгинян в 431 г. как следствие продолжающегося гнева богов. Если бы ему была известна их судьба, которую афиняне готовили им в 424 г. (Thuc. IV, 57), он непременно упомянул бы об этом».

12. Эпическая поэзия оказала сильнейшее влияние на труд Геродота: не случайно анонимный критик (Псевдо-Лонгин) называет его «самым гомерическим» писателем (De sublim. 12).

13. Ср. также IV 43, 88, 152; все эти места говорят о прекрасном знании Самоса. Баррон (J. P. Barron. The sixth-century Tyranny at Samos. Classical Quarterly. LVIII. 1964, p. 212) показывает в своей статье, что в основном Геродот опирался на устную местную традицию.

14. Хотя Майрс (J. Myres. Herodotus, Father of History. Oxford, 1953, p. 5) допускает возможность того, что Геродот был

торговцем, он вынужден признать, что в его труде нет и намека на профессию автора.

15. По поводу традиции о чтении Геродотом своего труда в Афинах см.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 18 сл.

16. Геродот был в Египте после битвы при Папремисе (ок. 462—459 гг.), что видно из его описания поля битвы и черепов, там обнаруженных. Но он не мог приехать туда во время восстания 463—456 гг., ибо из его описания ясно вытекает, что весь Египет находился в это время под властью персов. К 445 г. относит это путешествие Браун (T. S.Brown. Herodotus speculates about Egypt. Amer. Journ. Philol. Vol. LXXXVI, 1, 1965, p. 61).

17. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 14.

18. Штрасбургер (H. Strasburger. Herodot und das perikleische Athen. Historia. IV, 1955, SS. 1—25) пытался доказывать, будто Геродот выехал в Фурии не потому, что был близок к партии Перикла, а для осуществления своих панэллинских идеалов, но идея эта не встретила поддержки. См.: F. Harvey. The political sympathies of Herodotus. Historia, XV, 1966, p. 254 sqq.

19. Именно это имеет в виду Страбон (XIV, 2, 16), когда говорит о том, что Геродота прозвали фурийцем, а вовсе не рукописную традицию, как ошибочно полагает Якоби (Herodotos, S. 205).

20. Мейер (E. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte. Herodots Geschichtswerk, II, Halle, 1899, SS. 197, 222) предполагал, что

Геродот покинул Фурии после того, как там победила партия, враждебная Афинам. См. так же: C. Hignett. Xerxes' Invasion of Greece. Oxford, 1963, p. 26.

21. J. Myres, op. cit., p. 16. Хигнет (ук. соч., стр. 26) считает более вероятным, что Геродот умер в Фуриях.

22. Хроника Афины Линдосской представляет собой эпиграфический памятник 99 г. до н. э., открытый датчанами в г. Линде на Родосе. Она была впервые издана Блинкенбергом (Ch. Blinkenberg. La chronique du temple Lindien. Oversigt over det kgl. danske videnskabernes selskabs forhandlinger, 1912, № 5—6, p. 318 sqq.).

23. Хотя Страбон (XVI, 2, 16), Павсаний (IV, 7, 4) и составитель Линдосской хроники называют Геродота фурийцем, отсюда еще никак не следует, что так именовал себя сам Геродот. Вряд ли можно предполагать, что Геродот нашел для себя в Фуриях, где вскоре после основания началась ожесточенная борьба и влияние Афин упало, свою вторую родину. Может быть, его отношение к этой колонии проявилось в том, что он нигде о ней не упомянул, хотя, как мы видели выше, обнаруживает хорошее знакомство с местностью, где она была основана.

Во времена Геродота жители колоний очень часто продолжали называть себя гражданами того города, откуда они происходили. Так, жители Ольвии еще в V в. до н. э., много лет спустя после основания этой колонии, упорно считали себя милетянами, как сообщает Геродот (IV 78). Дионисий

Галикарнасский, глубоко изучавший труды историков прошлого, называет Геродота галикарнассцем (Thuc. 5). Легран (Ph. Legrand. Hérodote. Paris, 1932, p. 13; REA, XXXVI, 1934, p. 407), Поленц (M. Pohlenz. Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes. Berlin—Leipzig, 1937, S. 44) и С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 26) склоняются в пользу чтения Ἡροδότου Θουρίου, следуя Якоби (Herodotos, S. 205). Напротив, Майрс (ук. соч., стр. 3) придерживается традиционного чтения рукописей.

24. В понимании этого места имеются известные трудности. Слово ἔργα, которое переведено здесь как «деяния», некоторые понимают как «сооружения». Так, С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 124) допускает возможность обоих толкований. Поленц (ук. соч., стр. 3) решительно отвергает возможность второго из указанных переводов: «Неудачная идея Дильса, интерпретировавшего термин ἔργα как «сооружения», более не нуждается в опровержении... Для грека Дионисия Галикарнасского было само собой разумеющимся толкование ἔργα Геродота как πράξεις (Ad Pomp. 3, 3; Thuc. 5)». Слово ἔργον в значении «подвиг, деяние» можно обнаружить в ряде контекстов (ср., например: Xen. Cyrop. I, 1, 5; I, 4, 25). Литературу вопроса см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 185, прим. 2.

25. J. Myres, op. cit., p. 66.

26. K. Marot. Die Anfänge der griechischen Literatur. Budapest, 1960, S. 323.

27. Для древности Геродот был прежде всего историком греко-персидских войн, как видно из сочинения Лукиана (Herod. 2). См. также: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 65.

28. F. Jacoby. Herodotos, S. 281. Якоби, следуя в основном идеям Бауэра (A. Bauer. Die Entstehung des herodotischen Geschichtswerks. Wien, 1878), предположил, что вначале целью Геродота было создание «Обозрения земли», подобного сочинению Гекатея, и лишь позднее он пришел к идее написать историю греко-персидских войн. Имел ли Геродот в виду эту цель с самого начала работы — этот совершенно неразрешимый вопрос ставит также Де Санктис (G. De Sanctis. La composizione della storia di Erodoto. Rivista di filologia, 4, 1926, p. 290). По мнению Де Санктиса, логосы Геродота создавались не как независимые сочинения, но как части органически единого труда, посвященного истории Персии. Против мнения Якоби, что Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф, возражает Хигнет (ук. соч., стр. 27).

29. Внутреннее единство, присущее, например, египетскому логосу, отмечает Фогт (J.Vogt. Herodot in Ägypten. Genethliakon W. Schmid. Tübing. Beiträge z. Altertumswissenschaft. H. V, 1929, S. 130) и Де Санктис (ук. соч., стр. 290), подчеркивающий «органичность» и «артистическое единство» этого логоса.

30. Деление на девять книг, названных именами Муз, принадлежит александрийским грамматикам.

31. W. Aly. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921, S. 58.

32. A. Hauvette. Hérodote historien des guerres médiques. Paris, 1894, p. 47.

33. J. Myres, op. cit., p. 60.

34. Стиль «милетского рассказа» оказывал влияние на античную прозу до самых поздних времен. «Вот я сплету на милетский манер разные басни...» — начинает свои «Метаморфозы» Апулей.

35. О богатствах Гигеса вспоминает Архилох: Οὔ μοι τὰ Γύγεω τοῦ πολυχρύσου μέλει(Что мне заботы до богатства Гигеса).

36. Та же ирония сквозит в истории перса Отана (V 25): «Отец Отана Сисамн был царским судьей. Царь Камбис за то, что Сисамн, решая судебные дела, брал взятки, казнил его, повелев при этом содрать с него кожу, нарезать из нее ремней и обтянуть ими тот самый трон, сидя на котором Сисамн вершил суд. Затем Камбис назначил судьей вместо Сисамна, с которого он содрал кожу, сына Сисамна, посоветовав ему помнить, на каком троне он будет сидеть, когда будет вершить суд. Вот этот-то Отан, посаженный на такой-то трон, стал тогда преемником Мегабаза...». По поводу иронии у Геродота см.: A.Piatkowski. Le sourire ironique d' Hérodote. Studi clasice, X, 1968, p. 51 sqq.

37. Драматическому характеру этой новеллы Геродота посвятил свою статью Шталь (H. P. Stahl. Herodots Gyges-Tragodie. Hermes, XLVI, 1968, S. 385 ff.). Как полагает Уотерс

(K. H. Waters. The Purpose of dramatisation in Herodotus. Historia, XV, 1966, p. 157 sqq.), указанная особенность стиля Геродота обусловлена тем, что он адресовался к публике, приученной следить за развитием драматического сюжета на сцене.

38. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 136.

39. Проблеме «удивительного» у Геродота посвятил свою работу Барт (H. Barth. Zur Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot. Klio, 50, 1968, S. 93).

40. Якоби (Herodotos, S. 355) считает эти слова ключом ко всему произведению Геродота. См. также: K. Wüst. Politisches Denken bei Herodot. Würzburg, 1935, S. 39.

41. W. K. Pritchett. Marathon. Univ. of Calif. public., in class. archaeology, vol. 4, Berkeley a. Los Angeles, 1960, p. 143. См.: A. Gomme. Herodotus and Marathon. More Essays in Greek History and Literature. Oxford, 1962.

42. Н. Ф. Дератани. Эсхил и греко-персидская война. ВДИ, 1946, № 1, стр. 18 сл.

43. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 17.

44. Хойбек (A. Heubeck. Das Nationalbewusstsein des Herodot. Neustadt, 1936, S. 43) подчеркивает, что Геродот, повествуя в слегка ироническом тоне о нерешительности и безответственности спартанцев, одновременно всячески старается извинить аргивян.

45. См.: Ch. W. Fornara. The cult of Harmodius and Aristogeiton. Philologus, 114, 1970, p. 156: «Поэтому нет сомнения, что

мнение Геродота, будто Алкмеониды были истинными освободителями Афин... имеет в своей основе информацию, предоставленную ему заинтересованной стороной...»

46. По поводу источников Геродота в этом месте его труда см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота, стр. 195, прим. 37.

47. F. Jacoby. Herodotos, S. 394.

48. В древности некоторые авторы пытались даже обвинить Геродота в плагиате, утверждая, что он дословно списывал с Гекатея (Porph. apud Euseb. Praep. Evang. X, 3,p. 466 B), но, как замечает Легран (Ph. Legrand. Hérodote, t. I. Paris, 1932, p. 157), Геродот был просто начитанным человеком.

49. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 116.

50. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 98.

51. J. Myres, op. cit., p. 159; C. Hignett, op. cit., p. 32.

52. См.: В. В. Струве. Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I. ВДИ, 1948, № 3, стр. 13. В этом был уверен такой крупный знаток истории Древнего Востока, каким был Б. А. Тураев, писавший по этому поводу: «Зопир, поселившись в Афинах, делился с Геродотом сведениями из преданий своего рода, принадлежавшего к числу наиболее знатных и близких ко двору...» (История Древнего Востока. т. II. М.—Л., 1935, стр. 127).

53. М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, стр. 140.

54. Там же, стр. 145. Геродот иногда довольно точно передает имена персидских вельмож, помогавших Дарию расправиться с магом Гауматой (см.: В. В. Струве, ук. соч., стр. 13).

55. В. В. Струве (ук. соч., стр. 13) со ссылкой на Герцфельда (E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938).

56. См.: F. Jacoby. Herodotos, S. 404; А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186, прим. 3.

57. См.: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186—187, прим. 4.

58. C. Hignett, op. cit., p. 30.

59. F. Jacoby. Herodotos, S. 402: «В большинстве случаев у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что Геродот действительно опрашивал представителей каждого народа...»

60. F. Jacoby. Herodotos, S. 478.

61. Как отмечает Якоби (Herodotos, S. 473), Геродот никогда не изменяет традиции по своему усмотрению.

62. G. Sarton. A History of Science. Cambridge, 1960, p. 312.

63. Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, стр. 33. Автор подчеркивает, что геродотовский рассказ, особенно в этнографической части, постоянно подтверждается археологическими данными (стр. 18).

64. А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 49.

65. К. Э. Гриневич. О достоверности сведений Геродота об Ольвии. ВДИ, 1964, № 1, стр. 105 сл.

66. C. Hignett, op. cit., p. 33: «Его последние три книги, описывающие нашествие Ксеркса и его поражение, являются наиболее удачными с исторической точки зрения, и все последующие рассказы основывались только на них».

67. Там же, стр. 38.

68. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. CXXV.

69. См.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 44.

70. F. Jacoby. Herodotos, S. 482.

71. «Делос, как сообщали жители этого острова, постигло землетрясение... Я полагаю, что божество явило людям это чудо как знамение грядущих бед» (VI 98).

72. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41.

73. J. M. Linforth. Greek gods and foreign gods in Herodotus. Univ. of Calif. public., in class. philology, 9, 1, 1926, p. 13.

74. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. CIII.

75. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 113.

76. G. Sarton, op. cit., pp. 303—314.

77. Ф. Мищенко. Не в меру строгий суд над Геродотом, стр. LIX (Геродот. История. Т. II, М., 1888).

78. G. Sarton, op. cit., p. 311.

79. «Описания Геродота, проверенные этнографами и археологами, оказались подтвержденными во всех деталях», —

пишет Сартон (указ. соч., стр. 312). Сартон сильно преувеличивает заслуги Геродота, допустившего ряд неточностей. Но, как справедливо подчеркивает Ф. Мищенко (Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. CXXVIII), причиной этих неточностей было несовершенство тогдашних методов исследования, не говоря уже о чрезмерной доверчивости «отца истории». В другой своей статье (Не в меру строгий суд над Геродотом, стр. XLVI) Мищенко показывает, как многие обычаи скифов, как например доение кобылиц при помощи костяных трубок (IV 2), поклонение мечу, подтверждаются соответствующими обычаями и культами калмыков, аланов, квадов и т. п.

80. «Можно не называть его отцом истории, но уже без всякого сомнения он является отцом этнографии», — замечает Сартон (ук. соч., стр. 312).

81. Перевод см. у С. Я. Лурье (ук. соч., приложение 1, стр. 161 сл.).

82. Это последовательно показывает Шпигельберг (W. Spiegelberg. Die Glaubwürdigkeit von Herodots Bericht über Ägypten. Berlin, 1926).

83. Ф. Мищенко в статье «Не в меру строгий суд над Геродотом» одним из первых в европейской науке выступил против недооценки труда «отца истории», подвергнув критическому разбору работу Сэйса (Sayce. Herodotus I—III. The ancient empires of the East. London, 1883), совершенно незаслуженно обвинившего Геродота в сознательном обмане

своих читателей рассказами о путешествиях, которых не совершал, и фактах, которые не могли иметь места.

84. A. Hauvette. Hérodote historien des guerres médiques. Paris, 1894.

85. К работам Видемана, Якоби и Шпигельберга, на которые ссылается Майрс (ук. соч., стр. 152), следует добавить исследование Эртеля (F. Oertel. Herodots ägyptischer Logos und die Glaubwürdigkeit Herodots. Bonn, 1970).

86. E. Howald. Ionische Geschichtsschreibung. Hermes, 58, 1923, S. 113 ff.

87. M. Pohlenz, op. cit., p. 1 sqq.

88. J. Myres, op. cit., p. 25; C. Hignett, op. cit., p. 37.

89. G. B. Grundy. The Great Persian War. London, 1901; J. Kromayer. Antike Schlachtfelder. Leipzig, 1924—1931. См. также: A. Ferrill. Herodotus and the strategy and tactics of the invasion of Xerxes. Amer. histor. rev., LXXII, 1966, p. 102. Автор показывает, что Геродот обнаруживает гораздо больше знания военной тактики и стратегии, чем обычно полагают.

90. J. Myres, op. cit., p. 31.

91. Даже Майрс, книга которого в основном написана довольно сдержанно и основана на большом фактическом материале, начинает свое изложение с описания того, как пятилетний Геродот вместе со своей матерью встречал флот правительницы Галикарнасса Артемисии, возвращавшейся после сражения при Саламине, и задал матери вопрос, на

который не мог получить ответа всю жизнь: «За что они сражались?»

92. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41, прим. 2.

93. «Я ... буду продолжать мое повествование, одинаково обозревая большие и малые города людей. Ведь те, кто были великими в древности, в большинстве стали незначительными ныне и, напротив, те, которые при мне стали большими, прежде были малыми» (I 5).

94. Все народы замечательны в каком-нибудь отношении, все связаны между собой общими судьбами и интересами, все греки и вообще все люди являются создателями единой человеческой культуры — таков явный и скрытый смысл многих экскурсов Геродота. Совершая насилие над подлинным смыслом труда Геродота, Хелльман (Fr. Hellmann. Herodot. Das neue Bild der Antike, hrsg. v. H. Berve. 1942, S. 248) считал его «великолепным противопоставлением греческого и варварского начала».

От переводчика.

(Г.А.Стратановского)

Для любознательного читателя русского перевода «Истории» Геродота должен представить значительный интерес вопрос об источниках, на которые опирается текст греческого оригинала. Таковыми являются относящиеся к X-XV вв. рукописи, которые отражают непрерывную рукописную традицию, восходящую в конечном счёте к одному из античных изданий. Рукописи эти, вывезенные византийскими учёными в Западную Европу после взятия Константинополя турками (1453 г.), хранятся в настоящее время в библиотеках Рима, Флоренции, Милана, Мадрида, Парижа, Оксфорда, Кембриджа, Тейдельберга и других городов. Число их довольно значительно; так, в капитальном критическом издании Г. Штейна (Берлин, 1869-1881) учтено 46 рукописей. Содержащиеся в них разночтения затрагивают в основном диалектные черты текста Геродота и лишь изредка в них отражены варианты, имеющие смысловое значение. Таким образом, сличение рукописей позволяет установить текст, практически не отличающийся от

того, которым пользовался уже младший современник Геродота Фукидид.

Важным подтверждением надёжности средневековой рукописной традиции Геродота послужили найденные в начале нашего века папирусные отрывки Геродота, относящиеся к античной эпохе; древнейший из них, содержащий гл. 115-116 кн. I, датируется примерно I-II вв. н.э. Чтения этих отрывков воспроизведены в издании К. Гуде (Herodoti Historiae. Recognivit brevique adnotatione critica instruxit Carlus Hude. Vol. I-II. Editio altera. Oxonii, 1912), по которому сделан наш перевод. Переводчиком использованы следующие переводы и комментарии к Геродоту. Русский перевод: Ф.Г. Мищенко. Геродот. История в девяти книгах. Т. I. М., 1885; Т. II. М., 1888. Немецкие переводы: 1) Das Geschichtwerk des Herodotos von Halikarnassos. Übertragen von Theodor Braun. Stuttgart, 1964; 2) Herodot. Historien. Deutsche Gesamtausgabe. Übersetzt von A. Horneffer. Neu herausgegeben und erläutert von H.W. Haussig. Mit einer Einleitung von W.F. Otto. Stuttgart, 1963; 3) Die Geschichten des Herodotos, übersetzt von Friedrich Lange. Neu herausgegeben von Dr. Otto Güthling. Zwei Teile. Leipzig (s.a.). Комментарии: 1) Herodotos. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. K. Abicht. Fünf Bdchen. Leipzig, 1866-1886; 2) Herodotos, erklärt von H. Stein. Fünf Bde. Berlin, 1866-1875; 3) W.W. How and J. Wells. A

commentary on Herodotus, with an introduction and appendixes. Oxford, 1928. Специальный словарь к Геродоту: A Lexicon to Herodotus by J. Enoch Powell. Second Edition. Hildensheim, 1960.

Прочая литература, использованная переводчиком

А.И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957 (А.И. Доватур. Стиль).
В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, №2, стр. 249-288.
С.Я. Лурье. Геродот. М.-Л., 1947 (С.Я. Лурье. Геродот).
С. Я. Лурье. История Древней Греции, ч. I. Л., 1940 (С.Я. Лурье. История).
В.С. Сергеев. История Древней Греции. М., 1963.
В.В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968 (В.В. Струве. Этюды).
Б.А. Тураев. История Древнего Востока. I-II. Л., 1936.
J. Beloch. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Strassburg, 1913.
Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschung. Herausgegeben von Walter Marg. München, 1962.
F. Jacoby. Herodotos. Pauly-Wissowa. Realenzyklopädie d. klassichen Altertumswissenschaft. Supplbd. 2. Leipzig, 1908.
E. Meyer. Geschichte des Altertums. 3. Aufl. Stuttgart, 1937.

Список сокращений

Акк. — аккадский.

Асс. — ассирийский.

Библ. — библейский.

Вав. — вавилонский.

Греч. — греческий.

Др.-евр. — древнееврейский.

Егип. — египетский.

Инд. — индийский.

Иранск. — иранский.

Кар. — карийский.

Карф. — карфагенский.

Критск. — критский.

Лид. — лидийский.

Лик. — ликийский.

Мид. — мидийский.

Миф. — мифический.

Перс. — персидский.

Сем. — семитический.

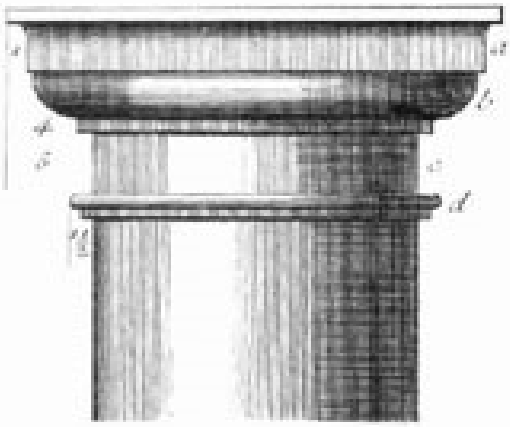
Сир. — сирийский.

Скифск. — скифский.

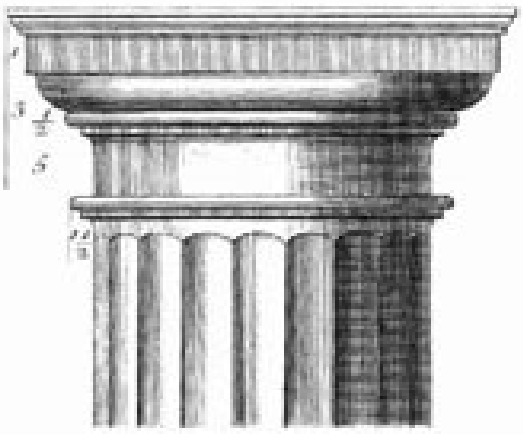
Финик. — финикийский.

Chapiteaux des cinq Ordres, avec le Chapiteau Ionique Moderne.

Chapiteau Toscan.

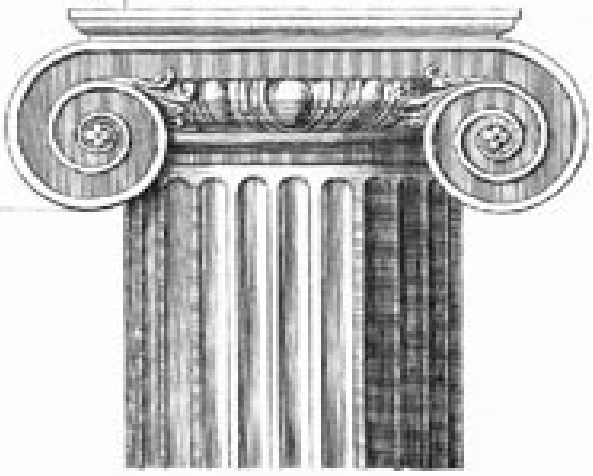


Chapiteau Dorique.

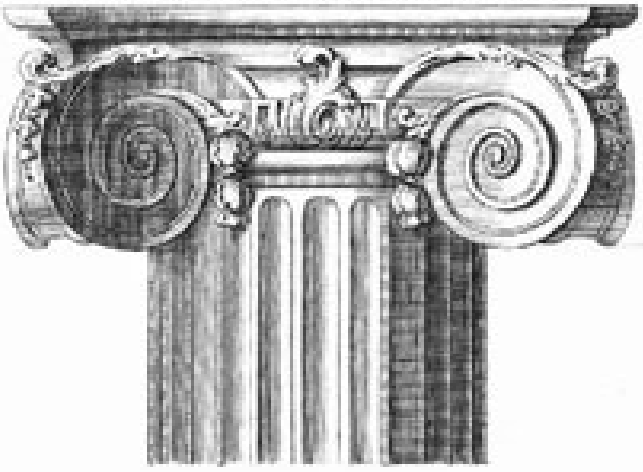


2 Modules ou 24 minutes.

Chapiteau Ionique.

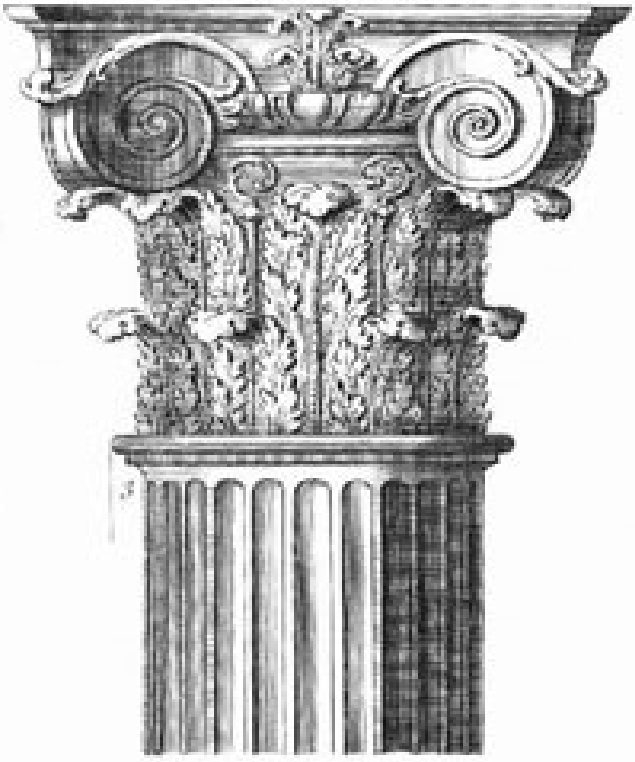


Chapiteau Ionique Moderne.



Chapiteau Corinthien.

Chapiteau Composite.



2 Modules ou 30 minutes.

Античные меры

Меры длины и площади

Дактиль (палец). — 18.5 мм

Локоть. — 440.0 мм

Локоть персидский (царский). — 532.8 мм

Локоть (пигон) = 20 пальцев. — 385.3 мм

Оргия. — 1.776 м

Парасанг (фарсах). — 5549 м

Плефр. — 29.6 м

Стадий (аттический). — 177.6 м

Стадий (олимпийский). — 192.27 м

Схен (египетский). — 445.20 м

Арура (аттическая). — 0.024 га2

Арура (египетская). — 0.2 га2

Меры веса и ёмкости

Дарейк (золотой). — 8.4 г

Драхма (горсть). — 4.336 г

Мина. — 341.20 г

Мина (персидская). — 420.00 г

Талант (серебряный). — 33.655 кг

Талант (аттический). — 26.196 г

Каиф. — 0.045 л

Котила. — 0.275 л

Арбата (персидская). — 55.08 л

Медимн (аттический). — 52.5 л

Метрет. — 38.88 л

Амфора. — 40 л

Халк. — 0.09 г

Хеник. — 1.08 л

Хус. — 3.24 л

Содержание:

Геродот. История. Книга 9-я. Каллиопа стр.1

Геродот. История. В девяти книгах – 2017 стр.3

От редакционной коллегии стр.5

Бюст Геродота. Музей в Неаполе стр.9

Каллиопа – муза эпической поэзии стр.11

Книга девятая. КАЛЛИОПА стр.16

Примечания. Г.А.Стратановский стр.76

Вкладка «Карта мира по Геродоту» стр.84

В.Г.Борухович «Научное и литературное значение труда Геродота» стр.86

От переводчика (Г.А.Стратановский) стр.171

Античные меры стр.176

Содержание стр.178

Форзац стр.179

Обложка стр.180

Геродот. История

От редакционной коллегии

Книга девятая. КАЛЛИОПА

В.Г.Борухович «Научн. и лит. значение труда Геродота»

Редактор: **Амидала**

Художественный редактор: **Амидала**

Технический редактор: **YODA**

Ответственный за выпуск: **YODA**

Оформление: **Амидала**

Утверждено к публикации: 12.04.2017

Формат документа: (А4) 27,9 х 21; 180 стр.

Тираж: Без ограничений.

«Если не высказаны
противоположные мнения,
то не из чего выбирать
наилучшее.»

Геродот